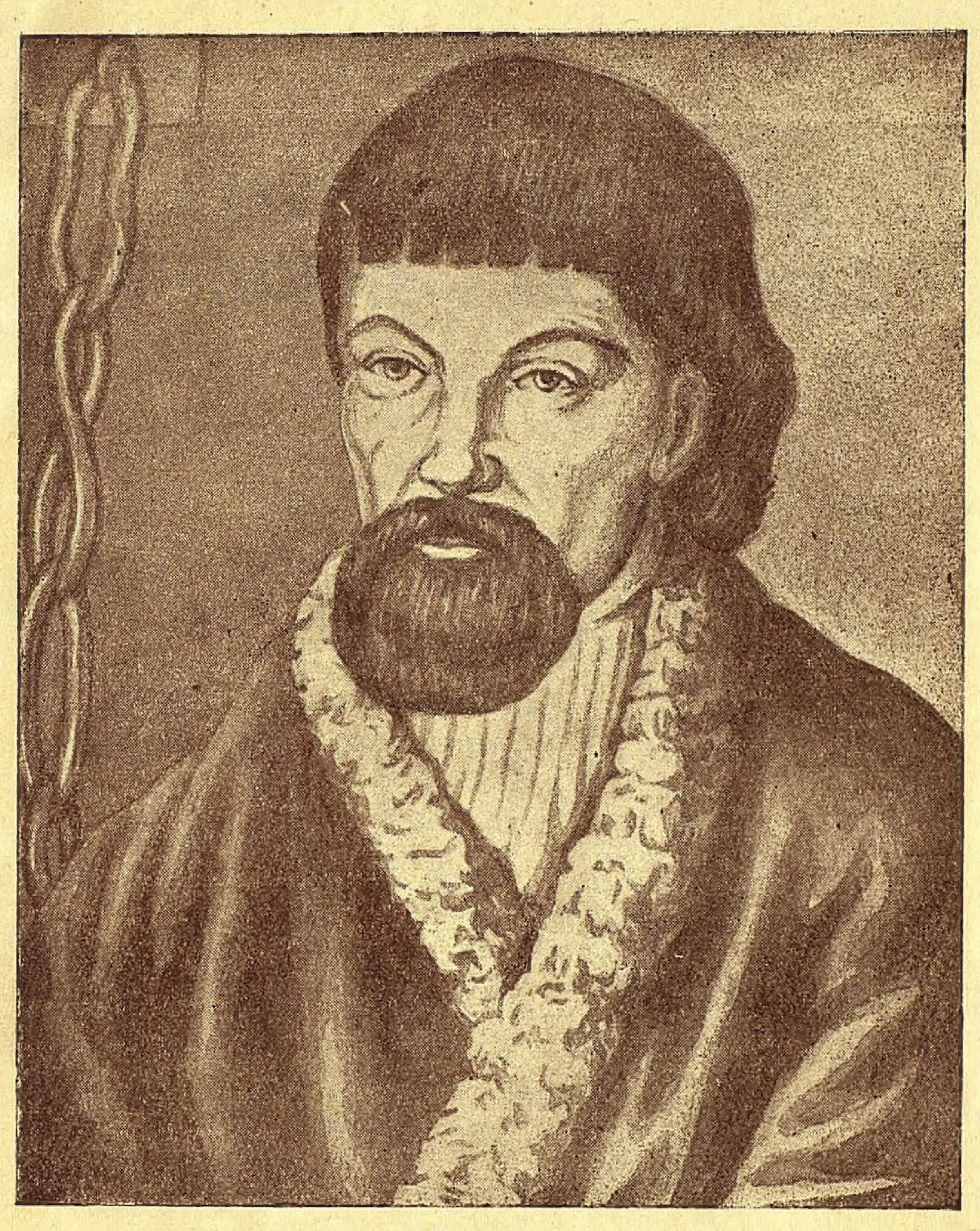
ПУГАЧЕВ

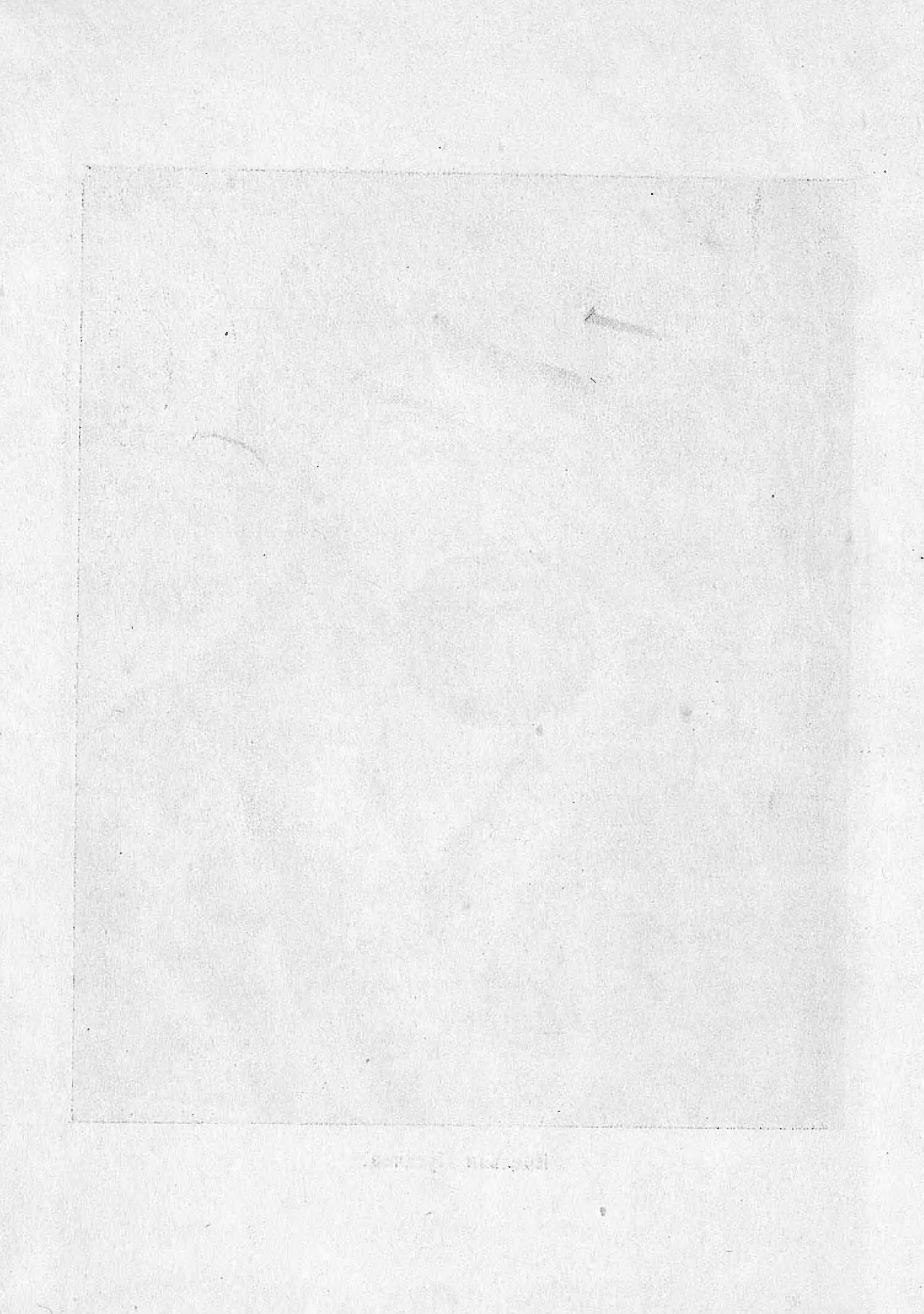
в Нижнем Поволжье

ОБЛАСТНОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СТАЛИНГРАД 1937





Емельян Пугачев.



ЕМЕЛЬЯН ПУГАЧЕВ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

ОБЛАСТНОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СТАЛИНГРАД 1937

(ДОКУМЕНТЫ)

СОСТАВИЛ В. АЛЕКСЕЕВ

ПУГАЧЕВ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

Восстание Пугачева—одно из выдающихся революционных движений в истории народов СССР.

В. И. Ленин называл Разина и Пугачева „представителями мятежного крестьянства".

Товарищ Сталин в беседе с немецким писателем Людвигом говорил: „Мы, большевики, всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев и др. Мы видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета. Для нас всегда представляло интерес изучение истории первых попыток подобных восстаний крестьянства".

Эти высказывания наших вождей вскрывают перед нами исключительное значение стихийного крестьянского восстания, одним из вождей которого был Емельян Иванович Пугачев, собравший под свои знамена широчайшие массы крепостного крестьянства, схватившегося за оружие, чтобы разбить тиски невыносимого гнета, и привлекший на свою сторону угнетенные народности Российской империи XVIII века.

Восстание Пугачева началось почти ровно через сто лет после движения, возглавлявшегося Степаном Разиным.

Крестьянская повстанческая армия, руководимая донским казаком Зимовой станицы Емельяном Пугачевым, почти 2 года сражалась против царских войск, отстаивая с оружием в руках интересы угнетенных.

Пугачевские партизанские войска сумели выдерживать все атаки регулярной царской армии до тех пор, пока правительство не обрушилось на восставших всей своей тогдашней техникой и не разбило силы восставших.

На Нижней Волге разыгрался, собственно, заключительный, финальный момент восстания.

Поход Пугачева в Нижнее Поволжье,—именно в Нижнее, где имелось больше горючего материала для восстания,—ставил целью поднять новые массы против правительства и закрепиться здесь до развития новых наступательных действий против царских войск.

Мы знаем, что Пугачев пришел к Саратову уже с остатками повстанческой армии, ослабленной непрерывными боями и поражением под Казанью.

. Саратов и Камышин были очагами последней вспышки крестьянского восстания XVIII в.

В августе 1774 года Пугачев вступил в пределы нашей области. В это время царская армия уже со всех сторон сдавливала его отряды, постепенно затрудняя действия и заставляя непрерывно отступать. Михельсон, Суворов, Муфель и ряд других царских военачальников были мобилизованы для того, чтобы окружить и захватить Пугачева. Руководили операциями царских армий брат

екатерининского царедворца Потемкин и граф Панин. На берегах Волги, вблизи Царицына и под Черным Яром, все царские войска обрушились на остатки отступавших повстанцев и раздавили их.

Почему же разгром движения произошел именно здесь? Конечно, произошло это только потому, что Пугачев не смог здесь создать себе такую армию, которая сумела бы, была бы в силах задержать и обратить в бегство царских солдат и их начальников.

В период восстания Нижнее Поволжье представляло собой еще окраинную часть страны, колонизация которой далеко не была закончена.

Правда, наметился некоторый подъем хозяйственной жизни Нижнего Поволжья, но этот подъем объяснялся исключительно зверской эксплоатацией бывших беглых крестьян, закрепощавшихся в Нижнем Поволжье целым рядом т. н. ревизий, наряжавшихся царским правительством. Достаточно припомнить ревизию знаменитого полковника Потресова, действовавшего по указу 1745 года, которым предписывалось всех обнаруженных беглых „бить нещадно батогами" и возвращать либо к прежним помещикам, если они их назовут, либо закреплять за новыми помещиками, чтобы понять как много горючего материала накапливалось в низовьях Волги. И не случайно здесь восстания и волнения следовали одно за другим,—то в Астрахани, то под Царицыным. Годами шла классовая борьба крепостных подневольных людей против угнетателей,—помещиков, чиновников и купцов, использовавших особо выгодную обстановку для развития торговли и сельского хозяйства (льноводства, коноплеводства, шелководства и садоводства, особенно виноградарства).

Особенно большой удельный вес в низовьях Волги занимали рыболовство и соледобыча. Во второй половине XVIII столетия „отпуск рыбных произведений весьма усилился".

Так, в 1767—69 годах рыбьего клея было вывезено с астраханских промыслов 4060 пудов, икры—свыше 15 тысяч пудов.

Увеличение числа рыбачьих ватаг и рост промыслов находился в прямой зависимости от оживления всей торговой деятельности по транзитному волжскому пути.

Еще в конце XVII столетия на Волге, в частности в Астрахани, на волжских стругах имелось свыше 10 тысяч бурлаков:—они гнали на стругах соль и рыбу с низовьев Волги.

Исследователи приводят следующие данные о числе судов и бурлаков: стругов, имеющих до 25 бурлаков, было—51, до 50 бурлаков—81 струг, до 75—42, до 100—66 и до 150—9 стругов. Только перевозкой соли было занято в XVIII веке 2415 бурлаков.

Каспийские и волжские рыбные промысла, оставаясь долго основными в стране, должны были естественно привлекать огромные, по тем временам, рабочие массы. Тогда рабочая сила для промыслов вербовалась преимущественно из беглого люда, т. е. из тех категорий трудящихся, которые пытались избавиться от крепостного гнета бегством в Понизовье, но они опять попадали в такую же кабалу, превращаясь либо в крепостных крестьян поволжских помещиков, либо в совершенно бесправных ярыжек, скрываемых нуждавшимися в рабочих руках промышленниками и купцами. Концентрация все большего числа рабочих рук на Волге была тесно связана с темпами роста торговой деятельности с востоком. Рост торговли и строительство морского и речного флота требовали новых рабочих рук. Значительно упавшая при Петре Первом торговля с прикаспийскими странами, особенно с Персией, с которой Петр

вел войну, стала расти только в 60 годах XVIII века, когда были ликвидированы все преимущества для иностранцев, в частности для англичан, в торговле с востоком через Астрахань. С 1760 года торговля России с Персией и Грузией усилилась. Нарастание ее доказывается следующим сравнением:

	Привоз	Отпуск
В 1760 году	на 210.500 руб.	180.500 руб.
„ 1760 „	„ 318.510 „	438.500 „
„ 1773—77 гг.	„ 405.420 „	455.175 „ 1)

Этот возрастающий поток товаров с востока и на восток требовал новых рабочих рук. Однако, торговая деятельность на Нижней Волге еще не была тем средством, которое давало бы возможность закрепить здесь рабочих, сделать основную массу населения более или менее оседлой. Только развитие сельского хозяйства обеспечивало помещикам и промышленникам возможность закрепить население на берегах Волги.

Главная причина слабого притока населения на берега Волги лежала в трудностях освоения края и в тяжести крепостного бремени.

Достаточно привести голый перечень окладных сборов и различных оброков, которые взимались в конце XVII и начале XVIII века с крестьян, чтобы видеть „тяжелое положение крестьян того времени в Низовом Поволжье". 2)

Так, например, крестьяне в ряде мест должны были „платить по окладу в казну великого государя на год,—за лес низовых отпусков, за дрова, за уголье, за береговой лес, за лубье и за драницы, за шесты и за бабайки, за лыка и за мочала".

Крестьяне обязаны были, буквально, за все платить „с живых, и умерших, и беглых крестьян". Мало того, они должны были безвозмездно „на государевых мельницах всякие вешние и осенние починки делать и лес к тому мельнишному строению готовить, а зимою дрова возят и целовальников дают по 2 человека и подмоги им дают по 4 руб. на год человеку". 3)

„При подобных тягостях,—говорит цитируемый нами автор,—крестьянским общинам в Поволжье жилось трудно; между тем, вследствие больших тягостей, которые ждали здесь поселенца вскоре после его водворения при умалении естественных богатств, уменьшился сильно прилив новых насельников в здешние места".

По мере развития волжского пути, благосостояние,—материальное, правовое и бытовое положение крестьянства, селившегося по берегам Волги,—не только не улучшалось, но, наоборот, ухудшалось.

Кабала и эксплоатация росли, правительство создавало невыносимо тяжелый режим для переселенцев как подневольных, которых тысячами пригоняли сюда, как при Петре на постройку канала на Иловле, от Дона к Волге,—так и добровольно селившихся здесь. Особо тяжелыми были условия существования для охранявших волжский путь сторожевых казаков, сперва донских, а затем, с учреждением Астраханского и Дубовского казачества,—волжских.

Как те, так и другие, выполняя повинность, возложенную на них помещиками и царем, влачили полуживотное существование, заброшенные и обреченные на голод и всякую нужду. Царский указ 1745 года вынужден был кон-

---

1) История промышленности России, 1837 г., СПБ.
2) А. Петрякевич, Поволжье в XVII и начале XVIII веков.
3) Там же.

статировать, что они „там промыслом звериным питаясь, зверски в отчаянии живут“. Они должны были выполнять роль охранителя плывущего по Волге царского добра, имущества и товаров купцов,—русских и иностранных.

Самуил Гмелин, плававший по Волге как раз за год до прихода на Волгу Пугачева, в таких мрачных красках рисует виденную им жизнь казачества на Волге и Дону:

„Если хочешь бедную тварь в свете себе представить: то должно на память привести донского казака, на линии стоящего. Само собою явствует, что из отчизны своей казаки посылаются самые бедные и неспособные, кои не в состоянии были ни просьбою, ни деньгами от сей тяжести освободиться. Здесь поступают с ними так, как едваль прилежный хозяин поступает со своим скотом. При величайшей бедности, в которой казак едва сухим хлебом голод свой утолять в состоянии бывает, должен в худой одежде сносить тяжесть жары и жестокость стужи, или с своими товарищами укрываться в темную конуру, в которой непривыкшему ни одной минуты пробыть невозможно, потому что воздух, который они в оной в себя принимают, есть нежилого свойства. А для одной или двух своих лошадей, в коих состоит все его стяжение, не имеет он такого корма, который для понесения таких трудов, коим лошади от казаков подвержены, требуется. Наконец, по прошествии сего несносного времени, возвращается он со своими измученными лошадьми, если только удалось и свою и их спасти жизнь, в свое отечество беднее прежнего.

Есть между ними и такие, кои, принося свое имение с собою, тем самым служат, к отягощению бедных, ибо, как говорят, что они своими деньгами умножают доходы начальствующих, с тем, чтоб по крайней мере прежде прошествия определенного времени домой возвратиться“.

Так жилось казакам на Волге. Естественно, что они были основным горючим материалом, который воспламенялся здесь неоднократно при всех народных движениях.

Идя на север от Оренбурга через Казань, Пугачев в поволжских губерниях встречал все больше и больше сторонников. Почти все города на своем пути он забирал ценою очень небольших потерь и если бы к нему могла присоединиться та огромная масса крепостных, которая восстала в Тамбовской, Воронежской и частично Курской губерниях, вряд ли бы он так легко проиграл сражение под Царицыным.

Но в Нижнем Поволжьи Пугачев оказался оторванным от огромной массы поддерживавших его крестьян-крепостных, однодворцев, казаков и бобылей. В Поволжьи реальной силой Пугачева были только казаки, башкирский и калмыцкий народ, плохо вооруженные, не искушенные в военных операциях, вынужденные драться против дисциплинированной царской армии, и, конечно были обращены в бегство в первых же сражениях. Вступая в Саратовскую губернию и направляясь через Саратов вниз по течению Волги, Пугачев не предполагал очутиться здесь почти в одиночестве. „Следуя большою московской дорогой, Пугачев рассылал многочисленные шайки во все стороны—на Хопер, Узу, Медведицу“. [1])

Это стремление создать на Волге новую армию Пугачев проявлял на каждом шагу. Заняв Саратов 7 августа 1774 года, Пугачев не задерживается здесь со своим войском „из 300 яицких казаков, 150 донских и 10 тысяч калмыков,

---

[1]) Леопольдов. „Очерк истории Саратовского края“.

башкирцев, татар и господских крестьян-холопов"[1]), имеющей тринадцать пушек направляется, дальше, чувствуя, что против догонявших его Михельсона, Багратиона и Суворова устоять ему нельзя...

Из Саратова Пугачев направляет вербовщиков на Дон и на Медведицу, продвигается все время правым берегом Волги и свое войско ведет сухопутьем, в то время, как перед ним был более быстрый и легкий путь водой. Волга используется им только для движения обоза, провианта и всякого снаряжения для армии.

Сам Пугачев к Волге не спускался, потому что это затрудняло бы его маневренность, оторвало бы от коренного населения берегов и затруднило бы занятие городов и селений на нагорной стороне Волги.

В своих расчетах Пугачев не ошибся. Тотчас же за Саратовом, часть царского войска, встреченного пугачевцами, присоединилась к ним. То же происходит в Камышине, где к ним присоединяются сдавшие город войска,— „500 калмыков и 100 казаков".

Только на пути к Дубовке Пугачев встречает сопротивление и терпит первый большой урон,—до 500 человек,—от донского полка Кутейникова. В Дубовке казачество целиком пошло за Пугачевым, а большинство царских защитников разбежалось. Дальше с огромным подъемом Пугачев был встречен в Антиповской станице, жители которой целиком присоединились к нему.

Покинув Дубовку, основные силы восставших подошли к Царицыну. Осада города началась 21 августа. Пугачев не предполагал встретить здесь сильное сопротивление, не сосредоточил достаточно сил и, в результате, был разбит.

Основная причина поражения Пугачева заключалась в том, что ему не удалось поднять новые массы на свою сторону, не удалось сорганизовать повстанцев, не удалось объединить действия отдельных повстанческих отрядов, действовавших разрозненно на громадной территории, не удалось создать тыл, который бы поддерживал движение главных сил и преградил бы путь Михельсону и другим, шедшим за ним в погоню, царским военачальникам.

Конечно, было бы ошибкой утверждать, что Царицын не был взят Пугачевым только потому, что здесь никто его не поддержал. Под Царицыным в его ряды влилось более 1000 донских казаков и отряд калмыков, но армию Пугачева составлял конгломерат недовольных, восстание носило стихийный характер, у отдельных групп восставших были свои обособленные интересы, не существовало еще рабочего класса, под руководством которого крестьянство только и может вести победоносные классовые бои,—и, вполне понятно, что армия Пугачева потерпела поражение под Царицыным.

Правда, это не был еще окончательный удар. Прорвав вал, ограждавший город, Пугачев прошел дальше за Царицын, но уже через несколько дней столкновение с войсками Михельсона между Царицыным и Черным Яром оказалось роковым для Пугачева.

Одно то, что Пугачев так быстро потерял свою армию свидетельствует о том, что его армия к этому времени перестала существовать, как реальная боеспособная сила.

Вступив в Нижнее Поволжье, Пугачев все время переживал тяжелые испытания, все время терпел неудачи, несмотря на почти беспрепятственное занятие им городов и селений и поддержку большинства их населения. Сам он, повидимому, отчетливо видел обреченность возглавлявшегося им восстания. Доста-

---

[1]) Леопольдов „Очерк истории Саратовского края".

точно сказать, что за июль—август 1774 г. не сохранилось ни одного программного документа (кроме обращения к казакам станицы Антиповской и одного, приводимого нами, манифеста), исходившего от Пугачева.

Ясно отсюда, что в руководящих верхах движения царила растерянность, что руководители уже не верили в успех борьбы и даже не пытались поднять новые массы угнетенных под знамена гражданской войны. Вместо организации нового наступления, армия Пугачева рассыпалась и думала только о том, чтобы выйти из-под удара.

Все показания ближайших помощников Пугачева об этом периоде свидетельствуют о растерянности и разброде в рядах восставших.

„Отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями" (Сталин).

* * *

В этой книге мы попытались собрать все, что было опубликовано о восстании Пугачева и связано непосредственно с пребыванием его на Волге.

В книге приведены документы, исходящие как от самого Пугачева или от его приверженцев, близких друзей и командиров его армий, так и основные рапорты и донесения начальников царских войск в момент их борьбы против Пугачева в Нижнем Поволжьи.

Книга, для удобства розыска того или иного документа, разбита на ряд разделов по основным темам:

1—Допросы Пугачева, 2—Показания ближайших друзей и боевых командиров Пугачева, 3—Допросы и показания участников пугачевского движения, 4—Донесения и рапорты о движении правительственных войск.

При составлении книги использованы документы, опубликованные ранее в сборниках „Пугачевщина" Центрархива, журналах „Красный Архив" и „Материалах по истории Пугачевского бунта" Я. К. Грота.

В. АЛЕКСЕЕВ.

МАНИФЕСТ ПУГАЧЕВА

БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ, МЫ, ПЕТР ТРЕТИЙ, ИМПЕРАТОР
И САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ
И ПРОТЧАЯ И ПРОТЧАЯ И ПРОТЧАЯ

Объявляется во всенародное известие.

Жалуем сим имянным указом с монаршим и отеческим нашим милосердием всех находившихся прежде в крестьянстве и в подданстве помещиков быть верноподданными рабами собственно нашей короне, и награждаем древним крестом и молитвою, головами и бородами, вольностию и свободою и вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и протчих денежных податей, владением землями, лесными, сенокосными угодьями и рыбными ловлями и солеными озерами без покупки и без оброку, и свобождаем всех прежде чинимых от злодеев дворян и грацких мздоимцов судей крестьянам и всему народу налагаемых податей и отягощениев и желаем вам спасения душ и спокойной в свете жизни, для которой мы вкусили и претерпели от прописанных злодеев дворян странствие и не малыя бедства; а как ныне имя наше властию Всевышней десницы в России процветает, того ради повелеваем сим нашим имянным указом: кои прежде были дворяне в своих поместьях и водчинах, оных противников нашей власти и возмутителей империи и раззорителей крестьян ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами крестьянами, по истреблении которых противников и злодеев дворян всякой может возчувствовать тишину и покойную жизнь, коея довека придержаться будем. Дан июля 31 дня 1774 году.

Петр

(Материалы для истории Пугачевского бунта Я. К. Грота. Приложение к XXV тому Записок Академии Наук. № 4, стр. 53)

I.

ДОПРОСЫ ПУГАЧЕВА

1774 г. ОКТЯБРЯ 2—5.—ДОПРОС Е. И. ПУГАЧЕВА В СИМБИРСКЕ

I. ВСТУПЛЕНИЕ

Объявляет он, Пугачов, что первому помышлению его о побеге за Кубань был поводом донской казак Луганской[1] станицы, Андрей Кузнецов. Считая себя утесненным, как и прочие раскольники, советовал сей Кузнецов подговаривать яицких казаков к побегу, и говоря при том, что войско яицкое было неоднократно в смятении, что угнетаемо оное от старшин и начальников, и что они, яицкие казаки, яко раскольники, на предложение о побеге согласятся.

Намерение самого злодея Пугачова было бежать по подговору зятя его, Павлова (о сем значит в первом допросе на странице 7)[2]; но как он, Пугачов, перевез зятя своего за реку Дон и отстал, то усомнился еще тогда, чтоб за перевозом показанного зятя своего не было взыскания, ибо по установлению положена казнь таковым, кто осмелится переходить или препровождать кого за Дон; того ради убежал Пугачов, но был пойман в станице. Тогда приказано было его, Пугачова, вести донскому казаку Худякову. Сей Худяков приказал сыну своему отпустить, о чем видно из первого допроса (на странице 3)[3]. Сей препоручил вести злодея в Черкаск сыну своему, отпуская, приказал отпустить с дороги его, не по чему иному, что Пугачов с ним бывал знаком; взыскания же за то, что упустил колодника, не опасался для того, что сын его был малолетен. Ушедши, злодей с дороги пробрался, имея намерение итти в Польшу, в Слободскую Украинскую губернию, в Изюмской полк. Там в одной слободе был у одного крестьянина, по прозванию Коровки. Будучи у него несколько времени, узнал, что оный Коровка раскольник. А как он, злодей, знал, что раскольники беглым людям дают пристанище и вспомоществуют им, то, в надежде сей, спрашивал хозяина своего, каким образом можно пройти в Польшу. Коровка объявил злодею, чтоб он шел в раскольничий монастырь на Ветку и вместе с ним послал и сына

---

[1] В рукописи Лазунской, что очевидно описка.

[2] Первый допрос напечатан в Чтениях Об-ва Истории и Древностей Росс. при Моск. университете, 1858, кн. 2, отд. II, стр. 1—36.

[3] Там же.

своего, Антона, понеже сей писывал фальшивые пашпорты. Пугачов напротив того говорил, чтоб итти на поселение до Бендер; а соглася на свое мнение показанного Антона, пошли. А сей написал пашпорты как себе, так и злодею, с которыми бы могли пробраться они до Бендер. На дороге проведали, что в Бендеры не пропускают без печатных пашпортов, и поворотились на Ветку, по словам Коровки. Там был несколько времени (сколько, в первом допросе, на странице 4)[1]. Нанимался на сенокосы, готовился с приобретенными деньгами итти на Добрянку. Таким образом, заработав несколько денег, пошел он, оставя на Ветке Коровкина сына, Антона, в Добрянку. На форпосте сказался он польским выходцем, как и в прежнем объявил, утаив прямое название свое для того, что если бы служивым, то бы его задержали. Желание его было поселиться на Иргизе ради тех причин, что, будучи в карантине, слышал он от многих, как велики выгоды поселянам. Вышед из Добрянского карантина, дошел вторично к показанному Изюмского полка к Слободскому крестьянину, Коровке, взял у него свою лошадь и поехал на Иргиз, имея себе спутником беглого солдата, сказывающегося о себе также выходцем (пространнее о сем видно в первом допросе). Проезжая от показанного Коровки вместе с товарищем своим, заехали на устье Медведицы в казачьи хутора и, спрося, кому оные принадлежат, пришли к хозяину. Сей хозяин есть Андрей Кузнецов, тот, который первый подговаривал его, Пугачова, возмущать яицких казаков. Когда он спрашивал пришельцев, куда они идут, и на то Пугачов ответствовал, что идут на Иргиз селиться, то Кузнецов говорил: „Ныне де, и на Иргизе стало великое гонение староверам, так не лучше ли пробраться в другое место". Пугачов, имея намерение и прежде с зятем бежать на Кубань, открылся в том Кузнецову, а сей отвечал, что намерение его несбытное: „Как, де, можно бежать в такой далекий путь малому числу. Слышно, де, здесь, что яицкое войско давно бунтует, так лучше де, его подговорить бежать вместе". Сими мыслями воспользовавшись, спрашивал злодей: „Каким способом и каким путем пробраться на Яик". А хозяин ответствовал, чтоб шел он в Мечетную Слободу и явился у игумена раскольничьего монастыря, Филарета, уверя при том злодея, что игумен его по расколу крайне знаком. При отъезде его Кузнецов дал ему денег 74 руб. с тем, чтоб оные деньги отдал Пугачов брату его, Кузнецова, живущему на Иргизе. Злодей, приехав в Мечетную Слободу, явился к игумену Филарету, объявил ему намерение свое, и отец игумен одобрил оное, сказав при том, что „по обстоятельствам, яицких казаков возмутить не только не трудно, но и весьма возможно". С таким намерением отправился злодей на Яик, под видом, якобы за покупкою рыбы. Едучи дорогою с крестьянином Малыковской волости, Семеном Филипповым (сей самый

---

[1] Первый допрос напечатан в Чтениях О-ва Истории и Древностей Росс. при Моск. университете, 1858 кн. 2, отд. II, стр. 1—36.

Филиппов поймал злодея и к Малыковскому управителю донос представил), объявил ему намерение свое, а прибыв в Яицкой городок, стал в доме казака Дениса Пьянова. Между многими разговорами спрашивал злодей о состоянии яицких казаков; а как усмотрел их неудовольствие, то и стал подговаривать их к побегу за Кубань Некрасовским путем, обнадеживая их награждением, как на него из Малыковки показано".

Соображая обстоятельства похождения злодея по всем сведениям, каковые секретная комиссия собрать могла, с показанием его, усмотрено, что злодей скрывал яд злости на сердце; для того учинено было ему малое наказание; и по доводам тем, что до поимки его, Пугачова, открылось уже, какие имел он замыслы и советы, будучи на Яике в доме казака Дениса Пьянова, убеждаем был злодей, и открылся против вопросительных пунктов.

II. ОТВЕТЫ НА ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПУНКТЫ

1. Возмечтал он, злодей Пугачов, принять на себя высокое название покойного государя Петра Третьего в Добрянке, по научению купца добрянского, прозванием Кожевникова. Когда он, злодей, был в карантине, то для прокормления своего нанимался в разные работы, между прочим, по найму работал и показал на покойного государя, Петра Федоровича, одному беглому солдату; сказывавшемуся также выходцем из Польши. Сей солдат объявил хозяину, что он, смотря на Пугачова, находит великое в нем подобие покойному государю Петру III. Кожевников услыша, спрашивал Пугачова, какой он человек и, лаская его разными образы, выведал из него о точном его звании и природе, и открывшись в звании своем, не утаил и того, что он из дому своего бежал, и объяснил причины его побегу. Кожевников, сведав верно, говорил злодею:

„Слушай, мой друг. Если ты хотел бежать за Кубань, то бежать одному не можно. Хочешь ты пользоваться и начать лучше намерение. Есть люди здесь, которые находят в тебе подобие государя Петра Федоровича. Прими ты на себя это звание и поди на Яик. Я, де, точно ведаю, что яицкие казаки притеснены; объявись там под сим именем и подговаривай их бежать с собою. Сей солдат скажется гвардейцем и будет всех уверять, что ты подлинно государь, и он тебя знает, а простой народ сему поверит. Обещай яицким казакам награждение, по 12 руб. на человека; деньги ж, если будет нужда, я вам дам, и прочие помогут, с тем только, чтобы вы нас, раскольников, взяли с собою, ибо нам здесь жить староверам стало трудно, и гонение нам делают непрестанное."

Обрадуясь случаю сему, злодей утрудился принять на себя высокое название, и советовали, каким лучше способом объявиться ему под именем государя. В совете еще был с ними добрянской кузнец, Крылов. И положили, чтоб ему ехать на Иргиз, в Мечетную Слободу, к игумену Филарету. Кожевников

и Крылов приказали явиться у Филарета, обещая, что он, Филарет, подаст помощь и советы, яко лучше всех сведущий человек о состоянии яицких казаков, примолвя при том, что и все раскольники, если удастся ему, злодею, с ним пойдут. Таким образом, во уповании на сию помощь, отправился он на Иргиз с показанным солдатом, имея точное намерение назваться именем государя Петра III; а солдат всегда обнадеживал его, что будет уверять всех о сходствии с бывшим государем. Отправясь из Добрянки, заезжали они к вышеписанному Слободскому крестьянину, Коровке, а оттуда во Донские станицы, к Кузнецову. По прибытии на Иргиз, товарищ его, беглый солдат, от него отстал, и нанялся в рекруты, но какой ради причины, не ведает, а он, злодей Пугачов, пришел к Филарету, сказал ему свое звание, открыл ему советы Кожевникова, и Филарет принял сие намерение с радостию, обнадеживая при том, что яицкое войско его, Пугачова, примет, и что и сам отец игумен в том будет способствовать. Условясь, поехал он в Яицкой городок, под видом покупки рыбы. Филарет дал ему, злодею, наставление таким образом подговаривать яиций казаков: велел ему прямо ехать к казаку Денису Пьянову, и первому ему объявить яко бы Пугачов был подлинно государь Петр III, и что он прислан от игумена Филарета. С сею надеждою прибыл он на Яик и сделал обнадеживание, открывшееся в Секретной Комиссии по допросу Дениса Пьянова, который в начале августа умре.

2. Понеже он, Пугачов, в сие время сказался купцом, и когда под сим званием взят был под караул, то управитель Малыковской ведая об нем прежде по пашпорту Добрянского директора, что он, Пугачов, назван был выходцем из Польши, стал его сечь и, узнав его прямое звание, послал его в Симбирск. Едучи дорогою, просил он проводников своих, коих было двое, чтобы его освободить; но они, соглашаясь на то, требовали с него по 100 руб. то Пугачов отрекся дать сию сумму, сказав, что он имеет только 77 руб. При сих словах убеждаем был злодей вновь, как самым письмом, писанным от него к Филарету, так и разными известными доказательствами, по показанию его сообщников.

Показанные деньги в письме 470 руб. имел он, злодей, подлинно оставленными ими у Филарета. Оные деньги получал он, злодей, во-первых, от показанного крестьянина Коровки, 370 руб., согласившегося с ним бежать и уговаривать других раскольников, да от казака Луганской станицы, по прозванию Долотина, 42 руб. и последние 74 руб., как выше сказано, от Кузнецова. Все оные деньги даны были ему, злодею, на вспоможение адского намерения назваться именем государя и возмутить яицких казаков, в том еще обнадеживании, что они, выше сказанные его пособники, так и все раскольники его помогать будут всеми способами и не щадя денег. Кузнецов, при отъезде злодея, уверял, что злодейству их помогать будет донской казак Вершилов, не жалея иждивения; что оный Вершилов, почтенный человек между раскольников, согласит многих, и что ему всеконеч-



Факсимиле Пугачева.

но послушают, утвердясь на таковых основаниях; потому, по многих обещаниях, приступил он к злодейству. А когда пойман был в Малыковке и представлен в Симбирск, то показал имя извощчика своего, Попова, и что просил он, злодей, одного подъячего, знакомого Попову, о ходатайстве у воеводы, ассесора и секретаря, дабы его, Пугачова, освободить, и обещал им сказанные в письме 300 руб. за освобождение. Сей подъячий спрашивал злодея, имеет ли обещаемые деньги в наличности. А как он объявил, что готовых денег нет, но в Мечетном раскольничьем монастыре у Филарета, то писарь, обещавши приложить старание, ничево не исполнил. По усильной однако ж просьбе его написал письмо сие и послал с вышеписанным Поповым (имя сего Попова Василий Иванов сын). Вскоре Пугачов послан в Казань, где и объявили воеводе, что Пугачов за освобождение сулит 300 руб., но злодей не показывает, говорит, что поклепать напрасно не хочет в старании прочих людей, в разуме том, что показанные, Попов и подъячий, обещались ему помогать; Филарету угрожал для того, что сей игумен был злейшему намерению их сообщником и награждение сулил, ожидая не только успеха в предприятии, но и помощи от Кожевникова, как выше сказано.

3. Будучи еще в Мечетной Слободе, слыхал он от игумена Филарета, что в Казани есть купец Василий Григорьев сын Щолоков, крайний друг его и раскольник. По подозрению его, Щолокова, дающего пристанище раскольникам, и что у него жил в доме прошлой зимы сей плут, Филарет, писано было от Комиссии о присылке Щолокова в Петербург к генералу-прокурору князю Вяземскому и хотя ответствовано, что сей Щолоков взял откуп в Тверской провинции, будет 12 августа, но он не был, а жена его содержится в Комиссии. По этой надежде злодей Пугачов, когда содержался в Казани, просил одного мальчика, приносящего в тюрьму пироги на продажу, сведав, что сей мальчик был из дому Щолокова, чтобы он прислал своего хозяина в тюрьму для переговора с ним, злодеем. По сему позыву Щолоков в тюрьму приходил. Щолоков спросил его, за что он содержится. Злодей отвечал: что за крест и бороду. Сие сказано в том разуме, чтоб больше подвергнуть его к жалости, ибо он знал, что Щолоков раскольник. В самом деле обещал Щолоков делать ему вспоможание, присылал ему неоднократно милостыню, давал ему в разные времена по несколько денег, обещал за него просить губернатора и секретаря. По некотором времени паки приходил к нему в тюрьму, и сказывал, что уж, по обещанию своему, судей просил, и что губернатор велел повременить, секретарю же обещано было 20 руб. Тут открыл он, злодей, Щелокову, что оставил деньги свои у Филарета, и что из оных денег заплатит ему обещанные 20 руб. секретарю, и просил он Щолокова, чтоб постарался склонить купно с собою о свободе его, Пугачова, и московского купца, Ивана Иванова сына Хлебникова, ознакомившегося с ним, Пугачовым, через одного тюремного, Закилева. Сей

послан на поселение. По сей просьбе Щолоков ходил к Хлебникову, и сей приходил в тюрьму к Пугачову и обещал об нем стараться. При свидании с ним сказывал, что намерен писать к Филарету, и злодей его просил, чтоб от него послать к игумену письмо, объявя также Хлебникову, что у Филарета оставлено его денег 470 руб. Письмо от злодея писал колодник Битюгов и содержание оного было, чтоб Филарет старался о освобождении и прислал бы к нему деньги. Когда он, злодей, призыван был пред секретаря, то, по распросе его, просил он, злодей, о свободе, а тот сказал ему сими словами: „Будет, мой друг, время". Потом вторично был злодей призыван к секретарю, и когда с него сняты ручные кандалы, дал ли секретарю Щолоков обещанные 20 руб., он, злодей, не известен. В то ж самое время сняли с злодея тяжелые ножные кандалы и заклепали в легкие. После того отослан Пугачов из Губернаторской экспедиции в обыкновенный острог; там будучи несколько недель, познакомился он с Дружининым (как значит в первом допросе), содержащимся по начету. В тот день, когда условились они бежать, подарили они тюремному надзирателю 10 коп. Офицеров он никогда не даривал. И священник о побеге его ни мало не знал. Впрочем, о уходе своем из Казани объявил так, как в прежнем допросе, прибавя, что Дружинин и он, злодей Пугачев, пивши у священника, старались напоить несогласного солдата, а сами весьма береглись, что, будучи оный солдат почти без чувств пьяным, не мог им в побеге препятствовать. Оный солдат прошлую зиму умре.

4. По переходе Пугачова на правый берег Волги отстал от толпы бунтовщичьей яицкой казак не Остафий Трифонов, а прозванием Ходин. Но сей скоро возвратился, набрав до 700 человек, и соединился с главною злодейскою толпою. При Саратове Остафья Трифонова он, злодей, никогда в толпе своей не имел и не знал. (О сем тоже показывает и Чумаков). Никого из толпы своей к Царицыну не отправлял, а отправил в Москву называющегося купцом Ивана Ивановича. Сей самый приехал в толпу бунтовщичью тогда, как злодей был в Уралах. Добровольно злодей объявляет, что никогда до того времени его не знал. Приехав в Урал, показанный Иван Иванов удостоверил мысли обвороженного народа тем, что разглашал повсюду, якобы он прислан от государя цесаревича с подарками. Точно сие показывал в допросе своем старшина Казнафер и священным именем его высочества увещевал простой народ к преклонению к Пугачову, сказывая, что не Пугачов бунтует, а подлинный государь защищает престол, что способствовало злодею много усилиться. Сверх того рассказывал оный купец повсюду, что привез он от его высочества шапку, сапоги, а от ее высочества 2 камня. Все сие в самом деле было произведено. Но Пугачов, приняв подарки, не входил в подробности, от кого оные были присланы, радуясь только тому, что сей доброхот оттоль много преклонил к нему народа. Когда злодей разбит под Троицкою крепостию, то первую подал ему мысль показанный Иван Иванов, собрав

новую толпу, итти к Казани, сказывая ему, что он может там утвердиться, и потом следовать для принятия в Москву всероссийского престола. Народу же разглашал он, Иван Иванов, что государь цесаревич с войсками следует к Казани на помощь; что Казань ему, не противясь—покорится; и вняв его совет, злодей пошел к Казани и объявлял уже намерение сие в ложных манифестах. Когда злодей перешел за Волгу, то сей Иван Иванов, называющийся купцом, пред всею толпою просил его в Москву и в Петербург, говоря так: „Время теперь, батюшка, надежда-государь, ехать возвратно, (примолвя дерзновенно) к твоему Павлу Петровичу, и объявить ему, что ваше величество перешел с армиею за Волгу, и чтоб поспешал с обещанною силою к тебе на помощь скорее“. Он, злодей, слыша сии слова, хотя и знал, что посылать к его высочеству не есть дело возможное, но, отправив его при всем народе, высыпал ему из полы своей 50 руб. денег и отпустил в Москву, дабы тем утвердить в мыслях невежд, что злодей не только не самозванец, но ожидает подкрепления себе. Отправление сие называющегося купцом весьма сходствовало с тем, как рассказывал о своем отправлении назвавшийся Остафием Трифоновым. Сходство примет по словам злодея дает подозрение, что он самый тот, который назывался купцом Иваном Ивановым в толпе злодея. В самом же деле весьма подозрительно, не был ли сей пособник злодея посылан от раскольников. В Царицыне же он, злодей, как выше сказано, никого не посылал, а приказал сему, называющемуся купцом, что когда он возвратится, чтобы искал его под Царицыным, и если его толпа усилится, то дал бы знать о состоянии Москвы и Петербурга; а если его разобьют так, что отправиться ему не будет способу, то искал бы его у царицынского жителя, Полякова, где, по некоторому знакомству, чаял он при несчастии искать убежища. Называющийся яицкой казак Остафий Трифонов показал точно сии слова, с той только разницею, что царицынского жителя показал он Попова, а не Полякова. Часто поминаемый Иван Иванов при отъезде своем спрашивал при всех, называя злодея высоким именем государя, как он велит приезжать его высочеству, одному, или вместе с ее высочеством. А злодей ответствовал, для обольщения народа: „Пускай приезжает вместе, и чтоб они скорей из Петербурга выезжали“.

5. Из чиновных людей в бунтовщичьей шайке у него, злодея, были из самого начала, после разбития генерал-майора Кара, из взятых 2 рот второго гренадерского полку подпоручик Шванович (обстоятельства значутся самого Швановича в допросе).

Сей офицер служил ему, злодею, и лично бывал на сражении под Оренбургом, при сообщнике злодея, яицком казаке Шигаеве; сказывал злодею о себе, что он, Шванович, крестник в боге почивающей г. и. Е. П.,[1] что умеет говорить многими языками, и может способен быть к установлению в то время злодейской коллегии, и перевесть ему на немецкий язык подложный манифест и указ к оренбургскому губернатору. И с тех

[1] Государыни императрицы Елисаветы Петровны.

пор подо всеми злодейскими указами подписывал он, Шванович, вместо самого злодея по латыни: Петр. Сверх того слышал он, злодей, от Горшкова, что он думный дьяк злодейской, обще с Швановичем, писали указы на немецком и французском языке, но куда оные указы послали, злодей не известен (что с очной ставки Горшкова с Швановичем изведать должно). Но с тех пор, как он, злодей, разбит вторично генерал-майором кн. Голицыным под Самарою, когда он ушел к Уралам, никого из дворян при себе не имел. Следуя ж к Троицкой крепости из-под Татищевой, ни места, ни времени где, не помнит, какой-то прапорщик предался ему, злодею, в верные услуги. Имя сего прапорщика он не помнит. Вскоре потом злодей разбит был под Троицкою крепостию, а сказанный прапорщик, между прочим, взят войсками плен. Впрочем, утверждается в том, что он никогда доверности к сему прапорщику не имел. Из под Троицкой крепости до самой Осы никогда из чиновных у него в толпе не было, а после похищения Осы, взяты были майор Скрипицын, капитан Смирнов и подпоручик Минеев. Сей последний донес на майора Скрипицына, что изготовил он в Казань рапорт, объявляя, что толпы его [1]... за что Скрипицын и Смирнов были повешены, а Минеев назван полковником и атаманом. Потом сей нечестивец обещал злодею свои услуги, провести его в Казань и подать способы, как овладеть Казанью. О сем из допроса Минеева яснее видно.

6. По переходе на правый берег Волги, хотя избрал он несколько офицеров, кои от смерти и мучительства избавлены, но никакого совету с ними не имел, а были они употребляемы в разные должности, и никому из них самозванец поверенности не имел. Во всех местах, переходя до Царицына, никогда ни с кем переписок не было, кроме что, по предложению одного солдата, кто он таков, не знает, послал злодей ложный свой указ к поручику Алексею Матвееву сыну Гриневу (в допросе Неустроева показано о сем Гриневе). Сей солдат сказывал, что он с Гриневым весьма знаком, одобрял злодею оного поручика и обнадеживал, что будет к самозванцу преклонен. На сие послание никакого ответу не было. Прочия же показания Неустроева, по допросу, учиненному ему в краснокутском комиссарстве, отвергает доказательством, что после того, как он, злодей, прогнан из под Царицына, до совершенного разбития его было только 3 дня, поспешая схватить Черноярскую крепость, не имел времени посылать указы. Когда ж он переплыл Волгу на Яицкую степь, то не только посылать указы, но и воли уже не имел, ибо яицкие казаки не допускали никого с ним соединиться, и сколько ни желало к его толпе прилепиться, то казаки отнимали лошадей, говоря ему, что, допуская умножать толпу, будет замедление; да и бумаги и чернил с ним вовсе не было. Во все ж время злодейства своего рассылал разные указы, но вообще или для устроения, или для обольщения народа.

---

[1] В тексте пропуск.

III. ОТВЕТЫ НА ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПУНКТЫ

По дополнительным пунктам, коими убеждали злодея:

1. Объяснен.

2. Объяснен.

3. Будучи в службе ее и. вел. под Бендерами, в команде генерала-аншефа и разных орденов кавалера, П. Ив. Панина, случилось ему быть пьяному; тогда выговаривал он одному из казаков (имени не упомнит), который спрашивал его: откуда он взял саблю. Злодей, зная, что хорошие сабли жалуются от государей за заслуги, и что таковые казаки в почтении, ответствовал, что сабля его пожалована от государя; а как он ему заслуг тогда никаких не сделал, а отличным быть всегда хотелось, то сказал, что сабля ему пожалована потому, что он крестник государя Петра Первого. Сие сказано, заклинается злодей, не от каких намерений, кроме чтоб чрез то произвесть себя отличным от других (о сем обстоятельно можно исследовать с допросом Козицкого и первого допроса жены его, Софьи, с войсковою канцеляриею). Случай сей пронесся между казаков и дошел до полковника Ефима Кутейникова; но однако ж не поставили ему сие слово в преступление, а только смеялись.

4. Объяснен.

5. Объяснен.

6. Копиист Петр Алексеев взял с него 4 воза рыбы и 1 рубль, и за то не ввес в допрос тех слов, которые он, злодей, говорил Пьянову, и в которых он признался. Управитель Малыковский убит, а копиист умре прошлого года.

7. В самое то время, когда ушел он из Казани и был у Кандалинцева, купил злодей, у него пару лошадей за 25 руб., и поехал на Яик, а Кандалинцев на Иргиз; но после уже, когда злодей под званием государя Петра Третьяго производил свирепство и бунт, явился к нему сказанный Кандалинцев, но был не долго, ибо, по разбитии бунтовщичьей толпы под Яицким городком, он, Кандалинцев, по приказу генерал-майора Мансурова, повешен.

8. Никогда и ни с кем он, злодей, из раскольников переписок не имел, а уповает, что начальный плут Кожевников о том старался, обещал всякого рода староверов приглашать к злодею на вспоможение, однакож, он, злодей, о том известия не имел. Показание Макаева отрицает и самого Макаева под сим званием не знает, говоря, что может быть знает его в лицо.

9. Огородникова купца не знает. Огородников подтверждает показание Аристова, но от кого злодею денег приносили, не знает, заклинаясь, когда сказано было ему место, где Огородникова видел, что припомнит он только то, как незнакомый ему человек стоял вместе с Филаретом в его палатке, но злодей никогда и никаких повелений ему не делывал.

10. Объяснен.

11. Заклинается живым богом, что ни от кого под Казанью денег не только до 3-х, но и малого числа не получал, а привозили ему деньги казаки, грабя по домам.

12. Показание Чики, яко бы называл он Ульянова пленником, клятвою отрицает, утверждая, что никогда он, злодей, до сего времени в Яике не бывал, в чем ссылается на станичные и войсковое правительство.

IV. ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПОКАЗАНИЕ

1. О донских казаках, бывших у него чрез одну ночь под Царицыным, объявляет, что оные казаки никакого подговору от него не имели, а во время нападения от него на Царицын оные казаки были от крепости отрезаны, и видя, что им противиться не можно, сдались ему, злодею, но, переночевав, в разные часы разъехались; оставалось только до 200 человек, и те во время сражения перебежали все в соединение с верными войсками. А посыланы были от него разные ложные указы на Дон, когда он был под Саратовым, чрез 2-х волжских казаков: имен их не упомнит. В Петровской передались к нему 60 человек донских казаков, да под Саратовым до 70 волжских казаков. В Саратове все казаки без сопротивления предавались, да и войска некоторые не противились. В числе командиров в Саратове взят был майор Симонов, коего солдаты одобрили, и поэтому злодей послал Перфильева спросить у показанного майора, будет ли он злодею, называя государем, служить верно. Симонов учинил ему присягу, и поручена ему была команда до самого разбития злодейской толпы. А капитан артиллерии князь Баратаев также присягал, но куда он девался, не знает; а слышал, что он бежал, а прочие сказывают, что он заколот. Потом, когда он подходил к Камышенке, все волжские казаки его встретили; но когда он звал с собою, отреклись они, сказывая, что неисправны, обещавши после с ним соединиться; но видит теперь, что его обманули, ибо после к его толпе не приходили. Будучи в Дубовке, встретил его большой брат войскового атамана Порицкого; злодей спрашивал его, где другие Порицкого братья. Порицкой на то отвечал, что они ушли. Злодей спрашивал, как же ты остался. Порицкой говорил, что он хочет умереть за отечество и места своего не оставит. В каком рассуждении сказал сие слово, для того ли, что ревновал службы, и столько же государыне и самодержице, или мыслил угодить тем ему, не известен; ибо злодей не объяснился и оставил его, как человека престарелого. Прочие дубовские казаки все без изъятия присоединились к бунтовщичьей толпе.

2. Будучи еще в Берде, посылал он, злодей, письма, называя себя государем, во первых, к калмыкам, кои откочевали в Китай; но посланные от него пропали. Потом посылал он указы к Нурали, хану киргизского народа и Бдурали султану. Последнего сын был прислан в толпу бунтовщичью с обнадеживанием помощи и находился у злодея до разбития его. Пугачов подарил сына султанского 50 руб. и 8-ми человекам его свиты, по 12 руб. каждому, и 2-м лучшим по кафтану, но куда делся он, после разбития злодея, не известно. В те времена посылал он

главного пособника своего к форпостному атаману в Гурьев с указом, и Овчинников объявил, что ложный его указ сказанный атаман переслать обещался, но известия уже никакого не имел. От калмык Дубовских посылал он письма, подходя к Дубовке. Старший князь оных калмык прислал к самозванцу одного старишину, и при нем 4-х калмык с объявлением, что он сам княз, и 3000 человек его войска покоряются злодею, яко государю. Злодей послал к нему казака Пустобаева с тем, что он его приемлет и будет его дарить. Вскоре после того прибыли калмыки, и с толпою бунтовщиков соединились. Князь, старшины и проч., пришедши к злодею, становились на колени перед ним и целовали руку, обнадеживая его в верности. А самозванец, лаская их, благодарил и дал 50 руб. старшему князю, 2-м его сыновьям по 30 руб., а прочим князьям, коих было около 50 человек, дарил сукна на кафтаны; всему же их войску высылал бочку медных денег. Калмыки шли с толпою до самого Царицына, а когда из под Царицына злодей пошел, то просились они заитить в улусы свои, и, получа позволения, пошли, но уже не возвращались. Более сего ни с какой державой никакой переписки не имел, и помощи ему обещаемо не было, да и не ведает он, как можно было с ними иметь переписку. Напоследок показал он, злодей, Пугачов, когда, по разбитии его шайки между Царицыным и Черным Яром, принужден он был уловками своих ближних сообщников переплыть Волгу, то говорил ему и прочим яицким казакам яицкой же казак, Трофим Горлов, чтоб итти в Сибирь, на что злодей и согласился, но прочие не восхотели. Потом советовали итти на Каспийское море, но и на то не склонились. А как по причине неимения при себе пищи, и что большая часть из них перешли помянутую реку в одних только кафтанах, а другие в рубашках, тогда стали искать своего спасения прямо степью, но при разных, выше объявленных, его, Пугачова, предложениях своей шайки, наконец уговорились они сими словами: „Чем нам умереть на степи с голоду, и жажды, и стужи, то лучше поворотиться к Волге; а там хотя бы и попались мы в поимку, то лучше ж нам всем бросить свои беззакония и грехи, заслужить казнию, нежели погибнуть без покаяния на степи, как диким зверям“. Впрочем, приносил повинную в дерзновенном намерении своем принять звание государя Петра III, объявляя, что не иначе принял сие высокое звание, как, под сим названием возмутя яицких казаков, с ними и с раскольниками итти некрасовским путем; но будучи заведен успехами и обстоятельствами, простирал далее свое злодейство; объявляет при том, что угрызение сердечное его не покидало, что имел он намерение пасть с чистым раскаянием пред милосердной государыней и самодержицей; звал для того яицких казаков в Москву, и говорил: „Если в Москве его не примет государыня, так он сам в руки отдаться пожелает“. Наконец признается и в том откровенно, что все оные дерзновенные слова, о коих разные допросы явствуют, произносимые им пред народом о ее величестве, спра-

ведливо на него показаны, и что он предает на мучение богу душу свою и тело всем казням, предписанным законом, по возможности его преступления.

1774 Г. НОЯБРЯ 4. — 14 ? — ДОПРОС Е. И. ПУГАЧЕВА В ТАЙНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В МОСКВЕ[1]

...Потом пошол он с толпою к Саратову, но, не доходя оного—встретилась с ним идущая от Саратова казацкая каманда с хорунжим, коего звали Александром, и как он, Емелька, сию каманду увидел, то послал казака спросить, откуда едет каманда и куда. Казак поехав спросил и прискакав назад сказал ему, что это де волские казаки 60 человек с одним хорунжим и были де в Саратове и оттуда ушли и идут служить к вашему величеству. И потом с оными казаками он сошолся и, сошедшись, спросил, много ли в Саратове команды, и хорунжей сказал: „Каманды де там есть разные, артилерийские и армейские и наши казаки, кои де с вами дратца не станут. Мы де бы давно к вам ушли, да не знали, где вас обыскать. А те де каманды артилериская и армейская небольшие". И он, Емелька, как сего харунжева Александру, так и донского эсаула, или же и оной был харунжим, назвал он, Емелька, полковниками.

Как же подошол он к Саратову версты за 4, то выехал к нему навстречу волских же казаков человек с 20 и с ними саратовской житель, которой, под'ехав на лошади к нему, слезши с оной, поклонился ему, Емельке, в ноги. Он ево спросил: „Что ты за человек и зачем сюда приехал?" И оной ему говорил: „Я де города Саратова житель Кабяков, прислан к вашему величеству от всего города, чтоб вы пожаловали манифест, а то де народ желает вам служить, да только де нет манифеста". И он, Емелька, приказал Творогову написать манифест и отдать тому Кабякову, почему Творогов манифест воровской написал и Кабякову отдал, и оной, взяв, поехал. После сего подошол он под Саратов, где палили по нем сильно из пушек, а он напротив того стрелял из своих пушек. И напоследок толпа его ворвалась в город, но воинскои команды и тут дрались, но напоследок афицеры, оставя пушки с салдатами отстреливаясь, из города вышли вон, а вытить уже ис крепости не успели, — 2 офицера, один в красном, а другой помнитца ему, в зеленом кафтанах, и с ними осталось пехоты в зеленых кафтанах 70, а в красных 50 человек, которые, хотя и отстреливались, но однако ж толпа его, усилясь, их взяла и они напоследок положили ружье. И отвели всех их в его ставку за город. Саратовские ж казаки, коль скоро в город вломилась его толпа, то оные

[1] Начало допроса и та часть, которая не имеет отношения к Нижнему Поволжью, нами опущены.



Пугачев. С портрета маслом, написанного неизвестным художником на портрете Екатерины II. (Гос. Исторический музей.)

дратца не стели и пристали к его толпе. Саратовские же жители, в том числе и бургомистр, так же не дрались, а, увидя его, Емельку, поклонились все и сказали, что „мы вашему величеству служить готовы.“

По взятии города увидел он знакомого ему саратовского купца, — имени ево не помнит, по прозванию Уфимцов, — который знаком ему потому, что как он, Емелька, пробирался с Яику в Оренбурх, то под Илецким городком наехал он на того купца, кой гнал на продажу 300 лошадей, и он, Емелька, сторговав тех лошадей за 3.500 рублей, но денег тогда ему, што у него их не было, не дал, а обещал ему заплатить, когда придет он, Емелька, в Саратов.

О приходе ж ево в Саратов тому купцу сказал наудачу, только для того, чтоб он не тужил о взятых у него лошадях, ибо у него тогда — да думает он, что и у всей его толпы, — и в уме не было, чтоб быть в Саратове. Почему, как пришол он, Емелька, в Саратов, то оной посадцкой, как знакомой ему человек, к нему и пришол. А он, узнав ево и счотчи, что он показанными лошадьми ево одолжил, того купца благодарил и деньги ему 3.500 рублей заплатил. Детей его двоих, коих он привел к нему с собою, одново назвал полковником, а другова казаком и определил их в свою толпу, кои у него по самое последнее Михельсоном ево разбитие были. У оного ж купца он, Емелька, обедал, где был и бургомистр, но, как зовут, не знает.

Бывши в Саратове, при саратовских казаках говорил он, Емелька, што у него пеших казаков много, а лошадей нет, и казаки, — а кто имянно, не знает, — сказали ему: „У нас, батюшка, есть 2 табуна лошадей. Мы тотчас велим пригнать“, кои подлинно тово часу в город и пригнали. И он, Емелька, велел толпы своей казакам их брать, у кого не было лошади, а между их и саратовские казаки ис тех лошадей себе брали ж.

В тож время, как он был в Саратове, пристало к нему с судов бурлаков 100 человек и один эсаул с ружьями, а иные и с саблями, а иные с шпагами, у коих было на том судне, на коем оне плыли, — как сказывал эсаул, и сам он, быв на том судне, видел, — денег медных 2 бочонка, сундук с серебряною посудою, 200 серебряных денег и 6 дворянских жон. И он, Емелька, деньги серебряные взял к себе, а прочее все оставил на судне. А притом спросил он, Емелька: „А женщины де какие?“ И эсаул сказал: „Мужья де их были дворяне, но мы их всех, коих было 6 человек, покидали в воду“, причем женщины просили его, Емельку, что б он с судна их взял к себе. Но он их не взял, а эсаулу накрепко приказал, что он тех женщин зберег и отнюдь бы их никто ничем не обижал, а привез бы сохранно в Царицын к нему.

Казну государеву толпы ево начальники брали и из оных показанному Уфимцову за лошадей 3.500 руб. заплатили, — сколько ж той казны всей взято, не знает. Тут же брала толпа ево провиант, — сколько ж, не знает. Вино на кабаках, нельзя сказать, чтоб

толпа его не пила, но он о том не приказывал. Пушек в городе взято, помнитца ему,—5 да одна бомба, со всем снарядом, тож ядры и порох, но сколько, не знает. Ис Саратова по день разбития ево Михельсоном в толпе его были двое показанных офицеров и салдаты, також купец Кабяков и Уфимцова двое детей, тако ж и все казаки.

По выходе из Саратова пошол он поселенными колонистами, коих он прошол 5 селений, но оные драки с ево толпою не делали, охотников же набралось в его толпу 500 человек. Как он пришел к Саратову, толпы его злодейской было 3000 человек, а пушек было 10.

Как же он Саратов совсем взял, то в то время пришол толпы ево яицкой казак Ходин и привел к нему 700 человек заводских работников, людей боярских и крестьян конных и вооружены ружьями, а у кого ружья нет, так с копьем. Он увидя его, Ходина, спросил: „Где ты был и где этих людей набрал?“ Оной Ходин сказал: „Как де тебя, батюшка, разбил Михельсон под Казанью, так де я из этих людей в небольшом числе все шол позать вас, и дошел де я чрез Алатарь, Саранск, Пензу, Петровск, но везде тебя не заставал, а приходил после вас, и эти де люди все ко мне приставали сами“. А делал ли оной Ходин в селениях какие убивствы и грабления, о том ему не сказал, да и он о том не спросил.

И потом со всею своею сволочью пошол он к Камышенке сухим путем, а упомянутые бурлаки ехали в своем судне по реке в виду его толпы. По приходе к Камышенке встретили ево, не доезжая оной, царицынских казаков 30 человек, кои были на заставе, и добровольно пристали к ево толпе. Как он пришол к городу Камышенке, то все того города жители встретили ево, Емельку, с хлебом и с солью, а поп с крестом. Но комендант, не стреляя по них, заперся в крепость. Казаки ж толпы ево, разбив крепость, каменданта закололи до смерти, а салдат 10 человек и с ними афицер взяты и причислены к его толпе. Камендантов двор, також и тех жителей, кои в крепость бежали, домы раззорили. Казна государева разграблена, но кем, не знает, а он грабить не велел.

В бытность в Камышенке пришол к нему Перфильев и сказал: „Один де афицер, што взят в Саратове, хочет бежать“, И он, Емелька, сказал: „Ты смотри, штоб не ушол. Вить ты ево хвалил, так ты за ним и смотри, а дело то разбери“. А на другой день оной Перфильев сказал ему: „Афицер ат де тот, который бежать хотел, ушол,“ И он, Емелька, сказал: „Да как ему уйтить, разве ты его уходил?“ И оной Перфильев сказал: „Да уш так быть — ушол“, а сам разсмехнулся. А потом услышал он, Емелька, от казаков, что тот офицер истреблен. Как он был в Камышенке, то пришло к нему, Емельке, малороссийских казаков 600 человек конных.

С Камышенки пошол он чрез 3 царицынских казаков станицы. Как первая словет, не знает, а 2, Короваевская и Антиповская, которые без супротивления все пристали к его толпе.

На тех трех станицах казаков было 300 человек. А как из оной станицы вышел, то встретила его толпу лехкая полевая команда, один донской казацкой полк и 6000 калмык, и, не дравшись, еще с ним, донские казаки с‘ехались ево толпы с казаками, и донские просили ево казаков, что де командиры их велели просить от государя манифеста. Те казаки, приехав, сказали о сем ему, Емельке. И он Творогову приказал написать манифест и послать з 2-мя калмыками (которые в его толпе служили), которые отвезя возвратились к нему и сказали, что они манифест отдали калмыкам, а калмыки повезли к своему князю, а князь хотел везти к казацкому полковнику и к маэору, которой камандовал лехкою камандою. Но оттуда никакого известия он не получил.

И на другой день, осмотря означенные верные войска, показалось ему, што каманда велика, то, штоб, со оною не дратца, боясь, што его толпу разобьют, пошол в обход другою дорогою. Но оные верные войска его перехватили и стали по нем стрелять, а потом и он, и как у верных войск подбила его толпа ис пушки у единорога лафет, а тем и пороховой ящик взорвало, отчего калмыки, а потом и казаки и салдаты подались назад, он, воспользуясь сим случаем, со всею своей сволочью на войска ударил,—калмыки и донцы побежали, также и афицеры салдат оставили, сами ж побежали, то он, взяв салдат и пушки, отвес к себе в толпу, — коих было с 800 человек,—и поручил оных в каманду взятому в Камышенке афицеру.

После сего пошол он с толпою к Дубовке, где дубовские жители ево встретили, а атаман Персицкой ушол в Царицын, и оные казаки добровольно придались в его толпу, ибо их тут было не больше, как человек з 200, куда пришло к нему в толпу калмык 3000 с калмыцким князем, — как помнитца, сказывали ему яицкие казаки,—Дербетевым,—а подлинно не знает. Оному князю дал он 50 руб. да 2 м ево братьям по 30 руб. да по кафтану красного сукна, а мурзам их ближним по концу китайки. А калмыкам велел дать бочку медных денег, — а сколько в ней потом было, не знает.

И потом пошол к Царицыну, и, поровнясь против оного, стали по нем стрелять ис пушек, а он по городу так же пушек ис 4-х выпалил да посадил в город 4 бомбы. Как же он пошол с толпою от Дубовки, то, не доходя еще Царицына, сошлась с ними донского войска каманда под камандою полковника Кутейникова, которая вступила с ево толпою в драку, но толпа его была сильнее, то оную каманду разогнала, и его толпы казак Иван Федулеев, которой назван от него, Емельки, полковником, полковника Кутейникова ранил и привел к нему.

Он, Емелька, увидя Кутейникова, говорил: „Ты Пугачова дом разорил.“ Кутейников сказал: „Не разорил, а исполнил волю камандирскую.“ И он, Емелька, сказал: „Узнаешь ли Пугачиху?“ И Кутейников сказал: „Не знаю“. И он, Емелька, велел кликнуть жену свою, а как она пришла, то он сказал: „Вот Пугачиха“. Кутейников сказал: „Я ее никогда не видывал“. И потом,

напоя его вином, выслал вон. А как он вышел, то он Федулееву сказал: „Завтре Кутейникова та повесьте“. Но поутру репортовали ему, Емельке: „Кутейников де ис-под караула ушел“. Но он об оном более не спрашивал, как ушол.

Как выше он, Емелька показал, что в Царицын бросил 4 бомбы, но з задних его толпы разъездов уведомили ево, што находит на него воинская каманда, и думал он, што идет князь Голицын или Михельсон, коих он оробел, потому што надежных в его толпе людей осталось, то есть яицких казаков, мало, а хотя другой сволочи число людей и велико, но они, только услыша о Голицыне и Михельсоне, то сробеют и разбегутся и стоять против их не станут, то он, удаляясь от драки, и пошел, оставя Царицын мимо, ибо прямое его намерение было, штоб, дошед до Черного Яру, итти прямо в Яицкой город и тут остаться зимовать, о коем его намерении знали только Овчинников и Давилин, а в толпе своей он разглашал, што будто б зимовать он идет в Астрахань, для того што толпа его вся охотнее туда итти хотела, а на Яик бы охотников итти было мало, кроме яицких казаков, а донские б и волские казаки да и царицынские совсем от него отстали, равно заводские и боярские крестьяне, потому што он уже о склонности их итти в Астрахань чрез яицких казаков ведал. По пришествии ж зимы куда б он иттить был намерен и какое еще зло делать, о том никакого размышления на скверное его сердце не приходило, ибо он мерской свой живот в руки отдал с самого начала злодеяний его яицким казакам, почему никак он не смел противитца во всем их богу ненавистной воле, и, чтоб оне в Яике на совете положили, то б он делать и стал.

И по вышесказанной притчине от Царицына он пошел, но как мешали ему разъезжающие около города донские казаки, коих он своею толпою окружил и потом захватил 500 человек в свою толпу, протчие ж разбежались. Когда ж донские казаки пришли в его толпу, то многие тут были и знакомые ему и, его узнавши, между собою шептали: „Это наш Пугачов“, но однако ж ни один из них в глаза назвать ево не смел. И как их караулить он не приказал, то весьма много из его толпы ушло.

Прошед он, Емелька, Царицын 3 наслега, на котором и нагнал ево Михельсон с верными войсками, где, по малом супротивлении сволочь ево разбита, пушки и весь ево обоз взяли, люди его толпы разбежались в разные стороны. А он побежал к Черному Яру, но, не добежав Черного Яру верст з 20, перешол за Волгу в степь. А как перешол, то Творогов счол оставшую толпу, коей насчитал он 164 человека, ис коих 160 яицких казаков да башкирской старшина Кинжа да Каргалинской татарин Садык и,—помнитца ему,—2 татарина с ним.

Ехали они степью целые сутки без воды, и как уже люди и лошади без воды, — да и хлеба не было, — стали томитца, то он, Емелька, Творогову, Чумакову, Коновалову и Федулову говорил: „Куда вы меня ведете? люди и лошади помрут без воды и без хлеба“. Оные ему говорили: „Мы идем на Узени“. И он,

Емелька, говорил: „Я степью итти не хочу, а пойдем к Волге. Пусть же хотя там меня поймают, да мы достанемся в руки человеческие, а то в степи помрем, как собаки". На что оные Творогов с товарищи согласились, и с ними пошло казаков человек со 100 и больше, также Кинжа и татара. А человек до 40 или с 30 с ними не пошли, а пустились в степь.

Пришол он с оставшими разбойниками к Волге на другой день утра. Шод по Волге двои сутки, нашли калмыков ставропольских 12 человек: из них поймали 2-х, а 10 ушло, те двои сказали, што оне по Волге гуляли; взяв у тех калмыков[1] с хлебом навьюченных 64 лошади, и оных от себя отпустили.

И потом, чрез несколько дней спустя, наехали они на поставленную ис Камышевки заставу, ис которой 2-х человек скололи: одного он, Емелька, а другова племянник казака Федулева, Василий Федулев.

Во время ж сего их беганья один казак увел у Творогова дву лошадей и с оными бежал, но после того казака хорунжей его толпы и помянутой татарин Садык убили. После сего дошол он до малороссийской слободы, — а как зовут, незнает, — где, купя одну лошадь и телегу, посадил в оную жену свою Софью, ибо она с самого разбития под Царицыным по переходе за Волгу до сей слободы таскалась за ним верхом. Потом, оставя Елтонское озеро вправе, пошли на Узени и пришли на Узень, называемый Марцо. С оного двое казаков поехали стрелять и ездили всю ночь. Как же по проходе одного Узеня пришли на другой, то оные казаки, пришод на тот Узень, сказали: „Мы де нашли, как ездили стрелять, старцов". И он, Емелька, Творогову и другим ближним при нем говорил: „Поедем к старцам. Не найдем ли тамо кого наших беглых старцов". И Творогов, Чумаков, Иван Федулев, Горлов, Бурнов и еще человека 4 или 5 казаков, — имен их не знает, — сказали: „Поедем".

Почему он, Емелька, и взял лошадь не из лутчих, то подошед к нему, Емельке, Творогов, говорил: „Што вы такую худую лошадь себе беретя? Вы б полутче взяли. Неравно де как што случитца, так бы было на чом побежать". И он, Емелька, сказал: „Я берегу хорошую-та лошадь вперед для себя и для вас". И потом поехали, а оставшая толпа осталась на Узени.

Как отошли они от Узени 2 версты, и старцев не нашли, а пришли к ним человека с 3 стариков яицких казаков, но без монашеского платья, и принесли к нему дыню. И, евши дыню, Чумаков спросил ево, Емельку: „Што ж, куда мы пойдем?" И он, Емелька, сказал: „Я и сам не знаю, куда пойдем. Куда вы хотите, туда и я пойду". И оной Чумаков говорил: „Я вам правду скажу: не пойдем мы ни в Сибирь, ни в чужую землю и никуда, а пойдем в Яицкой городок". И он, Емелька сказал: „Хорошо, пойдем. И кали нас там примут, та останемся тут, а кали не примут, так пойдем мимо". И Чумаков сказал: „Как не принять? Примут".

---

[1] В подлиннике ошибочно: „казаков".

И потом, переехав речку, хотел он, Емелька, сесть на лошадь, но Чумаков сказал Бурнову, указав на нево, Емельку: „Сыми с нево саблю". Бурнов, подошед к нему, снял с него саблю и потом ледунку, а в то ж время послал оной Чумаков и Горлов к оставшей на другом Узене толпе, и тамо Коновалова также всево обобрали. И как Чумаков и Горлов от него уехали, то, вознамерясь он, Емелька, от оставших людей, то есть Творогова с товарищи убежать, поскакал от них в камыши. Но оные ево, — а кто имянно, не помнит, — догнали, а потом, наехав и другие оставщие догнавши, поехали вокруг ево, так што уйтить ему более было неможно.

А потом, доехав до речки, с лошади слес, которую у него и взяли, и, оставя ево под караулом, послали сказать оставшей, как выше сказано, на Узене, толпе. Потом толпа приехала и собрали круг и послали сказать, что он, Емелька, арестован, в Яик казака Калмыкова. А сами остались все на том месте, где он сшол с лошади, и отдан под караул. А как отдали ево под караул, то главным над толпою остался казак Федулев.

Ночевав на том месте, не дождавшись возвращения Калмыкова, пошли до реки Яика, и, отошед несколько верст, остановились кормить лошадей. И как остановились, то пришли к нему казаки и говорили: „Куда нас ведете? Нас всех в Яике погубят, а заведомо б вести ево, Емельку, в Москву, и там явитца или уже станем скитатца на Узенях". И он, Емелька, видя этот шум, выскоча схватил из лежащих блиско ево в куче казацких сабель, закричал, подшед к Федулину: „Куда вы меня везете? Ваши казаки на Яик итти не хотят, так лутче пойдем в Москву, а Федулев такой же изменник и сообщник мой, как и я, и вы, господа казаки, ево свяжите".

Сие он говорил для того, чтоб не возили его в Яик, а повезли в Москву, и там бы за злодеянии свои был он наказан. А как казаки и другие, пришедши с Федулевым, на тех казаков, кои противились итти на Яик, закричали: „Што вы это делаете? Еще мало мы бед та наделали?" то оные казаки и разошлись врось. А он, Емелька, видя, што те казаки от него отошли, взятую им саблю бросил. И потом повезли ево в Яик.

Не доезжая ж оного, прислана из Яика навстречю толпы его каманда, с коею пришол казак Харчов, и пришод посадил ево в колоду обеими ногами и потом привес ево в Яицкой городок, и отдан он бывшему тамо гвардии афицеру Маврину, которой тот-час велел ево заковать в ручные и ножные кандалы и потом ево, Емельку, допрашивал, где он во всех своих злодеяниях винился.

А из Яика послан он под караулом генерала Суворова в Синбирск, где также ево генерал граф Петр Иванович Панин и генерал-майор Павел Сергеевич Потемкин о содеянных им злодеяниях допрашивали, где потому ж во всех чиненных им с толпою своею злодействах винился. А из Синбирска послан он, Емелька, за караулом в Москву, куда он и привезен.

(Красный архив, 1935 г., т. LXIX—LXX, стр. 163—224).

II.

ПОКАЗАНИЯ БЛИЖАЙШИХ ДРУЗЕЙ И БОЕВЫХ КОМАНДИРОВ ПУГАЧЕВА



Пугачев. С гравюры Рюотта.
(Государственный Музей изобразительных искусств).

ДОПРОС И. Я. ТВОРОГОВА [1]

1774-го году октября 27-го дня привезенной из Яицкого городка любимец злодея Пугачева, названной полковник и судья злодейской Коллегии, илецкой казак Иван, Александров сын, Творогов, в пополнение учиненного ему в Отделенной на Яик Секретной Коммисии допроса, в Казане допрашиван и показал следующее:

Не доходя несколько верст до Осы, когда остановились для корму лошадей, наехал на нас какой-та купец с двумя башкирцами, следующия из Башкирии, и, пришед к ставке злодейской и сказываясь приехавшим из Москвы, просил доложить злодею, называя его государем, держа с чем-та, в руках черную козловую кису, вышитую серебром или мишурою. Почему дежурной Давилин и докладывал об нем, и злодей приказал его к себе впустить. Как скоро сей, сказывающейся купцом, приехал, то в сие время множество людей собралось к ставке злодея, любопытствуя о причине его приезда; но злодей не приказал никого к себе пускать, и был притом один только Давилин. Однако ж, я, будучи близ самой ставки, прислышал, что злодей, при приходе онаго, сказал громко: „Здорово, дедушка! Я, помница, еще тебе должен"; а потом што говорили,—ничего было не слышно. Но весьма чрез краткое время, открыв у ставки полы и видя, злодей, собравшихся старшин, сказал: „Садитесь, господа старшины!" А как оныя сели, то купец злодею говорил: „Приказал вашему величеству наследник ваш Павел Петрович поклониться!"—„Благодарствую", сказал злодей: „Што ты за чем ко мне прислан и какия вести мне скажешь?" На сие купец отвечал: „Меня, ваше величество, прислал сюда Павел Петрович посмотреть вас, подлинно ли вы — родитель его, и приказал возвратиться мне к себе с отповедью". Злодей спросил купца: „Што ж, дедушка? узнал ли ты меня?" — „Как не узнать, ваше величество?" отвечал купец: „мне кажется, вы меня жаловали вот этим (указывая рукою) зипуном и шапкою". А потом, оборотяся к нам, говорил: „Не сумневайтесь, господа казаки! он—подлинный государь Петр Федоровичь, я точно его знаю, и он вот жаловал меня зипуном и шапкою". Злодей, показываясь

---

[1] Та часть допроса Творогова, где говорится о пребывании на Яике и не имеет отношения к Нижнему Поволжью, нами опускается. Допрос печатается, начиная с описания похода на Казань.

обрадовавшимся, приказал подать по чарке вина, и, приняв наперйод сам чарку, сказал: „Здравствуй, я, великой государь!" Почему и все, тут бывшия, пили за его здоровье. Потом злодей приказал по другой подать и, приняв, сказал: „Здравствуй, милосливая государыня Устинья Петровна!" А затем и третью выпил за здоровье цесаревича Павла Петровича, называя его своим наследником. Чему и мы все следовали. После сего все мы разошлись, а купец остался у него. Когда были открыты у ставки полы, то принесенная купцом киса лежала возле злодея на земле. И сие произшествие разнеслось тот-час по всей толпе. [1]

...Я не упомню точно—к Казане ли идучи или уже по разбитии под оною, старшины яицкие и все протчия звали злодея в Москву, говоря так: „Ваше величество! помилуйте, долго ли нам так странствовать и проливать человеческую кровь! Время вам итти в Москву и принять престол!" На сие злодей отвечал: „Нет, детушки, нельзя! потерпите! не пришло еще мое время! А когда будет, так я и сам без вашего зву пойду. Но я де теперь намерен итти на Дон, — меня тамо некоторыя знают и примут с радостию". Как же все переправились через Волгу, то злодей, склоняясь на Дон, пошол с толпою своею, которая час от часу умножалась, по жительствам и городам, но какими точно местами—я не знаю; а помню только, што были в Алатыре, в Саранске, в Пензе и в городе Петровском. Во всех оных местах жители не противились, но, встречая везде с хлебом и солью, давали в толпу нашу вооруженных людей, хлеб и фураж, по силе злодейских указов, им данных, которыя сочинял Дубровской, как о том я и выше сего сказал. В сих местах являлись иногда к Пугачеву из крестьян такия люди, которыя просили от него себе указов о наборе в толпу его людей, кои злодей им и давал. Многих дворян злодей в сих местах истребил, которых большою частию привозили к нему свои крестьяня. Вышеупомянутаго старика, сказывающагося присланным от цесаревича Павла Петровича, злодей отпустил от себя по переправе от Казани чрез Волгу, спустя дни через два, но в котором имянно месте—не упомню, таким образом: когда остановилась вся толпа кормить лошадей, и многия старшины собрались к злодею, то злодей всем вслух говорил ему: „Ну, старичок, время тебе ехать назад! убирайся, поклонись от меня наследнику моему Павлу и скажи, штоб он меня выручил. Да смотри жа, старик, возвратись ко мне, конешно, через три недели в Царицын и тут меня ищи". Старик, поклонясь злодею, сказал: „Слышу, ваше величество! приеду". Из Петровского городка пришли мы в Саратов и, хотя жители онаго противились, но часов через пять овладели оным; злодей вешал ли тут кого,—я не помню, так, как и того, сколько дней мы тут прожили. При выезде из Саратова, пристали к нам все тутошния волския казаки, равно как и во всех протчих

[1] Часть допроса мы опускаем.

проходящих городах злодей много брал людей на службу в свою толпу, тож пушки и порох, где сколько случилось.

Идучи к Царицыну, помнится, еще до входу в Саратов, злодей приказал помянутому, названному секретарем, Дубровскому написать имянной указ к донским казакам, уверяя их о себе, что он истинной государь,—увещевал послужить ему верою и правдою, обещеваясь за то жаловать их большими милостьми. Как же Дубровской, написав оной, не упомню, ещо куда-та писал подобной пасквил, то я, взяв от Дубровскаго тот указ и принеся к злодею, осмелился ему сказать: „Изволте, ваше величество, сами етот указ подписать! вить имянныя указы, я слыхал, сами государи подписывают! „Но злодей, потупя голову вниз и потом вскинув на меня глаза, сказал так: „Иван! нельзя мне теперь подписывать, до тех пор покуда не приму царства. Ну, вить ежели я окажу свою руку, так вить иногда и другой кто-нибудь, узнав, как я пишу, назовется царем. Пошли ко мне,—продолжал злодей, Алексея (то-есть Дубровскаго), пускай он теперь за меня подписывает. Почему я Дубровскаго к нему и прислал, и Дубровской подписал и приложил печать, означающую мерзкую харю злодея...[1]

... Помянутой указ отправил злодей на Дон с двумя, бывшими в толпе его донскими казаками, но кто они таковы — я не знаю.

Из Саратова повел злодей всю толпу свою под Царицын и на дороге повстречавшуюся воинскую команду разбили. Идучи под Царицын, заходили в Камышынку и Дубовку, где находящияся казаки, также и калмыцкой князь Дундук с великим числом своих казаков, присовокупились к нам; злодей, обрадовавшись умножению своей толпы, дарил нас и старшин калмыцких сукнами, китайками и деньгами, награбленными во время шествия от Казани до Царицына, также и названными медалями, ибо на сии выбирал он рублевики с партретом покойнаго императора Петра третьяго и отдавал оныя бывшим в его толпе серебреникам приделывать ушки; в которыя вдевая ленты, у кого какия случилися, накалывали на левой стороне груди. Подходя к Царицыну, встретили нас с супротивлением донские казаки, под предводительством старшины их Кутейникова, но злодей их, разбив, прогнал и Кутейникова взял раненаго в полон; што злодей с ним, Кутейниковым, зделал, повесил ли его или заколол, — я не знаю. Пришед в Царицын, посылал злодей к валу потребовать несколько донских казаков на переговорку; а как оная обещена была, то злодей, скинув с себя свое платье и надев яицкаго называемаго атамана Андрея Овчинникова, для того, чтоб не узнали, ездил сам на переговорку, человеках во сте, и что тамо говорено было, — не знаю, потому што я при том не был. Но после сей переговорки передалось к нам в толпу донских казаков только пять человек, а протчия все отъехали от валу к городу, почему злодей и приказал тотчас стрелять по городу из пушек; а, напротив того, и из городу тем же нам

[1] Опускаем ту часть допроса, где говорится о том, как Творогов с Дубровским начали сомневаться в том, что Пугачев есть Петр III.

отвечали. Между тем, как сия перестрелка происходила, донския казаки, отделясь от города, присоединились к нашей толпе, человек до тысячи, ибо у них было десять хорунгов.

А вскоре потом услышали мы, что позади нас идиöт большая военная команда, почему злодей и повел всю свою толпу мимо города на низ к Черному Яру. Отошед от города верст с десять, остановились начевать, где из приставших к нам донских казаков человек со ста тайно ушли ночью в город, а на другую ночь и другия, составляющия четыре хорунги, то-есть около четырехсот человек, ушли же. От сего самого произошло в толпе нашей великое сумнение и переговор такой: что донския казаки недаром отстали, может, узнав злодея, что он — их казак, поелику он таким в публикованных указах именован. Сие сумнение утверждалось и таким притом разглашением: будто бы один донской казак, во время помянутой переговорки, кричал с валу к самозванцу громко — „Емельян Иванович! здорово!“ Сии переговоры привели нас в такое замешательство, что руки у всех опустились и не знали за што принятся. А, между тем, сказано было, что военная команда уже блиско; почему злодей со всею своею толпою, поднявшись с сего места, шол дни с два и, расположася между Царицыным и Черным Яром, поставил с вечера всю свою артилерию в один ряд. Как же на другой день показались в виду верныя войски, то с обоих сторон и зачелась стрельба из пушек; но, будучи все в крайней робости, не старались удерживать храброе стремление войск и чрез короткое время, уступая свое место, показали свой тыл. Хотя же злодей, будучи позади своей толпы и старался словами своими остановить оную и поощрит к супротивлению, но столь велик был во всех страх, что нимало не слушая его слов, рассыпались во все стороны. Злодей, хотя кричал протчим: „Стой! стой!“, но сам утекал, однако ж, напереди всех, а за ним и показанная первая его жена и сын десятилетней, верхом на лошедях, а две дочери малолетных — в дорожной коляске, наполненной, как я думаю, дорогими товарами и деньгами, ибо в сей коляски поделаны были потаенныя сумы. Злодей и сей, обще с дочерьми, лишился, потому что злодей, спасая себя, бегом скакал во весь опор, приказывая и коляску вести за собою; но как сею дорогою случился в одном месте превеликой косогор, то сказывают, что на оном коляска опрокинулась, а потому и осталась она на том месте. Итак, под Черным Яром потерял злодей весь свой богатой обоз, награбленной, идучи от Казани, равно и артилерию всю без остатку...

А как мы с Чумаковым с вечера еще предчювствовали, что толпа наша, в рассуждении нашедшей на всех робости, неминуема разогнана будет, то в таком случае условились с ним не упускать злодея из глаз; чего ради с самого начала сражения и были при нем безотлучны, не отступая так сказать, ни на шаг, а потому и бежали с ним вместе. К злодею и к нам присовокупилось в сие время яицких казаков до двух сот, да толикое ж число всяких разночинцов.

Итак, прискакав, мы, к Волге, нашли тут на берегу несколько мелких судов, а в то ж время увидели вдали рыболовов, плавающих по Волге для своего промыслу; которых заворотя, взяли их лотки и перебрались потом через несколько часов на остров На сем месте кормили мы лошадей, так, как и сами ели и отдыхали, и злодей печалился о потерянии всей артиллерии и столь многочисленной своей толпы, которая почти равнялась под Казанью бывшей. Между тем, пока мы тут были, пришли на берег и войски, и, хотя мы были у них в виду, но делать им было нечего потому что ни одного судна на берегу мы не оставили. Злодей, увидя войски, приказал нам готовиться к переправе на луговую сторону Волги. И, хотя у нашего берега стояли суда, но в рассуждении острова принуждены были оставить и выдумали вот какой способ: на острову множество было наносных площатых дров и сухова тальнику; оныя, мы собрав, наделали из них множество малиньких и легких плотов, а по нашему „салы" называемые, связывая вериовкою, и, раздевшись, положили на оныя свое платье и седла лошадиныя а напоследок, привязав те салы к каждой лошади за хвост, по одному и, держась всякой за гриву лошади, переправились таким образом на луговой берег, оставя на острову, за усталостью лошадей яицких казаков, человек в сорок, тех самых, которые с Афонасьем Перфильевым пойманы, ибо и он тут же тогда остался, да разночинцов несколько человек. А мы как переправу свою окончили при наступлении уже ночи, то, отошед от берегу версты с три, начевали в лугах спокойно.

Во время сего ночлега возобновили с Чюмаковым первое наше намерение связать злодея и условились открыться в том надежным нам хорунжим: Ивану Федулеву, Тимофею Железному, Дмитрию Арыкову и Ивану Бурнову. А как только мы им о своем открыли, то и они тотчас на сие согласились и дали слово уговорить к тому каждой своего приятеля и после снестись между собою, кто какого будет мнения. А, между тем, злодей, созвав всех яицких казаков к себе на совет, говорил: „Как де вы, детушки, думаете? Советуйте, куда нам теперь итти!" На сие мы, желая испытать его намерении, отвечали, што „мы и сами не знаем", а потом вопросили его: „А, ваше величество, куда изволите думать?" На сие злодей сказал: „Я де думаю, итти вниз по Волге и, собрав на ватагах хлеба, пробраться морем к запорожским казакам, а там де близко есть у меня знакомыя два князька (называл их по имяни, но я не упомню—как): у одново де набериотся войска тысячь с семнатцеть, а у другова тысячь с десять,—они де за меня верно вступятся". На сие отвечали мы ему: „Нет, ваше величество! Воля ваша,— хоть головы руби, мы не пойдем в чюжую землю! Што нам тамо делать!" А злодей говорил: „Ну да куда же вы думаете? Ин пойдем в Сибирь". [1] Но казаки и от того отказались сказав:

---

[1] На поле слева: „А не то, так в Калмыцкую орду к Бамбуру, — он де за меня заступит".

„Нет, батюшка, мы и туда не ходоки с вами! Куда нам в такую даль забиваться? У нас есть жоны и дети!" Злодей, показываясь недовольным и так, как бы с сердцов, сказал: „Ну, да куды ж вы советуете?" На сие Чумаков и соглашавшияся с нами показанныя хорунжия отвечали: „А мы де советуем, ваше величество, итьти вверх по Волге и пробраться к Узеням; а тамо уже придумаем што зделать". Злодей опорачивал сие наше намерение тем, что тут трудно будет доставать хлеба, и што тут есть опасность от воинских команд, натягивая притом итьти вниз; но все единогласно сказали: — „Воля вашего величества,— мы туда не йдем", почему злодей, хотя и досадовал на упорство наше, но принужден был согласится итти вверх, с чем на последок и разошлись.

На другой день, встав на зоре, приготовились к походу и поехали вверх по Волге, расстоянием от берега Волги версты с три, степью, и ехали тою дорогою до полден; но доехав до старых калмыцких колодцов и увидя, что воды в них ничево нет, поворотили для тово к самой Волге и ехали уже берегом. Едучи два дни, помянутые хорунжия сдержали свое слово и, один другому [1] открывшись, в намерении, касательном до арестования злодея, согласились; итак, посему опасаясь одних только разночинцов, с ними бывших, усоветовали отобрать у всех лошадей и тем принудить их отстать от нас под таким видом, что у многих яицких казаков не было лошадей, ибо перетонули оныя во время показанной переправы, а некоторыя и брошены в степи за усталостью. Почему на третей день нашего путешествия, будучи, не знаю, в каком та жительстве, в котором остановились мы для корму лошадей и собрания хлеба, представляли злодею, что как лошадей у многих казаков нет, да и много хлеба надобно на прокорм разночинцов, так не прикажет ли он, отобрав у них лошадей, оставить всех в здешнем жительстве. Злодей сперва не хотел сего сделать, но потом, будучи убеждаем прозбою яицких казаков, с сердцов сказал: „Ну ин как хотите!" Почему яицкие казаки у всех разночинцов лошадей и обобрали, а потому и принуждены они были остаться тут на месте, взяв только с собою башкирскаго старшину Кинзю, Каргалинской слободы татарина Садыка Сеитова, саратовского казака Уфинцова и товарища его, малороссианина. Кинзю нельзя было нам никак оставить, в рассуждения, что злодей тотчас взял бы на нас подозрение, а на протчих трех не имели мы подозрения. Едучи по берегу дней с шесть, поворотили мы из хохлатских [2] хутаров, состоящих по большой Камышенской дороге, на Елтонское озеро и ехали до онаго дни с четыре; от Елтонского озера, пробираясь на Узени, ехали по на-

---

[1] На поле слева: „Одни только яицкие казаки, коих было человек со ста шестдесят".

[2] На поле слева: „Малороссийских".

слышке на восток и безошибочно приехали чрез пять шесть дней на Узени.[1]

Злодей, едучи дорогою до сего места, показываясь весма унылым, ничего не говорил.

По приезде на Узени, начевали мы на чистом месте, а между тем, два яицкие казака: Иван Бакалкин, Яков Лепехин, поохотившиеся для пищи стрелять сайгаков, отъехав от нас, не начевали с нами, но на другой по-утру, возвратясь к нам, сказывали, что они нашли неподалеку отсюда обитающих в землянках двух стариков.[2] Злодей, услыша о сем, спрашивал тех казаков, нет ли у стариков чево на пищу". „Есть",—отвечали казаки: „мы видели у них дыни и букву".[3] А как злодей стал нас звать туда, то мы, почитая сие место за удобнейшее к произведению нашего намерения, с радостью согласились с ним туда ехать. Итак, отобравшись человек с дватцеть надежных друг другу людей, поехали, вооружась каждой шашками, копьями и винтовками, и предприяв совершенно исполнить тамо свое намерение, поелику злодей сел на посредственную лошадь, которая не подавала нам сумнения, чтоб мог он от нас на ней уйтить. Имяна сих отобравшихся на оное предприятие—сии: Федор Чумаков, я, Иван Федулев, Иван Бурнов, Тимофей Железной, Петр Быченин, Иван Астраханкин, Василий Жигалин, Иван Балакин, Иван Тимонин, Яков Лепиёхин; протчих же имян не упомню. Помянутые старики обиталище свое имели версты за две от нашего стану, в которое вели нас объявленныя Бакалкин и Лепиёхин; а, как землянки их были за речкою, на самом берегу, в камыше, то злодей и мы, сошед с лошадей, закричали, штоб подали будару, почему один из стариков, подав нам будару, перевез всех нас, а лошади остались на другом берегу. Злодей, по выходе на берег, приказал старикам подать себе дыню и буквы несколько, и старики подали, которыя мы, разрезав, стали есть; а как оных подано было мало, и многим казакам не досталось, то просили они стариков, штоб они позволили итти им самим для сорвания дынь и буквы, ибо сей овощ посеян был у стариков в недальном расстоянии от их землянок, почему старики, позволя им на то, и сами за ними же вслед пошли. Как же при злодее остались на сие время только Чумаков, я, Федулев, Бурнов, Железнов и шестой, не упомню—кто, то Чюмаков зачал злодею говорить так: „Што, ваше величество? Куда ты думаешь теперь итти?"—„А я думаю", отвечал злодей: „итти по фарпостам и, забрав с оных людей, итьти к Гурьеву городку; тут мы пере-

---

[1] На поле слева: „Название сие произошло от двух уских, но глубоких речек, близко одна от других стоящих; и, хотя очень невеликое расстояние земли, между ими разделяющей, но местами много есть островов, преглухим камышом произростаемых, так что сии места почитаются непроходимыми и преспособнейшими ко укрытию беглецам".

[2] На поле слева: „Старики у них называются те, которые, для спасения души своей, кроются в сих местах. Один из оных был яицкой казак, Железной по прозванию, а другой—совсем незнакомой им".

[3] На поле слева: „Похожая на ретку, но только горечи такой не имеет в себе".

зимуем, и, как лиод скроется, то севши на суда, поедем за Каспийское море и тамо подымем орды,—оно верно за нас вступятся. „На сие Чумаков и все, при том случившияся, говорили: „Нет, батюшка, воля твоя, мы не хотим теперь воевать, а пойдем лутче в наш городок“. Злодей, приметя, что мы вольнея против прежняго, говорили ему тут, переменялся в лице,—то побледнеет, то покраснеет, а, напротив того, и мы дрожмя дрожали и желали поскорее переманить его на ту сторону, где лошади наши были, боясь, чтоб как не ушол от нас тут, чего ради и представляли ему, что время уже ехать. Злодей, переминаясь, говорил нам: „Полно, не лутче ли, детушки, оставить поездку в городок“.—„Нет“, отвечали мы во многие голоса: „нельзя нам некуды теперь больше ехать“. Почему злодей и, не хотя, принужден был согласиться на наше предложение, сказав: „Ну, ин воля ваша!“ и потом сев в будару с Чумаковым и, не упомню—с кем, другими двумя, переехав на другой берег, и будару обратно к нам перепехнули. Как же я с Федулевым, Бурновым и протчими, переправясь через реку, и вышли на берег, где Чумаков держал как злодееву, так и свою лошадь за поводы, и злодей хотел садиться на свою лошадь, то Федулев закричал Бурнову: „Иван! што задумали, то затевай!“ Почему Бурнов, стояв на то время возле злодея, схватил его спереди за руки, повыше локтей. Злодей, помертвев, робким и перерывающимся голосом говорил: „Што ето? Што вы вздумали? На кого вы руки подымаите?“ На сие мы в разные голоса ему сказали: „А вот то, што ты отдай нам свою шашку, ножик и патронницу; мы не хотим больше тебе служить и не хотим больше злодействовать! Довольно и так за тебя прогневали бога и матушку, милостивую государыню, много пролили крови человеческой и лишились сами отцов и матерей, и роду, и племяни“. Злодей, смотря на нас, говорил: „Ай, робята! што вы ето вздумали надо мною злодействовать! Вить вы только меня погубите, а то и сами не воскреснете! Полно, не можно ли, детушки, етова отменить! Напрасно вы меня губите“. На сие все в один голос закричали: „Нет, нет! полно! уже не хотим больше проливать крови! Мы повезиом тебя прямо в городок,—вить ежели ты подлинной государь, так тебе нечево бояться. А что до нас касается, так воля матушки нашей, всемилостивейшей государыни, — што поизволит, то и зделает с нами. Хотя всем нам головы перерубят, только мы тебя не упустим! Полно уж тебе раззорять Россию и проливать безвинную кровь!“ И потом, говорили ему, штоб он отдал требуемое от него с честию. Злодей, сняв с себя шашку и патронницу, сказал Бурному, которой продолжал держать его руки: „Мне де бещестно отдать ето тебе, а я отдам полковнику своему Федулеву“, которому сие, равно и нож большей, при нем бывшей, и отдал. Потом посадили мы его на лошадь и, ведя оную за повод, ехали все вокруг его.

Арестовав его таким образом, Чумаков поскакал в стан наш объявить протчим о сем исполнении, а мы, между тем, повезли

злодея к перелазу чрез Узень на Яицкую сторону. Как же стали некоторыя из наших товарищей переезжать реку, то злодей, сидя на лошади, кликнул меня: „Иван! подь-ка сюды“, почему я, будучи верьхом же, к нему и подехал; но он звал меня от“ехать от других подале, сказав, што он имеет нужду со мною поговорить; и я поехал с ним рядом. Он зачал мне говорить так: „Иван! што вы ето делаете? Вить ты сам знаешь божие писание: кто на бога и на государя руки подымет, тому не будет прощения ни здесь, ни в будущем веке. Ну што вам пользы, — меня потеряете и сами погибните! Полно, подумайте-ка хорошенька, не лутче ли кинуть ето дело!“ А, между тем, продолжал он ехать. Я, огленувшись назад и видя едущих за собою двух казаков, [1] а притом имея под собою лутче лошадь, нежели у злодея, не воспрещал ему ехать, но на показанные слова его говорил: „Нет уж, батюшка, и не говори! Што задумали и положили, то так тому и быть, — отменить нельзя“. Злодей, зачиная повторят первыя свои слова: „Што де вам будет пользы от того“, огленулся, между тем, и, видя, што казаки немного поотстали от нас, торопливо сказал мне: „Ну, прощай, Иван! оставайся!“ и потом, чухнув лошадь и съворотя с дороги, поскакал в степь мелким камышом, пробираясь в переди стоящей, большой и весьма частой, камыш. Я въскричав ехавшим позади меня казакам: „Ушел! Ушел,“ чухнув и свою лошадь за ним, а как выше я сказал, что моя резвея ево лошади была, то нагнал я ево очень скоро и только што хотел, было, схватить его за ворот, но он имеющеюся у него плетью ударил по рылу мою лошадь, которая, будучи чрезвычайно горяча, бросилась в сторону сажен на десять; потом, направя, я, опять ее за ним, догнал паки, но он тоже с моею лощадью зделал; однако ж я и в третей раз блиско гнался за ним. А, между тем, помянутыя два казака, скакав чистым местом, взяли у злодея периӧд; итак, напоследок стал он между нами в средине. Злодей, видя, што нет способу улизнуть от нас, в то время, когда его хватали мы руками, бросился с лошади на землю, намеряясь скинуть с себя сапоги и шировары и бежать, повидимому, пешком. Но мы и сами с лошадей поскакали, и бросился на него Тимофей Железной; но злодей ухватился за шашку его и выдернул, было, ее до половины, но другой казак Астраканкин не допустил его до сего; а, между тем, наскакал на нас и Федулев. И связали злодею руки назад, браня его тут, сколько кому на память пришло, и посадили его на ту же лошадь, на которой хотел бежать. Злодей сперва, злобствуя на нас, говорил: „Как де вы смели на императора своего руки поднять? За ето де воздастся вам, — естьли не от меня, так есть еще у меня наследник Павел Петрович“. Но как мы сего не слушали и говорили ему, што теперь он более не обманет, то, переменя свои угрозы, стал плакать и божится, что не уйдет уж более, и просил развязать ему руки; почему мы, раз-

---

[1] Далее в оригинале: „(а притом имея за собою двух казаков)“.

вязав его, привезли к переправе и переехали благополучно. Злодея Пугачева жена и сын, которыя с нами же были, и везли их на телеге, будучи самовидцами, что мы его вязали и содержим под караулом, хотя ничего не говорили, однако ж, очень плакали.

А как будара, на которой мы переезжали, была помянутых стариков, то один из них, яицкой казак, был при той переправе и слышал от нас, что мы едем с повинною в Яицкой городок и везем с собою самого злодея. Сей старик, похваляя сие наше намерение, уговаривал нас, что мы не должны отчаяваться о высочайшей ея и. в. милости, в разсуждении многих обрасцов, последовавших с преступниками: „Вы де старайтесь, как можно, довести злодея в сохранности, не упустите. А то я слышал, что в городок к нам приехал такой милосливой, не знаю — капитан или маиор, судья, что из тюрмы всех колодников повыпустил и вдовам и сиротам выдает на пропитание хлеб". Что нас больно порадовало и облехчило несколько от предъчювствуемого до того нами страху. Однако ж, некоторыя из нашей партии советывали послать от себя нарочьных в городок для разведывания, што тамо делается, и как поступают с приходящими с повинною; но сей совет отставлен, ибо уже мы совершенно положили вести в городок злодея, што бы с нами ни зделано было, — следовательно, и разведывать не к чему было. Но условились напоследок послать от себя с известием по фарпостам, через которыя нам ехать надлежало, тож и в городок, для того, чтоб не подать о себе тамо какого подозрения, естьли бы без такого уведомления нас увидели. И сего ради послали мы от себя трех казаков: Василья Жигалина, Ивана Калмыкова и Ивана Хохлова, дав Калмыкову злодееву лошадь, в разсуждении худобы собственной его; но ни один из сих к нам не возвратился. Пероночевав, мы, неподалеку от сей переправы, на разсвете другова дни поехали к городку и, отъехав верст с тритцеть, ночевали на реке Балыкле, а на третей день, отъехав верст с пятнадцеть, остановились для корму лошадей.

В сем месте злодей, увидя оплошность малолетка, по прозванию Харьки (а имяни и отечества его не знаю), положившаго возле себя на землю шашку и пистолет, схватил оныя и, обнажа саблю, бежал прямо на нас, то-есть на Чумакова, Федулева, Железнова, Бурнова и меня, сидевших в то время в одной куче на траве, и кричал сии слова: „Вяжите, протак их мать, старшин-та, вяжите!" Как скоро мы увидели сие то тот-час сами вооружились, а Федулев вопросил его: „Ково ты велишь вязать?"—„Тебя", отвечал злодей с бранью, а потом шол прямо на него, уставя в грудь пистолет, у которого и курок спустил, но кремень осекся. Федулев, закричав: „Атаманы-молодцы, не выдайте!" пошол сам на него с обнаженною шашкою, а, между тем, и многия казаки его окружили. Злодей, отмахиваясь от Федулева шашкою, пятился назад, а в то ж время ударен был от Бурнова, не приметил точьно—в плечо ли или в бок, копьем тупым концом, так что повернул его боком, и

тут съзади схвачен был Чумаковым за руки и потом обезоружен; и паки связали руки и посадили уже въместе с женою и сыном его, рыдающим горько. Злодея спрашивали мы тут, сам ли он собою сие зделал, или другой кто присоветывал, на что он сказал, что присоветывал ему казак Михайла Маденов надеясь, что казаки вступятся. Казаки, услыша сие, разсердились на Маденова и прибили его немилосердно, так что едва дышущаго на сем месте оставили, и никто не знает, жив ли он или умер.

С сего места поднявшись, переехали в тот день еще верст с дватцеть и начевали на степи, где злодея, в разсуждении его слез и прозбы, развязали. А как еще везли его связанаго, то казаки Василей Коновалов и Сидор Кожевников говорили мне: „Напрасно де вы его связали, вить неужъли-та он от нас теперь уйдет!“ В четвертой день переехали мы верст с тритцеть и начевали на реке Кушуме; с Кушуму переехав, мы, верст с пятнатцеть, остановились между Кажехаровскаго и Бударинскаго фарпосту для корму лошадей; отсюда товарищи наши послали меня и Чумакова со вторичным известием в городок, что злодей точно нами везется. Приехав, мы, с Чумаковым и с одним казаком на Бударинской фарпост, объявили тутошнему командиру о притчине нашей посылки, и, хотя тут худо нам верили, однако ж, дали нам подводы и дали для присмотру за нами своего казака, а нашего тут оставили, послав притом другова для осведомления о подлинности и туда, где злодей везен был. Приехав, мы, с Чумаковым в Яицкой городок, явились у старшины Ивана Акутина, а сей представил нас к господину гвардии—капитану Маврину, которой, распрося нас о всех произшествиях, таким[1] образом арестовали мы злодея, меня оставил у себя за присмотром, а Чумакова отправил с командою навстречю злодею. Потом, как злодей привезен уже был в городок, то меня свободили на поруки, а напоследок, в числе шести человек, прислан сюда в Казань.

Когда злодей с толпою своею был между Царицыным и Чорным Яром, то, не знаю—по научению ли он чьему или сам собою, въздумал старшин своих назвать генералами, на которыя указ от имяни его сочинял вышесказанной секретарь Дубровской; и сей указ, накануне разбития нашей толпы, злодей, по собрании к полатке своей всех назначенных в чины старшин, вышед из оной, сказал: „Бог и я, великой государь, жалую вас чинами, послужите вы мне за ето верою и правдою“. А посему мы, став пред ним на колени, благодарили. Потом злодей приказал Дубровскому читать о том свой указ, которой он и читал; из сего указа понял я имяна только пожалованных, кои были сии: дежурной Давилин, атаман Овчинников, полковники: Перфильев, Федулев, я, Чумаков, а других не упомню; но я ни одного из тех чинов назвать не знаю, хотя я и сам в числе тех пожалованных находился, потому что прежде оных не слыхивал. Злодей, во время своего самозванства, часто рассказывал о странствовании своем, но я так, как перед богом сказать, пере-

[1] В оригинале ошибочно вместо: „каким“.

сказать не упомню; но помню то только, что он говаривал, яко-бы он великия нужды претерпел от всемилостивейшей государыни (называя женою) и от бояр своих, которых часто он бранил и грозил отмщением и истреблением всех дворян. Никогда не только не случалось мне видать, но ниже слышать, чтоб злодей имел с кем из чюжестранцов или из [з]дешних с раскольниками, купцами и старцами какую переписку, равно как и того, чтоб надеялся он на по[мо]щь чью-нибудь, выключая последния его подзывы яицких казаков в Запорожскую сечь, за море и в Сибирь, кои, как я думаю, произошли от него для одного обольщения нас.

Злодея почитал я прямо за истинаго государя Петра третьяго, потому, во-первых, что яицкия казаки приняли и почитали его таким; во-вторых, старыя салдаты, так, и разночинцы, попадающия разными случаями в нашу толпу, уверяли о злодее, что он подлинной государь; а, в-третьих, вся чернь, как-то: заводския и помещичьи крестьяня, приклонялись к нему с радостию и были усердны, снабжая толпу нашу людьми и всем тем, что бы от них ни потребовано было, безъоговорочно. А потому, хотя и слышали мы публикованныя об нем указы, доказывающия его донским казаком, но тому мало верили и почитали неправдою, до тех пор, пока не пришли к Царицыну; а тут же вышесказанныя притчины, яко-то: неумение его грамоте и опознание его донскими казаками, открыли нам глаза, и познали свое наблуждение.

Помнится мне, што, когда были мы с толпою в Дубовке, то явился тут сам собою к ставке злодейской астраханской казачей депутат Василей Горской и просил меня доложить об нем злодею, почему я сказал о том дежурному Давилину, а Давилин доложил злодею, и злодей приказал его позвать к себе; и что уже тамо между ими происходило, я не знаю, потому что при том не был. Сего депутата часто видал я в ставке у злодея, но зачем—не знаю, и он следовал за злодеем и по разбитии уже его под Черным Яром, но отстал, не знаю—каким случаем, до переправы еще нашей за Волгу

И сие все показал я по чистой моей совести, без всякой утайки и лжи, подвергая себя за умышленную утайку и ложь в здешней жизни лютейшей смертной казни, а в будущем веке—Страшному Суду Божию и вечному мучению.[1]

(Центрархив—„Пугачовщина", т. III, стр. 141—162).

1774 г. АВГУСТА 18. ПОКАЗАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ АРМИИ ПОЛКОВНИКА КАРПА СТЕПАНОВА, ПО ПРОЗВАНИЮ, КАРАСЯ

1774 г. августа 18 числа присланной из Заинска при репорте от капитана Крупеникова пойманной крестьянин и злодейской полковник Карп Степанов, прозванием Карась, допрашиван и показал:

[1] После текста: „Генерал-маиор Потемкин".

От роду ему более 70 лет, жительством Авзяно-Петровского заводу, крестьянин села Котловки. В минувшем июле месяце, когда злодей самозванец Пугачев с своею сволочью приближился к селу Котловке, то в оное село приехав ото нево, злодея, полковник Дорофей Макаров, прозванием Загуменной, а откуда он жительством — не знает, с 300 злодеев из разных народов, и больше из завотских крестьян, и, собрав всех мирских людей, объявил строжайшей злодейской указ, чтоб ево Пугачева, все признавали императором Петром Третьим, а буде кто отречетца, уграживал смертию и разорением жила. Почему боясь устращивания, как он, Карась, так и протчие обещались ему, злодею, служить и признавать за истинного, а не за самозванца. Притом же изъяснял, кто злодею будет верноподданной, то на 7 лет обещал никакой подати не брать, а только служить будет ему несколько в казаках, о чем де ис Казани и указ пришлетца; потом начал с Котловки в злодейскую службу набирать казаков; и притом приказал священнику и мирским людем для всеподданнического поклона самозванцу ехать в толпу, почему священник с несколькими мирскими людьми, в том числе и он, Карась, поехали в толпу; и в 5-ти верстах от Котловки на Казылском поле самово злодея встретили на пути с хлебом и солью, а священник со крестом, которому злодею, как истинному государю и пали все на колени, причем он сказал им, чтоб встали и шли б домой, а за ним бы только отправили хлеба и рыбы до Мамадыш. Да притом же злодей спросил, что жив ли де котловской Карась, которому он и вызвался, что де здесь я, еще жив; причем ему злодей сказал: я де тебе, Карась, послал девку, которую у себя и содержи. Да притом же велел ему, Карасю, когда приплывут сверху Камы с семейством и провиантом суда, то б их при Котловке оставить, и людей всех взять по домам и довольствовать тем провиантом по препорцы до указу; и проговоря то, с толпою поехал к Мамадышам, а ему, Карасю, также с протчими велел домой ехать; и по прибытии домой показанной злодейской полковник Загуменной прислал за ним, Карасем, и отдал ему означенную девку, взятую злодеями в деревне Терсах из дому Тевкелева, которую он, Карась, взял к себе на содержание; а на другой день оной злодейской полковник Загуменной с набранными с Котловки в злодейскую толпу со 170 человеками в казаки отправился к злодею в толпу, да и он, Карась, тот же день за ними, по согласию мирских людей с выборным Иваном Зотиевым, крестьянином Иваном Александровым поехали к злодею в толпу ж в лагерь ево при селе Мамадышах для испрошения у самозванца милости о облехчении казаков; и приехавши к нему в лагирь подошед он, Карась, с протчими к самому злодею, пав на колени, подал хлеб и несколько огурцов, но однако, боясь ево, о облехчении казаков не просили. Причем злодей Пугачев сказал ему, Карасю, что знает ли он ево, а я де тебя, Карась, знаю; по которым ево словам он, Карась, узнал ево, что донской казак, потому что, назад тому лет с 6, в маие месяце оной самозванец

пришел в село Котловку с одним товарыщем, и по отводу старосты, а как зовут, не упомнит, затем, что оные у них бывают поденно, поставлены были к нему в дом, где и ночевали они 2 ночи, которых он, Карась, спрашивал, что откуда они, и из них самозванец сказывал, что оне донские казаки, пришли де для покупки товаров холста и дехтю — к сплаву до Царицына, и называл товарыщь оного самозванца Иванычем, а другова, как звали — не знает, да и от самозванца о имени ево не слыхал; где будучи оной Иванов с товарыщем своим, в селе Котловке купили у крестьянина Степана Вавилова целое малое судно з дехтем; да от разных крестьян же закупили несколько холстов и на то же судно поклали, которые казаки по прошествии 2-х дней, сошед от нево, Карася, из дому, были на судне с работными людьми дней с 5 и в село только прихаживали для закупки холстов; а потом отправились вниз по Каме с тем дехтем и холстами на судне к Царицыну, с которыми села Котловки и показанной крестьянин Вавилов отправился ж для получения с нево, Иванова, с товарыщем, достальных за деготь денег. И тово ж лета, он Вавилов, возвратился в Котловку и сказывал, что де оные казаки остались в Царицыне; хотя он, Карась, и бывшей с ним для поклону самозванцу крестьянин Иван Александров и признали, что он казак донской, бывшей у них в селе для покупки дехтю и холстов, но боясь в глаза ему сказать, из них он, Карась, ему злодею соответствовал, что ево не знает, а признавает де как и прочие истиным государем и в его власти быть должным, прося ево, злодея, чтоб он, как своих рабов жаловал, и на то он, злодей, им сказал, что я де со всех крестьян 7 лет дани брать не буду, а только служить будут ему поочередно в казаках. А потом отошед от него, самозванца, взял ево, Карася, и с ним бывших 2-х крестьян предреченной полковник Загуменной к себе в палатку, где и накормил их; а потом, оставя их при своей палатке, пошел к злодею самозванцу, и, пришед от нево вскоре, объявил от самозванца повеление, что он ево, Карася, жалует полковником над Котловскою волостью, и притом подтвердил: государь де приказал тебе, Карасю, чтоб ты ему служил верно и народ бы не разорял, а делал бы между ними справедливую управу; а кто де ему, самозванцу окажется противным, на тех бы доносил; а ежели ты, Карась, народ чем обижать станешь, то без пощады будешь повешен; для чего и бывшим тут Котловской волости жителям объявил; с которым повелением он, Карась, и бывшие с ним выборной и крестьянин поехали в село Котловку. И по прибытии выборной и протчие об нем, Карасе, мирским людем объявили, что он от самозванца пожалован над волостью полковником, и чтоб они ему были послушны и самозванцово повеление исполняли, а хто будет противен, те де будут казнены смертию; которой старшинской чин он, Карась, на себя и взял. И случилось ему, Карасю, через несколько дней быть в селе Мамадышах для покупки соли, и назад ехавши в деревне Яковлевой представили к нему ис помещичьей деревни Мур-

зихи бывшего регистратора Мурзина крестьяня ево, Яков Егоров с товарыщи, прикащика их Гаврилу Михайлова, и доказывали на нево, что он де их понапрасну бьет и разоряет, о которых де ево обидах и пугачевским казакам доносили, и те де казаки велели его отвесть к самозванцу Пугачеву в толпу, и затем ево, Карася, просили, чтоб он ево наказал или к злодею отослал в толпу, а если тово не учинит, то оне хотели ево, Карася, связав самого отвесть к Пугачеву; почему он, Карась, тово приказчика во удовольствие их наказывал плетьми; однако, они и тем были недовольны, а просили ево Карася, чтоб, был повешен; однако он того не учинил, а велел им, чтоб они ево, отвезли к злодею в толпу, где оную застанут, куда они ево, прикащика, и повезли. После того дни через 3 оные крестьяне, Яков Егоров с товарыщи, приехали к нему, Карасю, в Котловку и объявили, что де показанного прикащика, не доехавши деревни Комаровки, к злодейскому полковнику Каракаю представили, и по прозьбе оной прикащчик от тово полковника повешен. А после того, как злодейская толпа под Казанью была разбита, и многие казаки в село Котловку из злодейской толпы в домы свои возвратились, да к тому ж за ними, Карасем, и за показанною Тевкелевскою девкою прислана воинская команда, то он, убоясь, из жительства своего бежал и, заведомо, что он был злодейской полковник, крылся, вопервых Казанского уезду деревни Козылей у крестьянина Петра Сидорова, а от нево был отвезен в помещичью деревню Мурзиху к старосте Афонасью Васильеву, а из Мурзихи оным Васильевым отвезен в село Елово в дом х крестьянину Тихону Панфилову, где про нево, Карася, тово села и священник Яков Родионов знал; а из Елово, по приказу выборного Василья Гаврилова, он, Карась, на подводе Панфилова сыном ево малолетним Степаном отвезен в деревню Яковлеву, где староста Матвей Васильев отвел ево в дом выборного Василья Дерябина, которого тогда не было, а оттуда отвезен по наряду от оного ж старосты крестьянином Иваном Ивановым в деревню Тонгузину к старосте Степану Потапову, а оттуда в деревню Ширши к выборному, а как зовут—не знает; оной же выборной, нарядя подводу с малолетнею девкою, которая ево, Карася, отвезла в деревню Черенгу к волостному сотнику Якову Краснову, от которого в доме был и у брата ево, Ивана Краснова, и жил тамо 3 дни, куда приезжала из Котловки и сноха ево, Анна Потапова, и звала ево, Карася, в дом; но он сказал ей, чтоб ехала домой, а после де будет в дом сам через 3 дни; а по отбытии ее, он, Карась, не сказав никому, из деревни Черенги пошел пеш и крылся в Черенгинском лесу, где был недели з 2; а пропитание имел полевым горохом; а оттуда отошел в Котловский лес, где у нево по отлучке из дому запасено было хлеба, и тем питался с неделю и более; а оттуда пробираясь лесом и полями, прошел в село Слутку в дом х крестьянину Федору Тюрину, которым крестьянином с мирскими людьми пойман и отвезен в село Котловку, где и отдан прибывшему в Котловку с

командою прапорщику Кузнецову, а от нево отслан в Заинск. Будучи ж он злодейским полковником, у злодея в военной службе не был, а был действительно волостным старшиною, и жителям никаких обид и смертного убивства не учинил, и хотя злодея самозванца знал, что он казак, а неистинной государь, но однако в воле его быть желал, а более из одного подобострастья, для чево и крылся, и искал способу злодейского защищения; сын же ево, Павел Карасев, и племянник, Иван Семенов, знали, что он от злодея полковником над волостью пожалован; какое ж злодей намерение имел впредь злодейской свой ад простирать, он не знает и ни от кого не слыхал, — в чем и утвердился. К сему допросу вместо выписанного крестьянина Карпа Карасева по ево прошению Черемуховой слободы поселенный малолеток Афанасей Коринев руку приложил.

(Госуд. архив, VI разр., д. № 467, ч. III, д. № 179, л.л. 15—18).

ВЫПИСКА ИЗ ДОПРОСА

приписнаго к Авзяно-Петровскому дворянина Евдокима Демидова заводу села Котловки крестьянина Карпа Степанова, по прозванию Карася, которой по решению Казанской Секретной Коммисии повешен.

В минувшем июле месяце, когда злодей-самозванец Пугачев с своею сволочью приближился к селу Котловке, то священник с несколькими мирскими людьми, в том числе и он, Карась, поехали в толпу и в 5 верстах от Котловки на Казыльском поле самого злодея встретили на пути с хлебом и солью, а священник—со крестом, и, как истинному государю, пали на колени. Но злодей приказал им встать и итти домой, и отправить за собою, до села Мамадыш, хлеба и рыбы; сверх же того, спросил у них, что жив ли де Котловский Карась; которому он и вызвался. А злодей сказал ему: „Я де к тебе, Карась, послал девку, [1] которую содержи у себя“, и велел ему, Карасю, когда приплывут сверху Камы суда с семейством и провиантом, тоб оные оставить при Котловке, а людей всех взять по домам и довольствовать тем провиантом до указу.

После того на другой день, когда он, Карась, был у злодея на поклоне, то Пугачов сказал ему, Карасю: „Знаешь ли ты меня? А я де тебя знаю“. По которым его словам он, Карась, узнал его, что то — не государь, а донской казак, потому что назад тому лет с шесть, [2] в маие месяце, оной самозванец приезжал в село Котловку с одним товарищем, и по отводу старосты поставлены были к нему в дом, где и начевали две ночи. И тогда он, Карась, спрашивал их, откуда они; на что самозванец ответствовал, что они — донския казаки и пришли для покупки холста и дехтю к сплаву до Саратова. И называл товарищ онаго самозванца Иванычем; а другова как звали, не знает, да и от самозванца о имяни его не слыхал. Где будучи, оной само-

[1] На поле слева: Взята злодеями в деревне Терсы из дому Тевкелева“.
[2] На поле слева: „По вычислению приходит в 1768 году“.



Пугачев. С гравюры неизвестного художника.
(Государственный Музей изобразительных искусств.)

званец с товарищем своим в селе Котловки купили у крестьянина Степана Вавилова целое малое судно с дехтем, да от разных крестьян же закупили несколько холстов и на то же судно поклали. И, по прошествии двух дней, сошед от него, Карася, из дому, были на судне с работными людьми дней с пять и в село только прихаживали для закупки холстов, а потом отправились вниз по Каме с тем дехтем и холстами на судне к Царицыну, с которыми и показанной крестьянин Вавилов отправился ж для получения с них достальных за деготь денег. И, того ж лета возвратясь, он, Вавилов, в Котловку, сказывал, что де оныя казаки остались в Царицыне.

И, хотя он, Карась, и бывший с ним для поклону крестьянин Иван Александров и признали, что он — донской казак, бывшей у них в селе для покупки дехтю и холстов, но, боясь в глаза ему сказать, из них он, Карась, ему, злодею, ответствовал, что его не знает, а признавает де, как и прочия, истинным государем и в его власти быть должен, прося его, злодея, чтоб он, как своих рабов, жаловал. На то злодей им сказал, что „я де со всех крестьян семь лет дани брать не буду, а только де они служить будут мне поочередно в казаках", а потом пожаловал его, Карася, над Котловскою волостью полковником...[1]

(„Пугачовщина", т. II, стр. 185—186)

ДОПРОСНЫЕ РЕЧИ САЛМАНОВА

1774 года сентября 26 дня в Царицыне содержащейся, из злодейской толпы Пугачевой господином полковником Михельсоном победою взятой, бывшей Саратовскаго баталиона баталионной командир, секунд-майор, Андрей, Михайлов сын, Салманов в допросе показал[2].

Как 6 августа злодейская толпа к городу Саратову шла на приступ, где все регулярные, то-есть: батальон — стах в двух человеках, фузелерных дву рот — слишком 300 человек, под командою господина полковника и коменданта Бошняка крепко из артилерии отбивались, имея с крыла на открытом поле в правой руке нерегулярные силы, более 1000 человек: казачьи команды саратовских, волских казаков, купечество, цехи, бобыли, пахотные солдаты, которыя, до начатия пушечной пальбы, посылали из собратий своих купца Федора Кобякова на переговорку, а оттуда привез он лист, которой в руки коменданту дошел, и он его изодрал, за что купечество чрез бургомистра Протопопова чинили выговор. А во время сражения оной Кобяков ездил верхом и пред фронтом проговаривал: „Поберегите людей своих" А затем, по первых выстрелах с злодейской стороны, растроясь, начали одни за другими отступать. Казаки и многие из них приватные, на сей службе бывшие, люди передавались к злодею;

---

[1] После текста „Секретарь Андрей Еремеев".

[2] Начало показания, где А. М. Салманов давал сведения справочного характера о себе и своем прошлом, опускается.

а кто не хотел, спасались скрыватся, и никого на сражении не осталось, кроме что от ретраншамента происходила пушечная оборона со втораго часа пополудни даже до сумерек. Но все были в великой робости и отчаянии; солдатство говорили, чтоб итти, называя изменника государем: „Лутче можем живот свой спасти"; а и прочие, как артилериские, так и гарнизонные, штаб и обер-офицеры, в упадке духа твердя: „Куда нам ретироваться?" — страх наводили; чрез что не было никакой надежды в спасении. А от того пред самым вечером наперед фузелерная команда, из ретрашамента выступя, будьто на выласку, с их офицерами, которых я приметить, кто таковы, не мог, но увидели их пред толпою, — отдают свои ружья в злодейския руки. После сего выступал я за рогатки, солдатам своим проговаривал — стоять до последней крови капли. И как во фронт вступил, то господин комендант, отказав мне от команды, приказал оную господину пример-маиору Зоргергу и паки мне поручать начал, но я, уже команды не приняв, был под командою.

А чрез четверть часа по уходе фузелеров солдаты согласились: „Пойдем к государю" и меня с собою звали; а прочих, где, не осмотрясь, кто идет или остаются, я, с ними вышед из ретраншамента, пошли в толпу. Не утаиваю пред всемилостивейшей государынею моею, как пред богом, моих тогдашних мыслей, что я не надеялся никакой лжи быть, а думал увидеть государя. Куда имел ход с солдатами на Соколову гору. Встречены злодеями, которые, на меня напав, хотели сколоть, но солдаты упросили; и так жизнь при мне осталась. Удержаны тое ночь под караулом, а по-утру явился к самозванцу; пришед с командою, поклонились и стали на колени, где он, сняв шапку, сказал: „Пленные! ступайте на лагерное место!" И пошли с барабанным боем, обще с фузелерною командою, пред которой увидел я капитана князя Баратаева, и ниже Саратова, версты с четыре, на речке Увеке, остановились, — начевали три ночи. А тот же первой день присяга была всем саратовским, от мала и до велика, жителям и нам, военным: присягали ему, Пугачову, с ево скаредною женою Устиньей Петровой, имянуя государем Петром третьим; а потом за его императорское высочество, благоверного государя, великого князя Павла Петровича и супругу его высочества, ея императорское высочество, государыню великую княгиню Наталию Алексеевну.

(„Пугачовщина", т. II, стр. 216—217)

ДОПРОС АНДРЕЯ САЛМАНОВА

Как с первого приходу, так и при сем случае я усмотрел неистовство и самое похабство в злодее, признал за истинну, что он, вор и разбойник, — самозванец. Пришел в раскаяние и сожаление, что себя погубил; стыжусь совести о прежних моих мыслях, как по заочности я заключал увидеть государя. Много погрешил пред создателем и прогневал свою природную монар-

хину, вижу себе достойна праведному отомщению. И с того времяни совесть денно и ночно угрызала, а страх для жизни удерживал, что из сего проклятого сонмища избавится не можно. Отдав божию предвидению, когда восхощет — избавит, и что со мною ни последует—принять смерть или живот, все равно, потому что я смерть преступлением заслужил, а о жизни и там отчаявался, был все время для жизни своей в приватных мыслях. Без всякого радения исполнял повеленное, а имянно: о команде всякой день злодейскому полковнику Петру Перфильеву о благополучии давал знать; на сражениях артилеристы были при действии артилерии, а я с пехотною своею командою—в прикрытии и в подвозе оной, невооруженные, потому что, по множеству у них конницы, за верных мужики, и для них ружья отобраны. А мы почитались сумнительными и содержались более под присмотром, нежели могли иметь какую свободу: хотя мало какое найдут сумнение, тотчас всякой из них властен лишить жизни. А особливо яицкие были первенствующими и властвовались столь же, сколько Пугачев: как-то артилерии капитан князь Баратаев под Дмитриевским с яицкими вступил в гуляние, и, как в вечеру отошел в их ставку, отколь уже и не возвратился, а по утру найден на берегу реки Волги убитой, а за что лишен жизни — неизвестно. Отчего был страх, и, льстя себя жизнию, принужден я против совести своей почитать их со излишеством. Никакого себе преимущества не сыскал и доступу к злодею Пугачову не имел, а только что, при своей команде состоя, писался маиором, как-то: 24 августа, то-есть за сутки до сражения с господином полковником Михельсоном, к получению солдатам денег подавал их злодейскому полковнику, имеющему над артилериею ведение, Федору Чумакову ведомость, подписался маиором и спрашивал его о своем чине, как мне велят называтся; на то объявлено такими словами: „Доложить“ тому чудовищу, имянуя его титулом; а потому денег выдано 477 рублей,—как видно, пред сражением задобрить желали.

На походе ж от Саратова к Царицыну, не только что на самой дороге жительствы отдавались в его волю охотно, но и со сторон выходили попы с мужиками на поклон, с хлебом и с солью, становясь на колени, кланялись в землю, просили, как у государя, покровительства, каковых отпускал в домы; а их шайки, чиня набеги, всех равно разоряли. В Дмитриевску, что на Камышенке, оборону несколько произведя, скоро пальба прекратилась в город: бобыли-малороссияне встретили, и солдаты взяты в плен; из них выбран сержант Абызов, на другой день назван полковником, и дана команда. Из Камышенки Волским войском шли чрез их четыре городка; каждое местечко со многолюдным собранием, и при них священники, встречали ж со крестами и с радостными поздравлениями; а особливо в главном их городке Дубовке целым собором, старшины и казаки, все в лутчих платьях, с знаменами, показывали радостной вид; где Пугачов, особливо его единомысленники и их ближние пьянствовали, а прочим в городок войти страх,—пья-

ные кололи своих. Я, находясь от сего страху в лагире, проливая слезы о своем преступлении, солдатам имянно возпрещал ходить, чтобы кто не попался в их тиранские руки на умерщвление, ибо бывшей там полевой команды ундер-офицер приведен к Пугачеву, тиранили ево отниманием членов, наконец казнили; и других кто увидит чернь, тот и убивает. Итак, одни те довольны, кто делал злодеяние, а прочие помирали с голоду и ничем не призрены; ослабевших в дороге колют. А особливо, как начнется сражение, то на оное гонют вооруженные невооруженных вперед, а при самом сражении за содрогание их сзади умерщвляют; и так разными случаями безчетное множество погибло.

Под Дубовкою ж в лагирь прибыло калмыцкое войско,—слышал я от яицких, что сам князь, их владелец,—для которых был разставленной шатер, и пили целую ночь; и потом возили в их лагирь с судна множество денег, дарили сукнами лутчими, шитыми платьями и штуками; под Царицыным на приступе оказалось их гораздо приумножено,—чрез проговор слышал же, считалось до 3000. А после отступления от Царицына проговаривали, что те калмыки отпущены в их домы на срок, ибо их владелец еще сутки с небольшими людьми при Пугачеве в походе был, а потом и отошел в степь, почему приметно, что для какого-либо условия и согласия он оставался, и с каким ни есть приказом отпущен.

Но оное у них, что предполагают, делается не со многими яицкими, употребляемыми на совет, в котором первые—войсковой атаман Андрей Овчинников, дежурной Еким Давилин, полковник Петр Перфильев, секретарь Иван Тварагов, полковник Федор Чумаков, каргалинской татарин Садык Сеитов, Кинзя-башкирец, Идарка-толмачь, и те их советы бывают в секрете: уведать не можно и опасно входить с ними в разсуждении. А что принадлежит о их замыслах, то явно хвалились, обнадеживая себя взять Царицын, поворотить на Дон; и как все Донское войско склонют (говоря о том с надеждою), пойдут чрез Воронежскую губернию на Москву.

И народ тем обуздали, что не могли сумневатся. Кроме сего я никаковой важности не слыхал, но приметно тиранское намерение их, продолжаемое от злости на таковых умыслах, какие он разсеял. И какие разореньи, тиранствы и смертные убивствы совершил разбойническим образом, производится от удачи и умножения, по захваченной им обширности народа в свою времянную волю, так что помощь их составила все, что ни есть худаго и презреннаго на свете.

Наконец, хотя я и участник того, заслуживаю праведный гнев и суд божий и всемилостивейшей нашей монархини, причем чистосердечно и дела мои открыл: точно, я находился в толпе при артилерии с пехотою, начальствуя в прикрытии и подвозе оной; а, кроме сего, скаредных рук моих не простирал ни на какое убивство и никакого никому пограбления и злодейства не чинил, а виновен в общем всего сонмища злодеянии,—

что, не мочши от страху удалится, на дву сражениях противу полевой команды и на последнем с господином полковником Михельсоном был. В том, как на Страшном Суде Христове, признаюсь чрез сие чистосердечно, ожидая праведнаго от ея и. в., всемилостивейшей моей монархини, милости и суда. В том своеручно и подписуюсь.

К подлинному допросу секунд-маиор Андрей Салманов руку приложил.

(„Пугачовщина", том II, стр. 217—220).

ДОПРОС ПУСТОБАЕВА И ДР.

Копии с допросов, произведенных в Яицком городке в Отделенной Секретной Коммисии поиманным с казаком Афанасьем Перфильевым, бывшим с ним в одной шайке, яицким казакам.

1. Петр, Алексеев сын, Пустобаев.

От роду ему 50 лет, в службе тритцать один год, в верной ея и. в. службе присягал, о смерти императора Петра третияго знал. Прежде сего, по бывшему в Яицком городке при генерале-маиоре Потапове следствию состоял он с войсковой стороны, а, по воспоследовании на оное из Военной Коллегии конфирмации, был во всем на послушной стороне и подлежащие от войска службы исправлял с протчими послушными без изъятия.

В прошлом 773-м году, когда лжесамозванец около Яицкого городка проявился и с набранною к себе шайкою приступил к городку, тогда он, Пустобаев, с казаком Григорьем Харькиным посылан был отсюда с известием в Оренбург, что, он, исполня, возвратился обратно. А потом, когда уже Пугачов был под Оренбургом в Бердинской слободе, то он, Пустобаев, с казаками: Илжасом Аитовым, Купреяном Беляевым, Яковом Витошновым и Ситниковым, а как зовут — запаметовал, вторично от Камендантской Канцелярии послан был в Оренбург с некоторыми известиями; но в сей раз им проехать уже в Оренбург не удалось, ибо они, лишь только стали подъезжать от Бухарской стороны к Меновному Двору, то разъезжавшими лжесамозванцовыми партиями поиманы и привезены к Пугачову, где на другой день осуждены были от него все к смерти; но, однако ж, повешен из них один Илжас Аитов, а он, Пустобаев, с протчими, по прозбе некоторых яицких казаков, были Пугачовым прощены, но с тем, чтоб почитали ево за государя и служили ему верно, что они исполнять и обещали. И таким образом, оставшись в Берде, видели, что все, бывшия у злодея в толпе, почитали ево за государя, а особливо старшина Витошнов, которой покойнаго государя ноoднократно видал, утверждал, что самозванец — точной государь Петр третий. Злодей же Пугачов, к вящему ослеплению бывших в его шайке называя себя государем, рассказывал, будто бы он от смерти каким-та случаем спасся и до

сего времени странствовал. А потому и он, Пустобаев, смотря на других, а особливо на Витошнова, почел самозванца за настоящаго государя и служил ему верно, за что зделан от него был харунжим, выходил против оренбургских вылазок много раз, также и в Татищевой крепости против корпуса господина генерала-маиора князя Голицына, на сражение.

По разбитии же в Татищевой крепости их толпы, самозванец бежал в Берду, а он, Пустобаев, при Овчинникове в числе ста пятидесяти человек — в Илецкой городок, где, побыв дней с пять, съехали в Яицкой городок. Потом чрез три дни высланы были от здешних мятежничьих судей Каргина с товарыщи против генера-маиора Мансурова, с прибавлением к ним еще из войска трехсот пятидесяти человек при назначенных при них начальниках: Перфильеве и Дехтяреве, из коих первой назывался полковн[и]ком, а другой атаманом, с коими доезжали до Иртеку, но корпусом Мансурова прогнаны; и в другой раз, дни чрез два или три, съехались, было, на речке Латышовке и чинили пушечную и оружейную стрельбу, однако ж, чрез короткие часы и тут их разбили, причем и означенной Дехтярев убит. С сего места некоторые казаки разбежались врознь по лугам, а он, Пустобаев, в числе около 200 человек бежали на Бузулук и, перелезши на Чеганском перелазе, под предводительством Овчинникова и Перфильева, убоясь в город появитца, пошли на реку Самару, а, переправясь чрез сию реку, пришли, не знает, на какие хутора, в коих захваченнаго какого-та одного офицера повесили. С того места чрез башкирския Уралы прямо вышли к Магнитской крепости, которая была уже в руках самозванцовых, и он находился тут, — людей с ним было, башкирцов и завоцких мужиков, тысечь до двух...[1]

Из Осы, забрав людей и пушки, следовали вниз по Каме к Казане. И по всему сему тракту по деревням татары и черемисы шли к самозванцу большою частию самопроизвольно и побуждали к тому по деревням разосланные от него, Пугачова, с указами татара; и до города Казани набралось к нему всякаго народу тысячь до двадцати. Со всею сею толпою приступили они х Казане, и по сильном супротивлении ворвались в город и оной зажгли, а в сие время многих тут офицеров, салдат и всякаго звания людей побили, а других в плен взяли. По выжжении города пытались, было, приступ зделать и к Кремлю, но, однако, от онаго были жестоко отбиты и, потерявши человек со сто или более, отступили в свой воровской стан, где вскоре напал на них полковник Михельсон с командою, которой хотя их тут и разбил, однако ж, по побеге на дватцати верстах выше Казани паки к самозванцу из тех разбитых людей тысечь до десяти набралось, с коими самозванец пошел, было, еще к Казане, но полковник Михельсон встретил их и по жестоком сражении всех разбил: многия из их толпы были побиты, иные за-

---

[1] Опускается часть показания П. А. Пустобаева, излагающая события, начиная со взятия Магнитной крепости и кончая овладением г. Осой.

хвачены, а протчия разсыпались врозь; башкирцы же на том сражении от них отстали, и с того времяни, кроме одного старшины Кинжи, никого их не было; также и пушек у него, самозванца, и фуража ничего не осталось, и лошеди все отбиты.

Самозванец же с остальными, коих было тысячи с полторы, бежал вниз по Волге, в намерении итти к донским казакам и к Царицыну, по взятии ж Царицына — чрез степь проехать в Яицкой городок и там зимовать, куда и все яицкие казаки ево подговаривали...[1] Под Дубовкою переночевав, поехали к Царицыну. В проезд ко оному, на другой день встретили их около половины пути, а при каком урочище—не знает, легкия войски, в числе семи тысечь волских калмык, донских казаков и регулярных малаго числа людей, с артиллериею, против которой с стороны злодея употреблено сильное сражение. В кое время он, Пустобаев, был тогда позади с заставным знамем; итак, каким образом началось то сражение, сам не видал, а слышал от казаков, что те калмыки были под предводительством князя Дундукова, которой, будучи тут разбит, уклонился на побег; а после ево взято артиллерии девять орудей со всеми принадлежностьми; а притом и та регулярная команда при одном капитане и донских казаков сто человек при начальнике ж захвачены, причем все они были от самозванца утверждены присягою, и он, их уверя, что он — государь Петр третий, император, продолжал путь к Царицыну. На дороге, не упомнит— на каком месте, самозванец, собрав всех находящихся при нем главных, как то: Овчинникова, Перфильева и протчих, в числе коих и ево, Пустобаева, жаловал медалями серебреными, вызолочеными, кои нашивали на ленте; делали ж их бывшия у них в толпе серебреники. Не доехав до Царицына, верст за 15-ть, переночевали. А на другой день из тех разбитых, приезжая к самозванцу, 5 человек волских калмык при одном полковнике, а как звали — не упомнит, просили о принятии их с подвластными их калмыками к себе, коих обьявили до 3000; а самозванец тех калмык в свою партию и принял, которых для приводу к себе послал ко оным калмыкам его, Пустобаева, коих он и привел.

Потом подъехали к Царицыну, от коего навстречу для переговорки подъезжали донския казаки человек до 30-ти, к которым тогда самозванец сам, в числе 40 человек, с ближними своими, как то: Чумаковым и Твароговым, выезжал, в числе коих и он, Пустобаев, был. А, съехавшись с ними, самозванец тех казаков сам уговаривал, дабы они шли служить государю императору Петру третьему, но себя перед ними не именуя уже государем, называл присланным будто бы от государя фельтмаршелом и обещевал о всех винах их упросить у государя прощения. Напротив чего, донския говорили: „Мы де Петра третияго, императора, знаем и ему прежде присягали, а и теперь

[1] Опускаются подробности следования Пугачева, после неудачи под Казанью, по внутренним уездам, кончая вступлением в Дубовку.

де, буде он, так мы ему служить будем. Только просим, чтоб по нас не стреляли,—мы де поедем к городу и будем стоять около онаго снизу в стороне. А в город хотя и полковники наши пойдут, но мы входить не будем и стрелять по вас не станем". При окончании сей переговорки, подъехали еще из-под Царицына четыре донския казака, из коих один, на самозванца смотря пристально, сказал: „Емельян Иваныч! здорово! Я де тебя знаю". А Пугачов на то ему ничего не отвечал. Сие услышев, он, Пустобаев, перестал почитать самозванца за государя и отъехав от него далее, казаку Чумакову, который тут стоял и, слышал же, по надежде, как он ему, Пустобаеву, брат двоюродной, сказал: „Слышал ли де ты, как государя-та нашего называют? Видно де, он в самом деле злодей. Так нечего ему больше верить, а надобно от него как-нибудь отстать, дабы нам совсем в конец не пропасть". А Чумаков говорил: „Слышал де и я это; однако ж, ты молчи об этом, никому не сказывай, чтоб он не сведал. А придет де время, — так он от наших рук не отойдет!" После сего донския, отъехав в свою команду, стали на обьявленном от них месте, а Пугачов, учредя артиллерию от степи, начал к городу приступ чинить; а конница отряжена была ниже того города, чтоб отваротить тех донских казаков; но сии, усмотря сие, большая из них часть, в город въехали, а протчия до 500 человек, сами к Пугачову склонились. Но как из города сильная против толпы стрельба производилась, то Пугачов от сего города и отступил, в намерени итти к Черному Яру. Итак, следуя от Царицына вниз по Волге, верст за 10-ть, начлег имели, и в сию ночь присоединившиеся к ним ниже Саратова калмыки, 3000, все до одного, а из донских со 150 от Пугачова бежали.

На другой день, от сего места отошед верст с 20, чрез нарочно посланных для разведывания казаков получено известие, что следует за ними полковник Михельсон с корпусом, почему их вся толпа тут и остановилась и, приготовясь совсем к сильному против Михельсона отпору, во ожидании его стояла на одном месте во весь день; а как Михельсон пришел к ним уже на вечер и нападения на них не зделал, то и они простояли на одном месте во всю ночь в готовности. По утру же рано Михельсон приступил к ним и чрез короткое время всех их разбил. У самозванца в шайке было людей до 10000. Во время сражения сколько у них в толпе побито людей — не знает, ибо они уже, оставя, все бежали к Волге; донские ж казаки, которые под Царицыным к самозванцу пристали, — сколько их за уходом протчих оставалось — при сем сражении на них же обратились.

Переехав чрез Волгу на луговую сторону, он, Пустобаев, соглашал казаков: Марковцова, Огороднова и других, кои ныне с ним привезены, чтоб, от злодея отстав, итти с повинною. И условившись с ними, от злодея отстали, выше Черного Яру от Волги верстах в дватцати или менее, и ехали прямо в Яицкой городок. На другой день наехали на них яицкие казаки,

Савелий Алферов с товарыщи, 6 человек, кои сказывали, что они также отстали от Пугачова, не имев желания больше за ним ехать, сказывая при том, что Пугачов их звал с собою вверх по Волге на Дубовку для перемены лошадей, ибо под ними лошади были весма худы, с Дубовки, получа лошадей и хлеба, — на Елтанскую соль и на Узени, а с Узеней — на нижние яицкие фарпосты, с коих, забрав казаков или же не заезжая на фарпосты, уже прямо ехать чрез степь к морским ватагам. Ехавши они с сими, приставшими к ним, казаками сюда вместе, до речек Чежей, а на оных разъехались врознь для стреляния зверей. Он же, Пустобаев, с некоторыми при урочище Белой Розсаши остановился для варения каши; и когда наехала на них, Пустобаева с товарищи, разъездна[я] из городка команда, то он и протчие никакого супротивления не чинили, а, положа ружья, отдались сами в руки, так как их и намерение было явитца в городке; а той же команде объявил и о других своих товарищах, отлучившихся от них для стреляния зверей, коих он вместе с тою командою и нашел. Впротчем, бывшей с ними таварищ, казак Афанасей Перфильев, по переезде Волги-реки имел намерение и их с казаками подговаривал, подъехав под Яицкой городок, в степи в удобном месте скрытся и жить уединенно. Однако ж он, Пустобаев, на то не согласился да и другим казакам, а особливо Марковцову, подтверждал ево Перфильева наблюдать, дабы он от них куда-либо не скрылся, почитая ево важным потому, что он при злодее Пугачове был первой и людям всякое делал истязание, и возмущении в народ производил он более всех, и у самозванца в полной власти был.

В чем сказал сущую правду и ничего не утаил, и приносит во всем чистосердечное раскаяние и повиновение, с желанием впредь свою вину ея величеству всемилостевейшей государыне кровию заслужить...[1]

(„Пугачевщина“, т. II, стр. 224—229)

ДОПРОСНЫЕ РЕЧИ БЕКРЕНЕВА

1774 года сентебря 14 дня[2] присланные с Качалинской станицы от полковника Ильи Денисова, нижеписанные войска Донскаго семь человек казаки, бывшие в толпе злодея Амелки Пугочева того ж войска в Войсковой Канцелярии допрашиваны и показали:

1. Зовут ево Парфеном, Агапов сын, Бекренев; от роду ему дватцать три года, холост, грамоте читат и писат не умеет; родился на Хопре в Акишевской станицы, казачей сын, в которой станицы имеет отца, отставного казака Агапа Бекренева и брата роднаго Филата. В верности службы присегал ныне благополучно царствующей, великой государыне, императрице Екатерине Алексеевне и наследнику ея, государю-

[1] Конец показания Пустобаева опускается.
[2] Перед датой: „4-е“.

цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу. В казаках он состоит с 767 года и был в службе в Кизляре с старшиною Григорьем Денисовым, а, назад тому четвертой год, с есаулом Петром Фоминым находился он при Саратове для поисков разбойников и у наблюдания каланистов.

Сего ж году в августе месяце, будучи он, Бекренев, со оным есаулом Фоминым в числе шестидесяти человек казаков из Саратова посланы к городу Петровску, для разведания о следовавшем к тому городу Петровску злодее Амелке Пугочеве с толпою и ради разабрания в том городе моста, а пушак потопления в воду, как тому городу под'езжат стали, — то, усмотря того злодея, с толпою приближавшагося уже к городу, остановились. А есаул Фомин, с приехавшим к ним из Саратова да на пути сообщившимся с ними, ехавшим из Петровска, — двумя офицерами и человек до десяти казаками, поехал ближе к городу осмотреть ту злодейскую толпу; а вскоре оне, поворотясь, афицеры, мимо их пробегли, а есаул, остановясь, сказал только, чтоб оне все бежали назад; а сам от них вслед за офицерами побег, и уже оне ево, Фомина, после не видели. А после того вскоре от Петровска и сам злодей с толпою, сот до пяти, гнав за оными есаулом и офицерами и набежав на них, их окружили, остановясь, спросил у них, какие оне люди, и хто при них командир, и кому оне служат. На что оне и обявили, что — донские казаки, а служат всемилостивейшей государыне; командир же их, есаул, от них и два офицера бежали. А злодей, выговоря сии речи: „Служили де вы государыни, а ныне служите мне!“ Велел одному своему злодею ж, яицкому казаку, называя его фелтмаршалом, всех их весть в свой лагирь, бывшей, по проходе Петровска, в лугах. А сам злодей на коне буром, взяв у одного из них казака дротик, с некоторыми яицкими казаками погнал за есаулом и офицерами; по приводе ж их в лагирь, отвели им особое между яицкими место, где оне у одного стога и начевали; а начью [sic] и сам злодей в лагирь возвратился. По утру ж позваны к злодею от них: сотник Иван Мелехов, квартермистр Василей Малахов и харунжие: Степан Калабродов да Василей Попов; от которых слышели оне, что тот злодей обещаит им денежное жалованье. И потом тот злодей, с толпою поднявшись, взял их с собою. Следуя ж к Саратову, как начеват сьтали [?], то и выдано было им от злодея боченками медною монетою жалованье казакам, по двенатцати рублев, которое им и раздано [sic] было; а из старшин злодей Пугочев Мелехову велел быть сотником же, а Калабродова произвел в есаулы и всех их ему, Калабродову, препоручил, и притом дал им позолоченые медали: Мелехову поменше, а Калабродову поболше. И, сверх того, приводил сам злодей к присяге, а именно: целовали ево злодейскую руку; толко он, Бекренев, тогда ту присягу миновал.

В котором месте, злодей с толпою, переночевав, на другой день к вечеру кприближился [sic] к городу Саратову; и как из города чинена была оборона, то он, злодей, делая к тому го-

роду приступ и стреляя по нем ис пушек, наконец им овладел и, вобравшись в него, противящихся ему умертвил, а домы господские и богатых купцов, кои пред тем ушли, разорил без остатку, причем и всем им приказал свои екипажи, бывшие в том городе по квартирам, забрат, кои оне и забрали. При сем же городе он, злодей, в лугу лагирем перебыв двое суток, на третий день отпр[а]вился с своею толпою к городу Дмитриевску. А при самом подъеме ис команды их сотник Мелехов, квартермистр Малахов и харунжей Попов, да человек до десяти казаков, незнаемо им — для чего, оставаясь от них позади, учинили побег, о котором и узнали оне тогда, как злодей с толпою остановился начеват; о чем злодей Пугочев, чрез Колобродова узнав и назвав его, Калабродова, уже полковником своим, приказал за ними крепко смотрет; да и он, Калабродов, подтверждал с тем: естли кто побежит, тех он из своих рук колот будет; и действително некоторые из них, коих именно он показат не знает, когда было учинили побег, на пути яицкими казаками поколаны. В каковом будучи страхе, он, Бекренев, находясь в команде оного Колобродова, следовал при толпе чрез Дмитревск и Волскаго войска станицы до города Дубовки всегда со всемя своими казаками при злодейских кошах, не употребляя их ни на караулы и никуда в посылки, яко же и против бывшей на речке Пролейке с полковником Кутейниковым с казаками стычке и нигде ни на какие сражении, и были как пленные, кроме того, что Калабродов, произведя из них харунжим Заполянской станицы казака Семена, а чей — не знает, препоручил ему бывшей с ними бунчук, которой ими пред тем за Волгою у злодейской яицких казаков партии отбит. Он, Калабродов, брав с собою того харунжего и человека по четыре казаков, всякой день находился при самом злодее Пугочеве, которой и платьем своим его, Калабродова наградил. По бытности ж злодейской при городе Дубовке, ис которого забирал он на толпу свою фураж и правиант, и он, Бекренев, вообще со взятыми в толпу на речке Пролейке Кутейникова полку с ючными лошадми человек до сороку казаками, Колобродовым приведены к присяги и так же, как первые, толко целовали злодейскую руку, каковую присягу он, злодей, как забранным им из станиц и из Дубовки волским казакам, так и протчей сволочи делал, однако ж, всем порась. А притом на сем начлеге видел он, Бекренев, и судовую злодейскую толпу, туда ж, как лодок на десяти, по Волге приплывшую, на коих, слышел он, что была денежная казна и правиант.

При следовании ж от Дубовки к городу Царицыну для взятья ево, на пути злодей с толпою начевал две ночи, а третего дни, приближась к Царицыну, сам с толпою потенулся к самому городу, а всему обозу своему, в числе коих и он, Бекренев, со всеми казаками, кроме Калабродова, которой находился при самом злодее, был, велел итить вперед; почему тот обоз ево, отошед от Царицына как верст с десять, по переходе Саксонской слободы, коя была за побегом всех жителей

пуста, у Волги остановился, а к вечеру и сам злодей, с толпою прибывь, привел от Царицына захваченных им тамо донских казаков более дву сот человек с десятью знаменами, кои и расположены были особо от них, Бекренева с товарыщи; причем слышели оне от Калабродова, что утром будет подъем, и злодей пойдет на Черной Яр, а оттуда поворотитца чрез степ на Дон.

Между чем уже смерком [sic], как он, Бекренев, своих двух лошадей повел к Волге поит, то тамо, сообщась команды своей с семью разных станиц казаками да с одним из взятых при Кутениковом кошу казаков, всего восем человек, сговорились, оттуда не возвращаясь на кош, бежат на Дон, по которому согласию тогда ж, яко-то в суботу под воскресенье под 24-число августа, бежав ночью, преехали на речку Сарпу; где в камышах передневав, 27 числа прибыли к Дону против Трехостровянской станицы; а тамо переночевав, в намерени, чтоб явитца у есаула своего Фамина, уповая, что он уже находитца в своей Кременской станицы, поехали, было, туда почтовою дорогою. И как 28 числа в обеднею пору на Иловлинскую почту приехали и тамо у почтовых покормит лошадей остановились, то, усмотря следовавшего с полком по речке Иловле со взятыми им, не знает он, Бекренев, в каком месте, из злодейской толпы людми (кои с Волги и [з] злодейских судов, было бежали) полковника Илью Денисова, сами оне у него, Денисова, явились, а он, отобрав у них лошадей и воинскую збрую, взял их под караул и, по привозе в Качалинскую станицу, из оной отправил их семерых к войску Донскому в Черкаской, а осмого — Кутейникова полку отослал по-прежнему в тот же полк. А что де за побегом их з злодеем Пугочевым и ево толпою произошло, об оном уже оне неизвестны. Чрез всю ж де в той толпе, как с двенатцать дней, бытность оне никакого к измене злаго умысла не имели и нигде ни малейшаго злодейства не делали, и злодеям ничем не помогали, а были точно так, как пленные, для чего и побег, сыскав удобной случай, учинили.

В каковой своей истинности он, Бекренев, и подписуетца.

(„Пугачевщина“, том II, стр. 248—251

III.

ДОПРОСЫ И ПОКАЗАНИЯ УЧАСТНИКОВ ПУГАЧЕВСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ДОПРОС ШАЕВСКОГО

1774 года сентября 8 дня в Воронежской Губернской Канцелярии в присудстви крестьянин Шаевской показал...

Съехали[1] на речку Лавлу, где в степи стояла большая партия, человек до шестисот, вооруженных, с семью пушками, в том числе: козаков яицких — до ста петидесят, донских — до ста человек, а протчие — беглые господские люди и дворцовые и помещичьи крестьяне, и однадворцы; в числе ж донских козаков знаить по именам: из Еланской станицы Ивана Копылова, а из другой, незнаемой ему, станицы, — Захара Митрофанова, а протчим имен и прозвания не знает. И по приезде, от него, сержанта, представлены к называющемуся той парти из яицких козаков полковнику Ивану Дмитриеву, при котором находился поп с крестом и евангелием, коим и приведены к присяге, и дано им по ружью и по лошади и жалованья на месец по четыри рубли. А потом оная партия, незнаемо куда, отлучалась на два дни, а они с осмнатцатью человеки оставлены были для сторожи усталых ста осмидесят лошадей; а как партия возвратилась к ним, тогда на другой день называемой полковник, по полученному от Пугачова писменному повелению, из парти своей из донских козаков называемого тем началником харунжим Алексея Семенова да беглого дворцового крестьянина Дмитрия Усачева, и товарыща ево дворцового ж крестьянина, Семена Алексеева, и ево, Шаевского, (как все они грамоте умеющия) отправил в разныя уезды для разведывания, что про означенного Пугачова в народе говорят, и желают ли народом принять ево, Пугачова, за царя, и, естли из них кто его за царя признавать не будет, тем толковать и советывать, чтоб к государю были склонны, и обявлять им, что он жив и идет з болшими воинскими командами. Почему тот донской козак Алексей с крестьянином Усачовым, по данному ему от него, называемого полковника, писменному приказу, поехали по донским станицам до Луганской станицы, а ево, Шаевского, отправил с словесным приказом в Павловской уезд до Павловской крепости, товарыща ж ево, Семена Алексеева, послал в Танбовской уезд до Танбова, с тем, чтоб, по разведывани уверить вышеписанными словами и, записав те жителства, в коих народ к ним будет склонен и Пугачова за царя примет, возвратится к нему, хорунжему, на

[1] Т.-е. Шаевский, Сем. Алексеев и их подговорщик—сержант.

хутора, состоящия близ речки Нижних Чиров, где он их и ожидать будет...[1]

В бытность ево в болшой парти, видел лежащие под сохранением у сержанта многие писма, о коих он обявил, что то — Пугачовския указы и к нему репорты; однако, к прочтению оных допускаем не был. А, сверх того, видел лежащей на телегах правиант, по примеру, кулей до ста или болше, о котором оной же сержант обявил, что тот правиант тою партиею взят с плывущего по Волге, незнаемо чьего, судна. В канцелярии ж Павловской крепости всего вышеписанного не показывал, желая закрыть сообщников своих, обявленных, называемых полковника с партиями; а ныне все то покозал по самой справедливости, без всякой утайки, в чем и утвердился.

К подлинному допросу рука приложена тако:

К сему допросу економической крестьянин Никита Шаевской руку приложил.

(„Пугачевщина", том II, стр. 247—248).

ПОКАЗАНИЯ И. Б. ЧЕРНИКОВА

1774-го года августа под 22-е число,[2] ночью, присланной при рапорте от старшины Василья Манкова, нижеписанной, от злодея и изменника Пугочева с писмом в Иловлинскую станицу подосланной, человек в Войсковой Канцелярии спрашиван и показал:

Зовут ево Иваном, Барисов сын, Черников; от роду ему с 35-ть лет, грамоте читат и писат не умеет. Родился в Волском войске в Антиповской станицы, — природной казачей сын. Отец ево Борис, Иванов сын, Черников и мать Степанида Степанова в давних годех померли, а он, жителствуя в той Антиповской станицы своим домом с женою своею Марфою Кандратъевою и детми: сыном Иваном тринатцати и дочерью Аленою трех-летными, производит казачъю службу. Назат тому лет с шестнатцат, о верной службы [?] присегал он, во-первых, покойному императору Петру третъему, а потом ныне благополучно царствующей великой государыне, императрице и самодержице всероссийской, и наследнику ея, его императорскому высочеству государю цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу.

О известном государственном злодее и изменнике Пугочеве, с ево злодейскою толпою, как в их станицу доходили слухи, что он, злодей, следуя, раззоряет города и протчия жилища, в том числе Саратов, а наконец и Дмитревск, — и оне, разсуждая неоднократно, собирались на збор к принятию от того злодея предосторожности, которую и наблюдали. А, наконец, 13-го сего августа, яко-то в среду, по бытности ево, Черникова,

[1] Опускается та часть показаний Шаевского, где сообщается об его поездке в слободу Дубовку и деревню Гнилуши и дается описание примет его сообщников.

[2] В оригинале перед датой — №: „1".



Уральские казаки XVIII в.
Рисунок с современной гравюры Вебера.



в хуторе своем, прозываемом Саломатином, приехав туда, станищной их старшина Иван Никифоров обявил ему, Черникову, и всем, в тех хуторах живущим, казакам, что в станицу их, называя, от самозванца Пугачева прислано к ним писмо, в коем де он пишит, чтоб оне ему без супротивления здались, угрожи-вая, естли не склонятца, всех вырубит и жилище выжгит, для чего к согласию и велел всем съезжатся в станицу. По каковой повестки он, Черников, как в четверх по утру приехал в станицу, то уже у станицы их на пристани нахадилась болшое судно, прибывшее сверху по Волге, с разною ис толпы злодейской до тысячи человек ис каторжных, у коих и ноздри рваты и клейманы, сволочью, которые уже, ходя по станицы, грабили дома. А слух был, что и сам злодей с толпою в близости, почему, збираясь, все оне, раза с три в одно место, разсуждали, что в таком случае чинит: противу ли злодея итит или побегом спасатца, или же склонитца к нему, злодею, и напоследок все, будучи в страхе, сожалея жен своих детей и имущество, согласились, по малоимению к сопротивлению людей, к нему склонитца.

И для того оне, человек до сороку, взяв с собою три знамя, собравшись, того злодея, следующаго уже со всею ево толпою прямо к их станицы, верст за сем, встрев, по научению яицких казаков пешие на коленах ему поклонились с пригнутием своих знамен, причем многие из них по тому же научению целовали злодейскую ево руку; а что при том он, злодей, с стариками их, прозываемыми забурунными, и другими казаками разговаривал, он, Черников, не слышел. А за станицею и все вышедшие от старова до малова, мужеска и женска пола, с образами и колокольным звоном потому ж ево, злодея, ехавшаго верхи на пегой лошади инаходой, также на коленах встрели ж: а он, злодей, верхи, поцеловав у попа крест, прямо въехал в станицу и в доме их станицы казака Родиона Осипова Забуруннова с своими злодейскими началниками обедал. А бывших до приезду ево в станицы их из судна толпы ево злодеев, которые грабили по домам пожитки и хлеб и взяли на то судно станищную их чугинную [sic] пушку да бочонок пороху, всех из станицы выслал. Между чем и один бывшей в их Караваевской станицы казак прозываемый Прянишников, за выговоренные только о злодее при разговоре з другим казаком сии речи, что „он не государь, а душам нашим пагубник“, по приказу ево злодейскому яицкими казаками повешен. Бывшие ж в станицы их для битья каменьев каторжные дватцат человек освобождены и отосланы к таковым же каторжным на судно, а находившияся при них порутчик и салдаты, более дватцати, злодеем в толпу побраты, и обрезаны у них волосы по-казацки. Пообедавши ж, он, злодей, приказал станищному их атаману Ивану Платонову, забрав с собою всех станишных старшин, есаула и казаков, в том числе и ево, Черникова, с станищными знаменами следоват с ним, злодеем; почему всех их и выступило с ним, злодеем, человек до сороку. А отошед от их станицы верст с восем, тот зло-

дей на речке Балыклее начевал. За выходом же злодейским изъ их станицы, и судно с злодейскою толпою вниз по Волге отправилось; а сволочь злодейская, вступя в станицу, все имение у них пограбила, как и все их хутора без остатка ими раззорены. А намерение оного злодея было, чтоб итить в Караваевскую и Балыклеевскую станицу, а оттуда в города Дубовку и Царицын, а ис Царицына на Дон.

По переночевании ж на той речке Балыклее,[1] по утру в пятницу 15-го числа он, злодей, с толпою и с ними отправился к Караваевской-станицы; а на пути и все с Караваевской и Балыклеевской станиц казаки к нему, злодею, за препровождением посыланной за ними злодейской толпы приехали. На самом же сем походе, по приказу злодейскому, станищной их атаман Иван Платонов, наредя ево, Черникова, да другова казака — Кирсана Тарасова, обоих их представил к злодею, ехавшему верхи на лошади, а он, злодей, подав им держанной им, злодеем, в своих руках запечатанной комверт, назвав писмом, велел отвесть на Медведицу в Березовскую станицу; а опотом [sic] взяв оной обратно в свои руки, приказывал им отвесть на Дон в Иловлинскую станицу. А как на том писме надпись была в Березовскую станицу, то он, злодей, проговаривая, что в Иловле будут сумневатца и не распечатают, велел писарю своему, яицкому казаку, имеющаму у себя большую рыжею бороду, перечистя, переправить на Иловлинскую станицу; которой писарь, отъехав к телеги, и переправил и им препоручил с тем: как злодей им приказывал, чтоб отвесть то писмо в Иловлинскую станицу и, въехав прямо в дом той станицы казака Федора Аликова, то писмо ему подать, — а он де может оное обявит станищному своему атаману и казакам. С которым писмом оне после полден в пятницу и отправились в путь, а в суботу 16 числа в обеды, приехав, оне, в ту Иловлинскую станицу, въехали прямо в двор ко означенному казаку Аликову и, подав ему, бывшему в доме с своею семъею, то злодейское писмо, обявили, что оно к ним с ними прислано от самозванца, о котором он, Аликов, спросил, где он находитца; на что они и сказали ему, что отправился х Караваевской станицы. Он же, Аликов, тотчас с тем писмом пошел к станищному своему атаману, после чего он, Аликов, с протчими казаками, взяв обоих их, представили находившемуся близ станицы их в полверсты лагирем старшине Василью Манкову, а он, Манков, взяв их под караул, отправил в Качал[и]нскую станицу; а отуда отосланы: товарыщ его Тарасов — в Царицын, а он, Черников, — к войску Донскому в Черкаской.

При отправлении ж их злодеем с писмом, от нево им другова приказания, чтоб ехат в другие донские станицы и чинит об нем разглашение, не было, а приказывал только, чтоб отвесть то писмо и, отдав казаку Аликову, назад к нему возвратится. Точию де обое оне к возвращению вовсе намерения не имели

---

[1] Опускается: „по утру"

и никакого нигде о том злодее разглашения и подольщения не чинили и, кроме казака Аликова, ни в которую станицу и ни х кому не въезжали, да и, по приезде к Аликову, никаких к подольщению о злодее речей не говорили, а, называя его злодеем, упоминали, что он все их жилища разорил и имение пограбил, как им, при отъезде от злодея с писмом, наодине их станицы казак Родион Забуруннов сказывал такие слова, чтоб оне, будучи в донских станицах, уверяли всех, что оной злодей — точно самозванец и варвар.

В толпе же ево, злодея, видел он яицких казаков до трех сот, а сверх того разная сволочь, как то: казанские татары, лакеи, крестьяне, ссылачные и протчая сволочь, коих всех как тысяч до шести и толко почесть оруженных тысячи с две, а то все без всяких оружей. И многие е[з]дят в телегах, коих, тож калясак и берлинов, в обозе ево состоит многое число, — и более пятисот; в коем обозе многое число жен и обоего пола детей. Да слышел он в той толпе, что из Саратова по раззорении оного отправлены от него, злодея, две партии: одна к реке Медведице, а другая по переправлении чрез Волгу на луговую оной сторону, при предводителе — одна, что за Волгою родом арапе, с тем чтоб сей заволоцкой партии сообщится с ним, злодеем, у Царицына; во многом же те партии числе, ис каких людей и куда точно отправлены, и и [sic] где находятся — он не слышел. При злодейской же толпе видел он шесть медных походных пушак и при них из салдат в казацком платье кананир, да захваченных злодеем в Петровске и Саратове донских и их, волских, казаков, распределенных по злодейским полкам, как и оне определены были в полк Волского войска казака Ивана Казмина, взятого злодеем в Петровске. Да слышал он заподлинно что им, злодеем, город Дмитревск вес разорен, и комендант Каспер Меллин да один капитан Аигишев [?] сколаны. А о заключенном с Атаманскою Портою мире хотя в толпе злодейской и слышно, но как де оне яицким казакам о том мире в разговоре скажут, то оне, браня их матерно, смеютца, говоря так: „вот де помирились!“.

Злодей же, как он ево на свои глаза точно видел, — приметами: росту среднего, тонок, плечист, круглолик, смугл, конопат; волосы на голове, усах, бровах [?] и бороде русые с малою сединою, а борода неболшая; нос с неболшою на нем горбиною, конец его кверху загнулся, и кожа лупитца. Что же при нем жена и дети находятся, того он не слышал, а только при злодее видел одну женку в немецком платье с сыном, лет осми, да трех в таком же платъе взрослых девок.

И что он обо всем том показал истинну, в том и подписуетца.

(„Пугачевщина“, т. I, II стр. 238—242)

ПОКАЗАНИЯ И. С. ТРОФИМОВА

1774-го году сентября 27 дня Белогородской губернии, Орловской правинции, города Мценска купец Иван, Стефанов сын, Трофимов:

Признаюсь чистосердечно и раскаиваюсь, как на Страшном Христовом Пришествии, пред моим создателем богом, так и пред моей всемилостивейшей государыней, во всем, что знаю и могу припо[м]нить, не утая и не скрывая всего, чинимаго мною в свете, противного богу и законам.

Сначала находился я, именованны, при родителе моем, мценском купце Стефане Трофимове, которой находился во услужении у разных господ; помре в 770-м году. После смерти которого вступил и я во услужение московского фабриканта и обер-директора Гусятникова, от которого послан был с товарищем в город Астрахань для взыскания по векселям денег, 11000 ру., по получении которых[1] истрачено мною на свои мотовския нужды до 150 ру. Но как, по выезде обратно из Астрахани в Москву, убоясь, я, именованны, за недостаток хозяйской суммы наказания, остался в городе Царицыне, яко-бы за болезнию, а сумму хозяйскую отпустил с моим товарищем.

А я, дав плату, поплыл на кашкурской кладной вверх по Волги до города Сызрану, от которого прошел пешком чрез Казань, Кунгур и Екатеринбург господина полковника Тимашева на винокуренные заводы, где и принят был (по написанному самим мною пашпортом [sic], с приложением с просроченного настоящего, данного изо Мценского магистрата, пашпорта снятой печати) в работу и допущен был в контору до письменных дел. И, находясь на тех заводах не болея десяти месяцов, бежал (не учиня никаких пакостей) тулского купца Лугина[2] на железной завод, называемой Златоустинской, и на оном принят был в работу. А с октября месяца прошлого году отправили меня с продчими работными на медной рудник для добытия медной руды. Но как вдруг нечаянно живущия около тех рудников башкирцы, собравшись великое множество, приехав к нам на рудники декабря в первых числах, взяв всех без остатку, з 250 человек, погнали в горы, с причинением великих страстей, и, догнав до мещереков, разделили по деревням, человек по 20, по 25 и по 30, и держали недель с шесть. А как с вершины Сакмары-реки приехав башкирцы с командиром их Мраткой Батырем для раззорения Уйской крепости, однако, не взяв оную, возвратились обратно; и со оными отправлен я был с тремя товарищеми для сыску руских. И прописанной Мратко Батырь, довезши нас до Каноникольского завода, и отдал сотнику Пугачева Алексею Звереву, которым мы и приняты; и двое из нас посланы обратно з данным от него, Зверева, указом, чтоб находящимся руским людям обид и притеснение де не чинить и содержать впредь до воспоследования от Пугача указу; а меня с товарищем, взяв с собою под Оренбург в Бердо, представил находящемуся тогда при Пугачеве главному в злоехидстве со-

---

[1] Опускается излишне: имеющееся далее в оригинале „мною".
[2] Вероятно, Лугинина?!

беседнику Максиму Григорьеву, которой, нам выдав по 1 ру. денг, определил в Мосоловскую сотню...[1]

Подойдя ж под самую Казань, посылал указы, чтоб склонились без кровопролития; однако, видя их несклонность, приказал итти пехотой, а коннице быть — одним казакам еицким. И как, обступя с Арскаго поля, и пошли пехотой и взяли в короткое время жителство города Казани, кроме каменного Кремля, и отбили всю артиллерию, стоящую на батареях, и ламовые чугунные пушки, и медную секретную гоубицу с припасами; и, выгнав весь народ, не оставя никого, жительство зажгли. И намерение имел он, Пугачев, и каменной город из ломовых пушек разбить, а по разбитии следовать прямо чрез Нижегородскую губернию в Москву, естли б не предускорил господин полковник Михелсон или Голицын,—того обстоятелно знать не могу. И учинилось, не допустя до города Казани, сражение, и отбили у Пугачева несколко артиллерии. А на третей день старался Пугачев преодолеть, приказал толпе своей итти пехотой; где ево так силно разбили, что он болея в тысячи человеках уйти не мог.

И переправясь чрез реку Волгу с луговой на нагорную сторону, выше Свияска, пониже Чебаксар, шел дорогою по жительствам и чрез города, которые ему без всякого противления склонились и принемали щестию, а именно: Цывилск, Курмыш, Алатырь, Саранск, Пензю, Петровской, из которых брал в свою толпу доволно народу и отбирал артиллерию с припасами. И пришед под Саратов, откуда для принятия указа и обявления народу выехал саратовской купец Федор Федоров Кобяков и, взяв указ, поехал обратно в город. Между тем, человек до пятидесят выбежало из города казаков со обявлением, что чернь дратца не намерена, кроме как разве толко одне военные. Потом чинена была со обеих сторон пушечная палба, и разбит был город Саратов, и тут[?] взята как вся артиллерия, так казаки Волского и Донского войска и ис продчего чина людей немало. И, собравшись силно, как толпою, так и артиллериею, шел х Камышенки, и оной разбил же. От которого пошед вниз по реке Волги по тракту, встретила ево лехкая полевая команда с казаками и калмыками; но, хотя оная с артиллерией и оказывала великую храбрость к преодолению Пугачева, но по трусости казачьего войска, а особливо калмык, которые, не дравшись, бежали, устоять не могла и разбита Пугачевым вся, и много взято и захвачено в толпу. По окончани ж сего, пошел под Дубовскую станицу, в которой встретили с великою честию и с образами, и все дубовские казаки учинили присягу; и поставлен над ними старшиною депутат Василей Венеровской, и дан ему указ о набрании казачьего войска и об отдании ему Пугачеву в толпу, по которому и учинено им было. Да, словом, что и все Волское казачье войско прини-

---

[1] Опускается та часть показания И. С. Трофимова, где он сообщает ряд фактов о действиях Пугачева в течение первой половины 1774 г.

мали с великою охотою и старались оказывать ему, Пугачеву, верную службу.

По бытности ж Пугачевой у Дубровской станицы, приехав к нему от калмытского владелца Цендена несколько калъмык со обьявлением, что оной владелец желает быть с своими калмыками под ево, Пугачева, ведением в службе; напротиву чего, послан к нему с указом из еицких находящейся при нем, Пугачеве, Петр Алексеев и из башкир толмачь Идорка. И тем указом склонили, за что означенного казака Петра Алексеева жаловал полковником. А как из-под Дубовки, поднявшись, он, Пугачев, пошел, и, отойдя версты с три, калмытской владелец Ценден подошел, пал перед ним, Пугачевым, на колени и знамена свои приклонил, и целовал мерзительную Пугачева руку, пошел вкупе. А, по прибытии на станец на берегу реки Волги, жаловал он, Пугачев, владелца Цендена с калмытской ордой из привезенной на суднеи (которая было ведомства Соляной Канторы) и из ымеющейся при себе серебреной и медной денежной казной, сукнами, тавтами, шитым платьем и разными знатными товарами достаточное число; притом обявлял ему, владелцу: естли сь их калмытскою помощию возмется город Царицын, то и болея от него Пугачева жалованы будут. А намерении у него, Пугачева, были: разбив город Царыцын и Черной Яр, поворотить на Дон и склонить все Донское казачье войско, а з Дону итти в Москву. Однако, злоеходные [sic] ево желании не исполнились и города Царыцына разбить не удалось. Тогда калмытской владелец Ценден по прозбе отпущен был Пугачевым в дом свой на срочное время.

А, между тем, вскоре господином полковником Мехелсоном, ниже Царицына у Санникавой [sic] ватаги, со всею толпою Пугачев разбит, и бежал он не в болшем числе народа, и с ним жена ево, взятая из казанского острога, и сын неболшей, и прописанной илецкой казак Иван Творогов, из яицких—Василей Коновалова, Козма Иванов, которой всегда был в присмотре повозок, шурин ево, Пугачева, Егор Петров и продчия, которых имени и прозваньев я знать не могу...[1]

И в то время,[2] по любопытству моему, разсмотрел и узнал обстоятелно, что он — данской казак, понеже разговор ево явно доказывает: употребляет он вопросительное слово „откель ты", второе похвалительное „ладно", и весь разговор ево— мерзительной, подлой, а благородного и ученого слова ни одного не слыхал; да и неможно в нем быть, понеже в грамоте не умеет. А подписывал вместо ево под указами я по ево приказу, со обявлением: естли я сие кому донести или выговарится могу, то в тот час от него повешен буду. В предводительстве ж ево толпы и в секретных думах были—из еицких называемой атаман Андрей, Афанасьев сын, Авчинников, дежурной Еким Давилин, полковники: Афанасей Петров, Василей

---

[1] Часть показаний Трофимова опускается.

[2] „В бытность у Пугачева в команде".

Коновалов, Федор Чумаков, Козма Иванов, Иван и Егор Петровы, шурья называемые Пугачева; сверх того, прилепившейся из Волского войска Александр Денисьев. Во всем же возмущени и начатии дела состоят придчиною яицкия казаки, которые, сообщась заедино думаю з башкирцами, хотели отмстить учиненную яко-бы им обиду от бояр определением в Кизляр и в продчия службы, что прежде ими никогда чинено и исправляемо не было, и прелщая народ в таковую же погибель, в каковую и они впали волею и неволею, со обявлением простому народу: что когда всех можно будет перевесть помещиков, то тогда будет всем волность и избавятся от крестьянства, подушных и продчих податей, рекрутского набору, продажи вина и соли не будет. В таком случае народ, как несведущей и несмысленная чернь, почитали и утверждали за самую истинну, и думали то подлинно получить, друг друга склоняли и старались приводить в сию погибель и заблуждение. Что ж касается, хотя я и разумел и обстоятелно знал прописанное, толко способу не нашел удалиться от такого душепагубного заблуждения, понеже, естли сие изяснить в толпе Пугачева, то по доносу лишен буду жизни; а естли во время ево разбитиев бежать в армию или в город, то боялся достойного по моему беззаконию наказания и казни. И так время от время обращался в душепагубных и лживых писменных производствах даже и доныне; ведаю, тем себе зделал усугубление, достойное смерти. И, сам все чистосердечно открывая, предаюсь в высочайшую всемилостивейшей моей [1] монархине власть, недостоин будучи освященного имяни ея и. в. язык мой воспоминать и надеятся о себе какое ходатайство простерть; но милость и суд да совершится надо мною!

Сие писал я, Иван, Степанов сын, Трофимов своею рукою, в чем и подписуюсь. [2]

(Центрархив, „Пугачевщина, том II, стр. 220—224).

ПОКАЗАНИЯ Л. И. ХУДЯКОВА

Записной расколник, отставной донской казак Землянской станицы Лукьян Иванов сын Худяков показал:

Тому ныне третей год, в Великой пост привезены были от сыщика Михайлы Макарова колодники — а сколько человек не упомнит, — между коими был и Зимовейской станицы казак Емелька Пугачов, под караулом донских же казаков, коих велено было отвести в Черкаск; а по каким делам те колодники везены были, не знает. А как оных колодников привезли к станишной избе — а он, Худяков, был на своем курене, которой от станишной избы саженях в десятке, и молотил пшеницу, — то к тому ево куреню пришол показанной Пугачов по знаком-

---

[1] В оригинале далее еще раз—„моей".
[2] После текста: „Генерал-маиор Потемкин".

ству такому, что он служил с ним вместе во время пруских походов, а потому бывал у него, Худякова, когда езжал мимо в Черкаск, в его доме, також и он был у Пугачова тому лет десять, в день праздника Казанския Богородицы, на хуторе. А, по сему знакомству пришед к нему, Пугачов говорил ему:

„Вот де раззорил меня Роман Пименов и пограбил, да пуще всего два камня, да лук, да меня ж де и послал в Черкаск, не знаю, ни ведаю, за што. Но спаси де бог меня, — везут без колотки и безо всего. Да горе мое в том, что де с этакими колодниками везут меня водою, так вить нескоро довезут. А пара приходит, чтоб сеять пшеницу. Так я знаю, что я прав буду, и меня отпустят из Черкаска — за меня де и старшина Аловленской Михайла Макаров старается, и писал к войсковому есаулу письмо; да то моя беда, что уйдиот время севу-ту, так я совсем раззорюсь, — так пожалуй бога ради, возми ты меня на свои поруки, что ты меня в Черкаск отвезешь; а я де тебе шесть рублей заплачу".

При чом он клялся богом, что до него дела никакова, кроме что напал на него Пименов, нету. И он, во-первых по знакомству, во-вторых — что и денги дает хорошия, а к тому ж поверил он и его клятве, пошед в станишную избу, и старшине сказал, что он его, Пугачова, в Черкаск отвезет за своею порукою. И потом начевал оной Пугачов у него одну ночь. А на другой день на вечер велел сыну своему Прокофью оседлать для себя и для оного Пугачова по лошади и ехать с тем Пугачовым вместе до Черкаска, не приказывая сыну своему, как того, чтоб он его, Пугачова, отпустил, так и тово, чтоб оного Пугачова и караулил; ибо он, Худяков, поверя клятве оного Пугачова, никак и не думал, чтобы до него какое болшое дело касалось в Черкаске, а менше того он, Худяков, чтоб оной злодей мог от сына ево уйтить из-за такой клятвы. А на третей день оной сын ево приехал к нему в дом и сказал, что де Пугачов от него бежал да и лошадь, на которой он ехал, увел...[1]

„Пугачевщина", том II, стр. 184—185)

О ПОИМКЕ СООБЩНИКОВ ПУГАЧЕВА

1774 года сентября 6 дня присланной при рапорте Новохоперскаго баталиона от капитана Петра Бутремовича, пойманной в воровской изменника Пугачева партия, человек Григорий Сакалов в канцелярии Хоперской крепости в присутствие допрашиван и показал:

Подлинно зовут ево Григорьем, Петров сын Сакалов; от роду ему двадцать три года, города Курска купец. Назад тому лет с шесть, з данным ему ис Курского магистрата пашпортом на два года отпущен был для торгового промысла и с оным, искупя разного себе товару, торговал по донским станицам лет с шесть.

[1] Опускается конец показания Худякова (Прим. ред. „II")

И сего года в августе месяце ехал он войска Донского ис Филоновской станицы в город Саратов для покупки себе на продажу рыбы и икры. И, не доехав до малороссийской слободы Андреевки, встретились ему едущия из слободы Рудни, партия известнаго злодея Емельяна Пугачева, пятнадцать человек, под командою атамана Кастентина Дмитриева сына, Лосева, и спросили ево, что де „ты кому присягаешь?“ Он объявил им, что де „присягаю императору Петру Федоровичу“. Почему они, взяв ево с собою, поехали на реку Бузулук, в казачьи юрта, где станцыю имели. И вышеописанной атаман, взяв с собою ис той команды трех человек: есаула Василья Яковлева, редовых Антона Медведева,[1] поехали в Филоновскую станицу для склонения, чтоб они к известному злодею, под именем императора Петра третьего, были склонны. Откуда приехав и объявили той своей команде, что де вся та станица к нему склонна. Почему он, атаман, взяв ту свою команду, поехал Шацкого уезду в село Тростянку. И встретился им едущей Хоперского уезду из слободы Красавки малороссийанин Андрей (а чей сын и прозвания—не знает) Шацкого уезду в село Репное для своей нужны на базар, которой и взят в ту воровскую партию неволею.

(„Пугачевщина“, том 3, стр. 99).

КОПИЯ ДОПРОСНЫХ РЕЧЕЙ АКАЕВА

... [2] 1774 года сентебря 12 дня присланные при рапорте с Медведицы от старшины Петра Кулбакова, нижеписанные из злодейской Амелки Пугочева толпы, им поиманные два человека в Канцелярии Войсковых Дел допрашиваны и показали: [3]

1. Зовут ево Васильем, Иванов сын, Акаев; от роду ему сколько лет, не знает; грамоте читать и писать не умеет. Родился в Казанской губерни, Пензенского уезду в селе Ламовке, синбирского купца Якова Барисова Твердышева крестьянин; откуда, назад тому лет с шесть, тем купцом Твердышевым он, Акаев, с отцом своим и матерью, тож и з женою своею, со всем семейством переведен на железной завод ево, Твердышева, состоящей в Уфинском уезде, а в какой деревни—не зьнает, на реке Белой, при котором в работе в числе протчих работников, как до тысячи человек, он и находился.

Сего ж году о празднике Святыя Пасхи злодей Амелка Пугочев с бывшаю при нем толпою, как сот до пяти, в числе коих были: яицкие казаки, башкири, калмыки, руские мужики, протчая сволачь, по болшой части ничем не оруженныя, с пятью бывшими при нем, злодее, чугунными пушками, появясь от стороны Оренбурга, въехал в завод их и, находясь в нем с одну неделю, как тот их завод, так и другой по той же речки Белой

[1] Третья фамилия в оригинале не указана.

[2] Опускается: „3“.

[3] Показание второго из присланных, крестьянина Ив. Симен. Лайщакова (тоже из с. Ламовки), опускается.

завод же, называемой Абзянской, и все их жилища без остатку пожег и разорил. А, между тем, оной злодей, называя себя царем Петром Федоровичем, сказывал им, чтоб оне и шли с ним служит; почему де из завода их и пристало к нему на своих лошедях до трех сот человек, в числе коих и он, Акаев; а протчие все, тож жены их и дети, остались в тамошнем месте, а где уже после их поделись,—он не ведает; бывшей же тамо прикащик Михайла Шлычков пред тем, неведомо куды, бежал. А потом оной злодей, определя всех их, заводских, в полк называющагося злодейским полковником Дорафея Макарова-Абзянского, следовал со всею ево злодейскою толпою степными местами и разными великоросиискими, башкирскими и казанских татар жилищами, не чиня, однако, нигде никакого раззорения и смертного убивства, кроме того, что умножал толпу свою ис тех жилищ рускими, башкирами и татарами, к городу Казани долгое время. А напоследок, приближась со всею своею толпою под Казань по утру, отбив близ того города бившаю при карауле медную пушку, делал к тому городу приступ и, вобравшись в город, весь форштат, пограбя у жителей имение, выжег без всякого, однако ж, людем смертного убивства, потому что все жители находились в крепости, а оставались толко жены с детми. Пробыв же тамо чеса с три, как выступили оне из города, то, не знает он, Акаев, какою военною командою, вся их толпа вправ розбита, пушки и весь их обоз отбиты, и людей изь их толпы много в смерть побито. А он, Акаев, будучи пред Казанью, означенного злодейского полковника Дорафея Абзянского от есаула из руских Мартина Никифорова определен харунжим, имел у себя желтой щелковой с пришытым крестом бунчук, которой де он, Акаев, по разбитии их в речке Казанке, спосая себя, потопил в воду.

По разбитии ж злодей Пугочев не более, как в трех стах человеках, в том числе и он, Акаев, бежав вверх по Волге, на третей день в верстах в семидесяти от Казани, не знает он—при какой деревни, мужиками в садах чрез Волгу перевезен на сю сторону без всяких пушак и повозок, а толко верхи на лошадех; а по переезде, следуя, тот злодей, с ними с неделю времяни, не упомнит—до какого города, по пути с деревен забирал с собою мужиков, а помещичьи дворы, за побегом из них всех помещиков, без остатка раззорял. Вступя ж во оной город без всякого супротивления, потому что воевода с товарыщи из него бежали, пробыли там, не чиня никакого раззорения и смертного убивства, часа с три, а потом чрез три дни овладел, тож без всякого супротивления, городом Саранским, за побегом из него воеводы и протчих, ис коего, взяв три чугунные пушки с городовыми кананиры и с приумноженною еще в толпу свою сволочью, пошел на города: Пеньзю, а оттуда на Петровск, Саратов и далее вниз по Волге.

А он, Акаев, испрошась у злодейского полковника Абзянского, один поехал вперед на прежнее свое жилище, в село Ламовку, для свидания с своими родственниками, где и пробыл три дни. Между чем, и сам злодей с толпою, следуя к Пен-

зе, чрез то село Ламовку прошел и крестьян ис того села забрал в свою толпу; а после того и он, Акаев, ис того села с одним крестьянином, в ту ж толпу злодеем назначенным, Иваном Семионовым выехал вслед за злодейскою толпою; о которой известясь, что она по раззорении Пензы пошла к Саратову, он, Акаев, уже убоялся следом той толпы итить, потому что вслед за нею с корпусом уже прошел господин генерал-майор князь Галицын, и для того поворотя от Волги путь свой в том намерении, чтоб, обошед оной корпус, пробратца в злодейскую толпу. А по пути с разных мест из мужиков и из малоросиян сволочь, приставая к нему, Акаеву, за ним следовала степью и разными жителствами, не делая нигде никакого раззорения и смертного убивства, ибо де он, Акаев, запрещая сволочи то чинит, угражал, что по приезде будет о том на них доносит самому злодею, называя ево царем; которой де сволочи, по приезде ведомства войска Донскаго на реку[1] Медведицу, и набрело к нему более трехсот человек, все почти никакого оружия не имеющия, а с ружьями не было более пятидесяти человек, с коими он, Акаев, зделав на пути два ис платков шелковых бунчуки, въехал в Березовскую станицу, которую по прежде ево прошли такие ж две злодейские партии. И, в той Березовской станицы переночевав, по утру, оставили тамо своих худых и усталых лошадей, а вместо их пригнав станищной табун, взяли лутчих казачъих и один станищной бунчук; и, потом приехав в Малоделскую станицу, тамо оне никакого раззорения не делали, а толко оне тамошнего попа за то, что он не хотел писат в нижние Медведицкие станицы, чтоб оне без сопротивления склонились, от них, злодеев, писмо, устращивал повесит, чего, однако ж, ему по прошению всех не учинено. По выезде ж к Заполянской станицы, под оною оне заначевали а в обеднею пору, как усмотрели оне против себя казачью команду, то оне сперва против оной имели оборону, а потом, будучи тою командою разбиты, с ним, Акаевым, человек ста с два бежали к Царицыну; а протчие куда разбижались или побиты, — не знает. По приближении ж их к Царицынской линии, тамо оне в другой ряд казачею командою разбиты ж, причем де много из них поколоно, протчие все порась разбежались, а бывшие у них три бунчука да одна с Малоделской станицы с подводчиком взятая подвода и их повоски отбиты; а он, Акаев, тамо с четырмя человеки бежав вниз по Волге, сообщилось толко их восемнатцать, да на пути еще пристало к ним и розбитой самого злодея толпы четыре человека. Итак, де все оне дватцать два человека, поворотясь назад, как на речке Алшанке, близ хутора Березовской станицы казака Валикова, остановились, то тамо наехавшим на них старшиною Петром Кулбаковым с командою оне без всякого супротивления взяты, а потом он, Акаев, с вышезначущимся села Ламовки

---

[1] В середине этого слова выскоблена буква „ч".

крестьянином Иваном Семионовым от него, Кулбакова, прислан сюда в Черкаской, а протчие де все отосланы от него в Хоперскую крепость.

(„Пугачевщина", том II, стр. 339—342).

СПИСОК ИМЯННОЙ

учиненной по коммисии, в Царицыне производимый полковником и каменлантом, по совершенном разбитии господином полковником Михельсоном злодейской толпы, из приведенных в Царицын, чрез разведывание найденных, кто были начальники, со изъяснением их показания екстрактом, какие кто особенные или вообще все злодеянии учинили, а потому и присуждаются по их делам к какому решению, — значит под сим. [1]

Чины, имяна	Откуда кто, давно ль к злодею взяты и что показали
В злодейской толпе чины и должности имели.	
Полковники:	
1. Григорей Федоров Филинков.	Екатеринбургскаго ведомства казеннаго промывательнаго завода Уктусу крестьянин. В прошлом 773-м году с октября месяца взят в злодейскую толпу, в проезде от Уфы до Челябы. Был в шайке яицкого Ивана Сергеева, а потом Ивана Шибаева, который повешен до приходу к Казане дни за четыре. На место ево он, Филинков, получа полковничество, — по нем шайка называлась Филинковою.
2. Анисим Андреев Тюрин.	Города Нижнего Ломова ямщик. Будучи в ызвозе к Екатеринбургу до Березовского завода прикащика Ивана Петрова, в прошлом 773-м году в ноябре месяце взят на том заводе в толпу Пугачева и учрежден полковником в Авзянском полку; а после того дан ему другой зборной полк, назывался Донской.
3. Мартын Андреев	Оба каторжные, ноздри вырезаны, и с указными знаки сосланы в Оренбург. Были в Илецкой Защите в работе у ломки соли. Куда, злодейской полковник Соколов, пришед в больших силах,

[1] Помимо первых двух колонн сведений, кроме были еще две колонны, которые ред. „П" опущены

Чины, имяна	Откуда кто, давно ль к злодею взяты и что показали
Есаулы: 4. Филип Мартынов	атаковав крепость, по перестрелке из пушек оную преодолел; и по овладении по приказу ево, Соколова, командир капитан Лукин с одним подпорутчиком повешены, а их, ссыльных, сот до четырех выпустили и пригнали в Берду, где они самозванцу так, как государю, присягали и верили, служа ему на всех бывших баталиях с усердием,— в шайке из заводских мужиков Дарофея Загуменнова они были казаками. А потом как Загуменной на Пролейке от полевой команды ранен, то Андреев полковником, после того в Зубовке Мартынов есаулом учреждены. Во время ж прежде бывшаго под Татищевою крепостью разбития злодея Пугачева прибежал он в Берду в трех человеках; забрав их из Берды, бежал в Сакмарской городок; собравшись с силами, еще выступал на сражения, но паки разбит. Тогда уклонился в Урал к башкирцам и чинил заводам и по Оренбургской линии, даже до Троицкой крепости, селениям разорение и смертное убивство, а оттоль, по неудаче от разбития под Троицкою крепостью, шел Башкирью и чрез заводы, где ему лутчее пристанище и надежда на башкирцов, которые всегда ему верны, помогали во всех раззорениях, в пригоне руских людей вольных и невольников. А к тому после разбития прежде бывшие с ним, злодеем, разными случаями самоохотно збираютца; и так у него в скором времени силы бывают умножаемы, с которыми он, разведывая, идет в те места, где войск нет; почему и, на Казань пришед, удалось ему учинить раззорение, а после разбития равным образом бежал чрез Волгу. За ним яицкие, завоцкие самоохотно в разных местах збирались же; и так прошли чрез города даже до Царицына в великих силах, которым счисления не бывает, но блиско дватцати тысечь состояло. Считался исправнее прежняго, потому что довольно набрано по городам: артиллери—более 30-ти орудей, военных людей — салдат, артилеристов, казаков донских, волских, саратовских и протчих гораздо приумножено; за верно полагая взять Царицын, обнадеживая награждать деньгами за взятье онаго. А к тому подоспело калмык при их владельце Цендене тысеч до трех, которые

Чины, имяна	Откуда кто, давно ль к злодею взяты и что показали
	денгами, платьем, сукнами, шелковыми штуками, брав оное со взятаго под Саратовым сукна [sic], также и из обоза, достаточно награждены и обязались служить верно и под Царицыным были; да и после владелец ехал с ним, злодеем, более суток, — видно, с каким ни есть секретным приказом отпущен и поехал в степь. По взятии ж Царицына полагаемо было итти на Дон, имея надежду приумножитца казаками, чрез города вступить в Москву; но все оные ево злонамерении уничтожены под Царицыным. Видя сильное и вредное ему отражение, проговаривал: „Знатно, нам не взять, а должно итти под Черной Яр, взяв артилерию, возвратитца и еще атаковать Царицын". Куда и пошли, но господином полковником Михельсоном между Царицына и Черняго Яра на корень разбиты; сам злодей по привычке своей бежал за Волгу, куда и они ему последовали, но не могли соединится; шатающие с голоду пойманы: Андреев под Царицыным, Мартынов к Астрахани шол,—калмыки его вывезли в Енатаевскую крепость, а оттоль послан в Астрахань и, утая о себе, что был есаулом, прислан в Царицын, а здесь обличен. Против сего показания вышеописанные Филинков и Тюрин во всем том признались.
	(„Пугачевщина", т. II, стр. 204, 205, 205, 207)

ЭКСТРАКТ

из произведеннаго следствия над Саратовскими казачьими пятидесятниками и казаками, которыя, во время нападения государственнаго злодея и бунтовщика Пугачева сь ево толпами на Саратов, добровольно предательство учинили. А во оном значится:

1-е. Пятидесятники: Алексей Самохвалов, Иван Горохов, Алексей Манинков, Иван Уфимцов, деопутат Максим Кудрявцов, харунжие: Афанасей Уфимцов, Семен Винокуров, десятник Михайла Болдырев, казаки Алексей Астраханкин, Егор Соколов...[1] находились все оные в то время, когда злодей Пугачев шел с своими толпами в Саратов, были у валу. И, как злодейская толпа показыватца стала, то от полковника и каменданта послан был пятидесятник Алексей Самохвалов с казаками, чтоб ис той тол-

[1] Опускается перечень казачьих фамилий в количестве свыше 170.

пы поймать или с ними начать, яко с неприятелями, чрез оружие дело, куда тот пятидесятник ездил. И, съехавшись с тою злодейскою толпою весма блиско, ни он, Самохвалов, ниже бывшие с ним казаки, не чиня никакого противу тех злодеев, как долг и присяга обязывает, супротивления, назать возвратился, толко оставя в той злодейской толпе доброволно предавшихся казаков: Андрея Булатова, Федора Стародубова, Матвея Казакова, Ефима Арскова, Семена Колоколова, Алексея Калашникова, Илью Бочкарева и Максима Козюлкова, в чем, как тот пятидесятник Самохвалов показывал, а предавшиеся реченные казаки и ныне пойманныя и приведенныя в Саратов, сами при допросах винились.

А как велено было и всей казачьей команде, переехавши вал, стать у буярака, ибо по ту сторону того буярака разъезжали злодеи, то все, как начальныя, так и казаки, против оных никакого супротивления не чинили, почему и велено было от полковника и каменданта всем им возвратитца на прежнее место за вал. А как на прежнее место приехали, то велено ж спешитца и быть пешком у валу. Почему почитаемый петидесятником, Иваном Уфимцовым и братом ево Афонасьем Уфимцовым, за покойнаго императора Петра третьего разбойник Емелка Пугачев, о котором де прежде они от отца своего, отставного пятидесятника, Якова Уфимцова слышали, а (отцу де их притчина дала видитца с Пугачевым в то время, как ездил тот отец их в Оренбург из Саратова с саратовским жителем Яковом Лапшиным для покупки лошадей; то де называетца императором, и купленных тем отцом их лошадей Пугачев взял, а ему за них денги обещал отдать), вошед на Соколову гору, и стал во укрепление стрелять ис пушек. И от перваго выстрела казачьи лошеди, испужавшись, побежали в город; то как начальные тех казаков, так и все казаки и обыватели вроз разбежались и более никого уже не видно было.

А на другой день предательства казачьева, около обеда, приехал Пугачев в Саратов к Троицкому собору и спрашивал о том отставном пятидесятнике Якове Уфимцове; а потом и ездил он, Пугачев к Уфимцову в дом, у которого обедал. А осмаго часа[1] августа дал тот Пугачев свой мерской указ, чтоб тому оставному пятидесятнику Уфимцову быть в Саратове полковником. И велел взять ему с Яковым Лапшиным из лежащих под колоколнюю ведомства Канторы Апекунской денежной казны две тысечи семьсот рублев. Детей же того Уфимцова: пятидесятника Ивана—полковником и медалью, а харунжева Афонасья — есаулом в толпу свою пожаловать. Но как бывшие вышеписанные казачьи начальники (кроме пятидесятника Ивана Горохова, которой, нехотя быть в таком скопище, укрывался и тем верность присяги к своей монархини доказал) и казаки были у того разбойника Пугачева в мерских толпах под Черным Яром, — проходя города Дмитриевск, Царицын и всякое селение, — еди-

[1] „Часа“ ошибочно вместо „числа“.

согласно показывают все: поелику их самих тому варвару служить желание охотное было, а потому и усердствующия за чины, как тот отставной Уфимцов и ево дети, влагали каждому в серце и поощряли казаков, чтоб мерское ево, Пугачева, скопище умножить, раздавая, едва не на всех, по десяти рублев жалованья.

Такая Уфимцова з детми к Пугачеву доброжелателная усердность превзошла в возмущении противу всеавгустейшей императрицы и отечества не одних казаков, но и обывателей; в чем с Уфимцовым сообщниками оказались ис купцов Степан Грачов (которой от того Пугачева также полковником назван) и Иван Фирсов.

Грачев Фирсову, как бывшему в Саратовском магистрате при писменных делах, в доме Уфимцова приказывал, чтоб он, Фирсов, из магистратцкой ведомости зделал регистр о наличных купцах, кои бы были не свышее сорока лет и не менее б пятнацети, которые служить могли Пугачеву. Почему тот Фирсов, по призыву Грачева ж пищиков: Алексея Храмова, Кузмы Варфоломеева и Федора Власова, из ведомости купеческие имена сказывал, а те писцы разные регистра писали и выписано было всех имян более ста пятидесят человек. И тем написанным в регистре повещено было, чтоб шли к Уфимцову брать жалованья, а потом садились бы в лотки, чтоб тем и на Волги составить злодею толпу. И были на тех лотках цехи: Матвей Пичюгин, Иван Курганов, Афонасей Попов, Петр Смирнов, Михайла Пономарев, купцы: Матвей Петибратов, Федор Завьялов, Иван Кривопалов, Павел Хабаров, работник купца Трумбицкова — Александр Тимофеев, купцы: Яков Казакеев, Иван Шевелев; а на других лотках (коих всех было до ста) были посажены и Заволской Покровской слободы малоросияня, и выпущенныя Пугачевым из острога колодники.

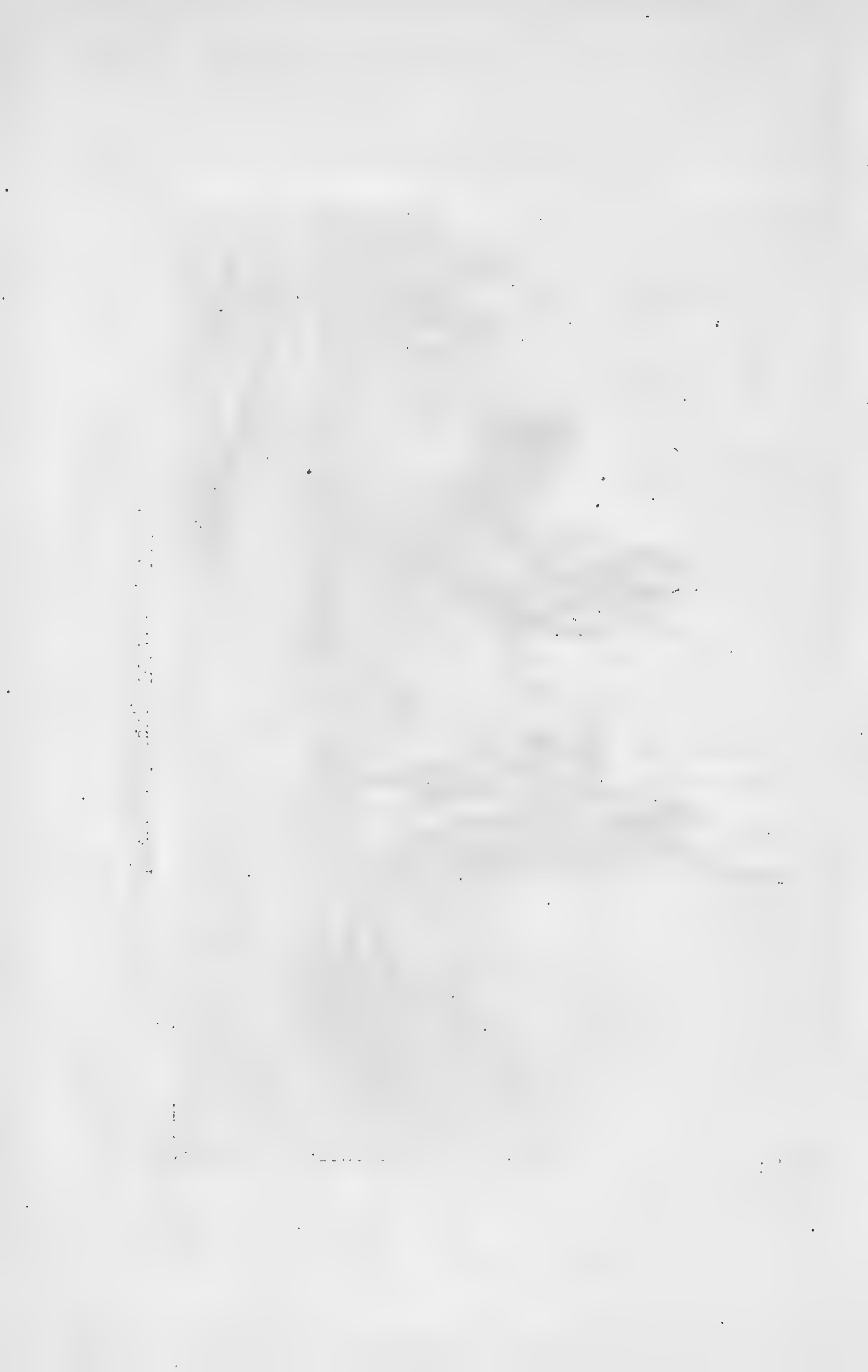
Как те посаженныя на лотки за Пугачевым вниз рекою поплыли, то велено было им всем от того Пугачева взятое з денежною казною Низовой Соляной Канторы судно конвоевать, что ими до самого Царицына и исполняемо было Но, как услыхали о высылке из Царицына, то с тех лодок уже бежали.

Грачев же и Фирсов з детми Уфимцовыми из Саратова за Пугачевым сухим путем, конные, выехали, и с ними были Саратовские ж купцы: Ефим Ащаулов, Кузма Иванов, Данила Халтурин (которой послан от купца Степана Буркина вместо себя), Григорей Кочергин, цеха Василья Рябова—Никифор Смирнов з братом Федотом, пахотной салдат Матвей Малафеев, купец, а бывшей в толпе пятидесятником, Иван Житков, пахотного салдата Якова Лапшина дети, Дмитрей и Федор Лапшины ж.

Купец же Фирсов ответом своим показывает: что приказано было ему от ратмана Михайлы Казанцова, которой во время нападения злодейскова убит до смерти, чтоб он Фирсов, как магистратския писменныя дела, так и всю ведомства магистратскова денежную казну в приуготовленное для того порозжее судно погрузил; что все и погружено было и для охране-



Башкиры. Гравюра Гейслера (XVIII в.)



ния оной определено от того ратмана Казанцова из рассыль-щиков и—ис купцов, тритцеть человек; которое де судно к от-плытию и стояла готово. Но Саратовское все купечество, со-бравшись в магистрат для совета и тому ратману Казанцову выговаривали, для чего он казну бес мирскова приговору в суд-но погрузил; и приказано было от всех тех купцов паки денеж-ную казну и писменные дела из судна выгрузить,—и выгруже-на; чрез что и доказали свою усердность тому ж Пугачеву, да и случай подали ему ту казну похитить.

Все оные купцы и разночинцы Пугачеву присягали и руку целовали, и жалованья брали, и, проходя с тем злодеем далее Царицына, поражены были корпусом полковника Михелсона: иные приведены, а другие, бежав, пришли в Саратов. В чем все при допросах винились.

О предательстве всех вышеписанных преступниках подлин-ное следствие представлено будет, куда надлежит. Но во упреж-дения, и дабы оныя за толь мерское свое содеяние наказание получили и чрез то б другие, смотря на то, поползновения и предприимчивости иметь не могли, а тишину и спокойствие восстановить подчтились, осмелился на комфермацыю вашего высокографскаго сиятельства при репорте моем сей экстракт поднести.

(Центрархив „Пугачевщина", том 3, стр. 197—200).

„РАЗЛИЧЕНИЕ ВАЖНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ СПО-СОБНИКОВ ЗЛОДЕЙСКИХ, ПРИМЕЧЕННОЕ КАЖ-ДОГО РАСКАЯНИЕ ПО СВОЙСТВУ ИХ"

1-й сорт.

Яицкий казак Афанасий Перфильев под № 30. Сей добро-вольно предложил свое желание уговорить Яицких казаков, способников злодейских, отстать от самозванца и предать его в руки правосудия; но едучи еще в Оренбург, поколебнулся в намерении своем, а прибыл в толпу злодейскую, под Бердой находившуюся, по совету Овчинникова открыл намерение свое самому злодею Пугачеву и с тех пор пребыл верен злодею, содействовал ему во всех злодеяниях, тиранствовал над многи-ми несчастными, попавшимися ему в руки, и старался склонять под Оренбургом верных Яицких казаков в толпу злодейскую и не хотел и при последнем времени отдаться в руки правосу-дия. Не дурак, свойства самого злейшаго, несколько раз бывал в Петербурге.

2-й сорт.

Яицкие казаки:

Максим **Шигаев**.	Весьма не глуп, тверд и был не-сколько раз в Петербурге.
Иван **Чика**, названный графом **Чернышевым**.	Великой плут.

Оренбургских казаков депутат **Подуров.**	Весьма не глуп и довольно разумеющь.
Мещеряк Канзафер Усаев.	Не глуп, но легкомыслен.
Персиянинов, он же и Торнов.	Великой плут.

Вины их:

Шигаев был из начальных способников злодейских, с Караваевым разглашал о злодее, при открытии его был поводом многаго соблазна другим, был злодейским любимцем и начальствовал толпою под Оренбургом, когда злодей отлучался к Яицкому городку и казнил несчастных людей. Взят после разбития злодея под Татищевой под № 1.

Чика был также из первых способников злодейских; при самом открытии самозванства скрыл Пугачева от поиску на хуторах, был також любимцем злодея, начальствовал отделенной толпою, производил великие грабежи, разорения заводам и селениям и казнил многих. Не безнужно, чтоб казнить его в Уфе, понеже весь край тот злости его исполнен.

Подуров был виновником многаго развращения легкомысленнаго народа, которые по уму и достоинству депутатскому к нему имели почтение, старался склонять верных Яицких казаков к злодею и писал многие письма. Взят после разбития злодеев под Сакмарою.

Канзафер двоекратно был в толпе злодейской: в первый раз взят был с Башкирцами, а когда попался в руки войск, был с билетом отпущен, то встретясь с Долгополовым, по прельщению его вторично преклонился к бунтовщикам, куплен за 100 рублев чрез старшину башкирскаго Кидряса, ибо имя его весьма славно было между бунтующими Башкирцами; нужно, чтоб смерть его равно была учинена в Уфе для Башкирцев.

Торнов двоекратно был в злодейской толпе, добровольно взял Нагайбак и чинил в тех местах великия разорения и смертоубийства.

3-й сорт

Яицкие казаки:

Денис Караваев. **Василий Плотников.**	Оба весьма не глупы, тверды, но Караваев больше злейшаго сложения. Были из первых разгласителей о самозванце между Яицкаго войска, оба взяты под караул прежде нежели злодей подходил к Яицкому городу и утаили о злодее, из доброжелательства всеконечно, хотя не признаются, понеже смысл их не мог допустить верить самозванцу. Караваев же делал соблазну простакам, разсказывая, что он на самозванце видел царские знаки.

Григорий **Закладнов**.	Прост; самый первый, кому злодей объявил самозванство; разглашал многим о самозванце; в толпе был, но не сражался с войсками и убийств не чинил.

4-й сорт.

Яицкие казаки:

Яков **Почивалин**.	Простодушен.
Тимофей **Мясников**.	
Михайла **Кожевников**.	
Петр **Кочуров**.	Прост.
Козьма **Кочуров**.	Не глуп
Иван **Харчев**.	Не глуп
Петр **Толкачев**.	Всем родом плуты и злодеи.
Тимофей **Скачков**.	
Петр **Горшенин**.	
Панкрат **Ягунов**.	
Раскольничий старец **Пахомий**.	Плут и крайний суевер.
Пахотной солдат Степан **Обаляев**, прозванный Ереминой курицей.	Прост, но великой плут.
Ссыльной крестьянин Афанасий **Чучков**.	Весьма прост.

Яков Почиталин, по уверению **Караваева** и **Шигаева**, поверил о самозванце и послал к нему для производства письменных дел сына своего Ивана и одежду самозванцу, но после изданных от меня [1] манифестов, в которых прописано было священным именем ея императорскаго величества, что все возвращающиеся из толпы злодейской с повинною, останутся не вредны, сам явился.

Тимофей Мясников был у злодея сотником от самаго его начала, и до разбития злодеев под Сакмарою сражался с войсками, но смертоубивств особенно не делал.

Кожевников, тот к которому на хутор **Чика**, называющийся графом Чернышевым, привез злодея, был взят под караул тогда как из города поиск выслан был по первому слуху о самозванце, но он утаил об нем, а сказал из-под пристрастнаго допроса и тогда, как уже знал, что злодей имел время скрыться в другое место.

Петр Кочуров был у злодея на Усихе и разглашал об нем в городке, и тот самый день взят под караул; при допросе объявил о самозванце, по которому объявлению и поиск, сказанный выше сего, был послан, работал в ретраншаменте и не покушался передаться к злодею.

Козьма Кочуров был в толпе у злодея, сражался с войсками, но особенно убийств не делал; по разбитии злодеев под

[1] Т. е. П. С. Потемкина, как начальника секретных комиссий.

Яицким городом отстал от толпы и явился сам, когда сведал, что являющимся с повинною престали делать истязания.

Харчев о самозванце слышал, что он проявился на Таловой, но никому о том не разглашал и не доносил, сказывая якобы по простоте. Был в ретраншаменте и защищался против злодеев более месяца, потом отпущен был из города на ловлю рыбы и захвачен злодейским атаманом Толкачевым, где пребывал до разбития злодеев под Яицким городом, и тогда явился к коменданту. Брат его весьма верный человек.

Толкачев. Брат самаго главнаго злодея Толкачева, который осаждал Яицкий ретраншамент и в Оренбурге повешен. Был в толпе злодейской по разбитии оной под Сакмарою, сражался многократно с войсками, но в убийстве и злодействах более сего не обличен.

Скачков захвачен в толпу к злодею нечаянно, но служил ему верно, был при всех грабительствах и разорениях до самаго последняго разбития. Сказывает, якобы хотел сам явиться с повинною, но пойман в Саратове и прислан в тайную экспедицию от его сиятельства графа Петра Ивановича Панина.

Ягунов показал то же, что и вышесказанный.

Пахомий, яко сущий суевер, более укрывает вины своей нежели в самом деле, поелику он сообщник Филарету, первому наставнику Пугачева.

Абаляев из первых самых, которому злодей назвался государем, был пойман на Иргизе, когда злодей с ним купно приезжал и укрылся, но **Абаляев** о намерении злодея утаил; по разсуждениям своим больше толковен нежели его уму и состоянию прилично, о которых ея императорскому величеству донесено. Достоин некотораго лишняго наказания.

Чучков был свидетелем первому сходбищу, когда злодей дерзнул назваться покойным государем Петром третьим, не донес по простоте, почитая его подлинно государем. Был конюхом у злодея и под Яиком взят.

5-й сорт.

Яицкие казаки:

Федор **Чумаков, Творогов, Коновалов, Бурнов, Фадулев, Пустобаев, Шелудяков, Ульянов.**

Чумаков самый первый, который восчувствовал раскаяние в совести своей, видя простираемые злодейства извергом и тогда еще как под Татищевой крепостью сонмище злодеев в первый раз было разбито. По допросам многих и по свидетельству Григорья Бородина известно, что когда сей Бородин нашел случай из толпы злодейской бежать, то советовал с Чумаковым злодея связать, но казак Горлов тогда донес злодею и тем воспрепятствовали то исполнить, ибо злодей из числа заговорившихся одного повесил, а прочих ужаснул. Сей **Чумаков** был любим между всеми товарищами своими, но как объявляет он, что совершенное прилагал вероятие злодею в имени им похищенном, утверждает что он неоднократно любопытство-

вал выведать у злодейской жены Софьи, подлинно ль она жена его, но она отрицалась, говоря что она жена Пугачева; возможно ли де мне быть женой государевой? Наконец, услышав от донских казаков подлинно о Пугачеве накануне разбития под Черным Яром, условился во-первых с Твороговым и потом с Федулевым и Бурновым, чтобы отнюдь уже не сражаться с верными ея императорскаго величества войсками, а надзирать чтобы злодея не выпустить из рук, что и исполнили. По переходе на Яицкие степи злодей уговаривал их итти в Сибирь (?)-, но они под видом дальности отреклись. Злодей потом звал их на Каспийское море, но они сказали, что против отечества своего с чужими ордами воевать не могут, и не только уговорили злодея итти на Узени, но и не допускали уже соединяться с собою приставающим разнаго звания людям, а приехав на Узени, первой объявил злодею о том, что его связать казаки вознамерились, и первой с Твороговым привезли ведомость в отделенную секретную комиссию, на Яике находившуюся, о поимке злодея. Впрочем пребывал у злодея почти с самаго начала.

Творогов попался в толпу к злодею, когда все Илецкие казаки изменили, атамана своего прозванием Портнова предали в руки самозванцу, и злодей его повесил. Сделался любимцем злодейским потому, что изверг ночевал в доме Творогова, как в лучшей квартире изо всего Илека. С того времени был при злодейской названной коллегии, подписывал все лжесоставленныя бумаги, называя манифестами и указами, равно давал подорожные билеты и охранительные листы. Сомнение о злодее возымел в то время, когда злодей велел и[1] Дубовки послать манифест на Дон и назвал его имянным указом. Слово имяннаго указа остановило Творогова подписаться; он представил самозванцу, что имянные указы подписывают сами государи, а как злодей не мог подписать, то Творогов отверг сердце свое от злодея и примечал с тех пор его поступки, а усмотря, что злодей от Донских казаков укрывал рожу свою, то сообщил свои мысли Чумакову, который объявляет, что он весьма был рад тому, ибо сам, мысля о том же, опасался открыться в своем мнении, и с тех пор совещались уже они о поимке злодея. Когда ж самозванец второй раз ушел было, то Творогов его догнал, сшиб с лошади, и потом обще с Чумаковым первые явились сами с известием о поимке злодея в Яицком городке.

Коновалов. О злодее слышал тогда еще, как был он в самой первый раз у Пьянова, и потом знал когда он был на речке Усихе, но не доносил о том по простоте своей, с самаго начала был при толпе злодейской, но после по соглашению Чумакова и Творогова из первых согласников был в поимке злодея.

Бурнов. Был в толпе злодейской палачом, но из числа надежных сообщников к преданию злодея в руки правосудия: и когда злодей по поводу казака Маденова схватил саблю и

[1] Неразборчиво написанное слово.

пистолет, хотел вооружась усилиться, он схватил сзади руки злодея.

Федулев. С начала самаго был в злодейской толпе есаулом и во всех местах служил ему верно, но по уговору Чумакова согласился злодея связать; а когда самозванец, вооружась, велел было старшин вязать, то он первой кинулся на злодея с саблею.

Пустобаев. Сначала был с верной страны, но попался к злодеям в руки, будучи послан из Яика в Оренбург от коменданта, и с тех пор во-первых принужденно, а потом и охотно служил самозванцу; наконец, когда злодей был разбит под Черным Яром, то он, отделяся при Перфильеве с 32 человеками, согласил других итти в Яицкий город с повинною, уверив их, что тамо не только жестокость пресеклась, но и награждают бедных хлебом, на что всех и склонил.

Шелудяков. Был с верной стороны против злодея, но когда от коменданта послан был за лошадьми, злодеями схвачен силою, и в его толпе был малое время, злодейств никаких не чинил, явился сам, но свояк злодею.

Ульянов. Был захвачен при самом начале в злодейское скопище с нижних форпостов, потом набрал разнаго звания людей в свою команду и соединился с Чикою под Уфою, не утверждает что злодея совершенно признавал, яко государя, но льстился при удаче его быть великим человеком, пойман вместе с Чикою, при допросе изъявил совершенное признание и раскаяние, и первый открыл всю хищность Яицких бунтующих казаков.

6-й сорт.

Иван **Почиталин**	дурак.
Максим **Горшков**	плут.
Подпоручик **Шванович**	прост, и шаль.

Шванович. Был взят в толпу злодейскую при разбитии генерала-маиора Кара, назван злодеем атаманом, переводил лжесоставный манифест на имя оренбургскаго губернатора Рейнсдорпа, и потом письмо найденное у рейтара конной гвардии, который, побуждаем верностью к службе ея величества, восприял было исполнить благонамеренное дело, а по тому переводу сказанный рейтар был повешен.

Горшков. Был при производстве письменных дел, составлял злодейские манифесты и указы, подписывался под оными, взят после истребления первой злодейской названной военной коллегии, злодейств никаких не делал, но развращения много.

Почиталин. Самый первый, который употреблен к письмам злодейским и был до взятия злодейской коллегии. Сей отсек голову саблею бригадиру Билову.

7-й сорт.

Отставной ундер-офицер гвардии **Голев**, Ржева Володимерова купец **Долгополов**.

САРАТОВСКИЕ КУПЦЫ:

Дмитрий Протопопов и Федор Кобяков.

Голев. По пьянству своему пустословием чинил великие соблазны в народе, ибо по простоте своей поселяне прилагали ему вероятия, почитая, что он, служа в гвардии, всеконечно знает достоверно самозванца.

Долгополов. Сей самый, который сказался якобы он был прислан от их высочеств с подарками, и учинил тем невероятное прельщение в народе, так что с появления в Казанской и Оренбургской губерниях до самаго разбития злодеев под Казанью в народе об нем твердили. Он тот, который, столь дерзновенно приехав в Петербург, отважился предстать к высочайшей особе с ложным представлением, по коему и был с капитаном Галаховым отправлен; но узнав о поимке злодея, от Галахова ушел и унес 3000 рублей казенных денег, но пойман во Ржеве Володимерове, и в допросах разнословил.

Протопопов. По рапорту Бошняка, коменданта Саратовскаго, его сиятельство граф Петр Иванович Панин извещал, что сей Протопопов соглашался со всем купечеством предать город злодеям, и посылали Кобякова в толпу злодейскую; здесь оный заперся, но сие известно по всем обстоятельствам, что купечество в Саратове изменили.

Кобяков. Самый тот, который якобы по приказу коменданта ездил на переговор с злодеями; сии пагубные переговоры к сожалению были употребляемы во всех местах; однако он не токмо был на переговоре, но быв в толпе, из оной прислан был с злодейским манифестом и паки уехал в толпу, хотя комендант, изорвав манифест, его звал возвратиться.

8-й сорт.

Города Петровска инвалидной команды прапорщик **Юматов**. Из трусости повиновался злодею; к сожалению общему, подобных ему было весьма много; но назван однако за то был от злодея полковником, каковым званием подписывался в даваемых им разных билетах; объявляет, якобы иначе подписываться опасался злодея, статься может по расположению его души свойственной к гнусной трусости.

Дубовских казаков депутат **Горский**, весьма острый человек. Объявляет якобы он вшел в толпу злодейскую, имея намерение убить самого злодея, и всегда искал к тому случая; но понеже все Дубовские казаки самопроизвольно шли в толпу злодейскую, видно и сей не противясь соединился. Первый подал известие в Черноярской крепости о разбитии злодеев, откуда послан был в Астрахань, и тамо, губернаторским товарищем при допросе сечен нещадно плетьми.

9-й сорт.

Яицкий казак Иван **Пономарев**, он же и **Самодуров**.
Царицынский купец Василий **Качалов**.

Раскольник Василий **Щолохов.**
Раскольник Иван **Седухин.**
Подпорутчик **Гринев.**
Раскольник **Кожевников**, купец Добрянский.

Донские казаки:
Лукьян **Худяков.**
Раскольник Андрей **Кузнецов.**
Малороссиянин раскольник Осип **Коровка.**
Писатель письма злодею крестьянин Василий **Попов**
Донощик на злодея крестьянин Семен **Филипов.**

Пономарев или Самодуров. Из-под пристрастнаго допроса в Оренбурге показал, что он знал о злодее с самаго начала; но сговорил сие, и очной ставкой с самыми злодеями утверждено, что он его никогда не знал, да и в толпе злодейской никогда не бывал, пойман на Узенях и укрывался для того, что отца его искали.

Качалов. Взят по объявлению Долгополова в том, якобы злодей, отправляя его из толпы злодейской, велел себя искать в Царицыне в доме сего купца, но самозванец оправдывает, что он велел себя искать в случае разбития в доме Полякова, который ему знаком сделался, когда он ехал из Добрянки на Иргиз, и его, **Качалова**, не знает.

Щолохов. Взят по подозрению на раскольников, которое ознаменилось после инаково; злодей знал, что **Щолохов** знаком Филарету, просил его о ходатайстве свободы, когда злодей содержался в Казани; **Щолохов** обещал, но не в таком разуме как из жалости, и дал ему однажды 5 рублей денег.

Седухин. Купец, котораго просил злодей переслать письмо свое к Филарету, лгав ему в своем избыточном иждивении, но сей никакого зла не сделал.

Подпоручик Гринев. По обнадеживанию одного беглаго солдата послал злодей письмо к **Гриневу** в том разуме, что сказанный солдат говорил так: я де **Гринева** знаю, он человек доброй и верно к вам склонится; но злодей никогда его не знал и ответа от него не имел; показание сие вошло в Новороссийской губернии от одного посланнаго из злодейской толпы с манифестами, именем Неустроева, который из-под пристрастных допросов чрез несколько дней умер.

Кожевников. Купец Добрянский, по первому допросу злодейскому весьма был важен, но он на очной ставке обличил злодея во лжи, и сами злодеи сговорили слова свои, а вся вина ныне состоит в том, что он Филарету приказывал поклон.

Худяков и Кузнецов, Коровка. Все оные были по первому допросу самозванца важны, но каждый из них обличил злодея во лжи.

Василий Попов. Вина его состоит, что он от злодея, якобы у него находилось у Филарета 470 руб. денег, приехав домой написал письмо к Филарету со угрожениями, что ежели он сих денег не возвратит, так по общему делу погибнут, но

он наказан за то, ибо пред приходом злодея к Саратову доносил, что Малороссийской слободы жители готовятся предаться злодею. Ему не вовсе начальники поверили, и там содержался он под караулом до тех пор как злодеи овладели Саратовом; тогда те, на коих он доносил, изрубили его так, что он несколько недель отчаян был жизни, и в ранах его завелись черви; впрочем великой плут и пьяница.

Семен Филипов. Самый тот, который, слыша в Яицком городе злодейские прельщения, подговаривал казаков в Малыковке донесть. Взят был для изобличения злодея.

Подано от генерал-маиора Потемкина.

(Материалы для истории Пугачевского бунта Я. К. Грота. Приложение к XXV тому Записок имп. Академии Наук, № 4, стр. 120-132.)

IV.

ДОНЕСЕНИЯ И РАПОРТЫ О ДВИЖЕНИИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ВОЙСК

РАПОРТ БОШНАКА

Его превосходителству, господину генерал-майору, ковалеру и Астраханской губерни губернатору, Петру Никитичу Кречетникову — от полковника и Саратовскаго коменданта

Рапорт

За весма важное и самонужнейшее дело имею честь вашему превосходителству донесть... [1]

Сего ж августа 4-го числа получено в Саратов известие, что предоказанной злодей Пугачев как приближаясь к Петровску, то весь народ возмутившись, а Петровской воевода, казенные семь пушек и пороху до пятнатцати пуд оставивши в том городе, а сам выехал вон... [2]

И как оная толпа появилась не далече, как в трех верстах от Саратова, то стали передники выезжать и приближатца к городу, то я выслал на сражение саратовских казаков, с тем, чтоб оне из той толпы могли языка поймать; но оные, хотя и зделали тот вид, яко-бы против неприятеля поскакали, но, приближась к ним, ни один ни с одной стороны сучротивления с ними не зделав, а толко в разговорках обращались; но и с правой стороны, из той толпы, где наши казаки стояли, подъехав ближе, и стали с ними разговаривать. И в тот самой час посадские послали к нему от себя посланника, выбранного ими потаенным образом, купъца Кобякова к Пугачеву на совет, что оне к нему в подданство все итьти желают. Что я, увидев их намерение, приказал ис пушки по них картечами выпалить. А по выстреле купец Протопопов стал выговаривать озартным образом артилерискому майору Симанъ же и майору Бутыркину: „Для чего вы стреляете? И разве не знаете, что послали посланника мы от себя для лутчаго совета!“. Которой купец Кобяков ими и принят был в толпу; а чрез несколько минут он, Кобяков, возвратившись в Саратов, и привес х купцам указ, которые купцы обступили ево все. И я став их ругать, что оне без ведома моего того купца Кобякова посылали, то тот Кобяков вынев из-за пазухи указ, что оной привес, ко мне, которой я,

---

[1] Начало рапорта опускается.

[2] Опускается часть рапорта Бошняка, где, между прочим, рассказывается о неудаче, постигшей порутчика Г. Р. Державина вследствие измены донских казаков в его попытке оказать отпор „злодею“ перед Саратовым.

взяв, при них изодърав, брося, и топтал ногами; что видя, те купъцы на меня во изорвани указа злобно крычали. В том же злодейском писме написано было, что все купечество, бобыли и пахотные будут защищены и пожалованы, и ото въсех податей избавлены, и волность дана будет; а штап-обер-афицеров и дворян всех хотел перевешить. И в то время самое, что увидев их злое намерение, приказал, было, ис пушки выстрелить, которой на то объявя, что трубка замочена, и стрелять не можно.

А, между тем, по проводу обывателей оной злодей, на Соколовой горе, учредя в трех местах батареи, зачел ис пушек по нас стрелять; и сколь скоро выстреля раза три, то все купечество и народ, обратясь, пошли в город пешие, а конные купцы и казаки пошли к тому Пугачеву. Итак, от оной Соколовой горы, разделясь паръти на четыре, и с той Соколовой горы пустились с великим криком, и прямо ко мне к ретрашаменту, и атаковали... [1]

По несчастию, чего я, никогда не думав, и не воображал: фузелеры все, головою вдруг обратясь, чрез ров побежали и с ружъями в ту проклятую толпу, при которых — князь капитан Баратаев, подпорутчик Хотяинцов, штык-юнкеры Афонасьев и Федоров; и сколко я не старался удерживать, но, не на что не смотря, унесли с собою фитили и из-под пушек клиньи. А после того батадионной командир, гунство-каналья, майор Салманов, подговоря до несколко салдат, в толпу злодейскую побежал. Итак, я, оставшись один, с некоторыми господами штап-и обер-афицерами, с нескольким числом салдат, со взятыми знаменами принужден ретироватца, и провожали оные меня, окружа кругом, более шести верст...[2]

Все, как опекунские соляные, так и все, судьи из города Саратова выехали, тож и порутчик Державин выехал из города прочь, хотя оной господин порутчик Державин и велел из Малыковки ко мне нарядить мужиков пять сот человек для защищения города. От которого того ж 6-го числа от мужиков староста у меня и явился, что оные от Саратова состоят не более в пятнатцати верстах, и просил для проводу оных казаков до Саратова, которому я и дал казаков четырех человек и с тем старостою отправя; кои изъменники-канальи, чтоб провести в Саратов долъжно было, а они проведя в толпу злодейскую. И так по нынешних обстоятелствах во всем округе Саратовском; но что касаетца в донских и волских казаках, то по нынешним обстоятелствам в них надежда мала.

Подлинной подписан тако: полковник Иван Констянтинов Бошнак.

Ч. 8-го августа 1774 года. („Пугачевщина", т. II, стр. 191—193).

---

[1] Опускается часть рапорта Бошняка, с описанием некоторых деталей сражения под Саратовым.

[2] Опускается часть рапорта Бошняка, где рассказывается об его дальнейших мероприятиях.

РАПОРТ ЦЕПЛЕТЕВА

По секрету его превосходительский Горбе.

Рапорт Цеплетева в военную коллегию от 12 августа

Известной злодей и разбойник Пугачев, как из Казани г. подполковником Михельсоном выгнат, от того времени получая о разливающемся [1] перешед через Волгу от его злодействе разныя и многия сведения, ни по которому не видя, где б он был препятствован, на коротких же днях разными партиями в одни числа, в Воронежской губернии, город Нижний Ломов, а Казанской — Петровск, не в дальном разстоянии сей последний Астраханской губернии к городу Саратову, разорены, — приняты мною меры в разсылаемых в зависимыя от моего посту места подавать о том сведения, и чиня переписку на Дон, как в Черкаск, так и г. генерал-маиору князю Багратиону, просить онаго, дабы не оставил с деташаментом своим выступить к здешней стороне на отражение и истребление сего изверга; от войсковой Донскаго войска канцелярии требовать о выкомандировании из войск к находящемуся на страже кубанской степи с калмыцкими войсками г. полковнику князю Дундукову, чтоб и он учинил то ж, отрепортуя г. Астраханскому губернатору обо всем, от котораго поспешило ему, Дундукову, подтверждение, и объявлено мне, что с своей стороны и он г. губернатор к Багратиону уже сообщал, подписывая в мое распоряжение Дундукова подвиг, который вчерашний день к Царицыну тысячах в трех прибыл, а я, уже имея о злодее от саратовскаго коменданта от 8 числа уведомление, что 6 числа на Саратов нападение учинено толпами тысячах в четырех: по измене бывших у него, коменданта, Донских, Волжских, Саратовских казаков и фузелерных рот артилерийских, баталионнаго командира секунд-маиора Салманова с солдатами, оной город взят, малое число солдат удержась с офицерами, прошед сквозь всю толпу вооруженною рукою, следует к Дмитриевску. Я, по сему видя на глазах уже злодея, сообщил к нему, князю Дундукову, следовать на Дмитриевск, придав легкую полевую команду и артилерию снабдя и предписывая бденно стеречь о непропуске сего злодея к стороне Дона и чтоб не мог, его князя стороною обойдя, в низовые города пробраться, а донские поиски поспешали б ударить сего изменника с боку, прямо следовали б к Волге; сообщено от меня с нарочным г. полковнику Серебрякову и просил г. генерал-маиора князя Багратиона о поспешении к Царицыну, нужду имея в посторонних людях на устрашение моего города. Что оказался злодей, артилерийской команды канонир явно проговаривал о работе по причине малаго числа прибавочных батарей: на что де трудятся напрасно, вскоре же достанется батюшке Пугачеву, и при взятии его другие артилеристы пять человек у маиора Гревса отбить ста-

[1] Так в оригинале, видимо, пропущено какое-то слово.

рались; заключаемое из того не об одних оных, но и о прочих сотоварищах к измене согласие предпринимаемых. Имея от него г. Багратиона от 6 числа на марше его за 400 верст ко мне уведомление, дабы эскадрон или два для поспешения впредь себя наскоре отправить не оставить, оной же изменник без всякаго следствия заслужил лишение жизни, что на нынешний случай в страх других всемерно исполнить следовало б; но я, имея главнаго командира в Астрахани, представил в разсмотрение, а собою учинить не смел; что и государственной военной колегии донесть не упускаю, а притом за нужно почитаю по здешнему пограничному городу и важному моему посту для бываемых многих нужных переписок, кроме нынешняго случая, а ныне и более и важнее оных происходит, на отправление курьеров снабдить экстраординарной суммы деньгами, хотя до 1000 рублей, по неимению оных когда требую от воеводской прогоны, а когда принуждено средства искать и без прогон, от чего не другое как и от одних с воеводскою переписок некоторое делается промедление; что и предаю государственной военной коллегии в соизволение. Августа 12 дня 1774 года.

Полковник Иван Цыплетев.

Свидетельствовал: граф Панин.

Материалы для истории Пугачевского бунта Я. К. Грота.
(Приложение к XXV тому Записок имп. академии наук, № 4, стр. 17—19).

КОПИЯ С ПИСМА БРЕГАДИРА БРЫНКА

к генерал-порутчику и ковалеру Щербинину от 16 августа.

Вашему высокопревосходителству честь имею донести, что часть едичкулов, х Кубане уже зближилась и начали переправлятца, а я с войсками к свободному в их жилища расположению от Кубани отделяюсь.

Чрез союзников наших слышу я, что донцы худыя мысли имеют, и некоторой подлой народ охотно бунтовщика Пугачева ожидают. Более затем здесь новостей никаких нет; потому, вашему высокопревосходителству поднеся мое усердное почтение, честь имею пребывать навсегда.

(Центрархив, „Пугачевщина“ том II, стр. 237).

ДОНСКИЕ И ВОЛЖСКИЕ КАЗАКИ В ПУГАЧЕВЩИНУ

Высокородному и высокопочтенному господину бригадиру и Хоперской крепости коменданту, Ионе Венедиктьевичу Аршеневскому — при войске Донском от армии полковника Себрякова

Рапорт

Как сначала получа я из Михайловской станицы от старшины Осипа Лащилина в разные, однако в скорые, числа его ра-

Калмыки на конях. Гравюра Гейслера (XVIII в.)

порты, по присланным к нему от вашего высокородия уведомлениям о государственном злодее Пугачеве, что он, разоря Казань, вступил в города Алатырь и Саранск и вышел в Нижней Ломов, — я посему по усердности моей к отечеству имею несколько на сей случай возложенное по сообщению от войска Донскаго Войсковой канцелярии определение, — того ж самаго часу для закрытия войска Донскаго жилищ и на поражение сего злодея зделал распоряжение так, чтоб находящиеся здесь в верховых станицах старшины в самой скорости выслали со всех станиц козаков поголовно на те места, откуда опасность следовала. Как я тогда чрез короткое время уже получил от господина полковника и Царицынскаго коменданта Цыплетева сообщение, яко помянутой злодей Саратовым овладел, истребовал от стороны Донскаго войска, чтоб над сим злодеем был учинен поиск и стараться при помощи божией его разбить; а на сей же случай и другие регулярные и калмыцкия войски отправлены. Почему и приказано от меня было старшине Кулбакову ехать в верховыя Медвецкия станицы и, собрав там, такъже из Бузулуцких станиц, всех козаков поголовно, занять с оными пасть на речки Березовки и стараться чинить за злодеем поиск, а между тем, не упуская время, крайнейше стараться посылкою от себя и требованием от определенных старшин выгонки всех станиц козаков.

Но только чрез большую долговременность ни из одной станицы каза[ко]в не получал. И сверхь чаяния моего 16 августа старшина Кулбаков, оставя занятой в верьховых Медвецких станицах пост свой, ко мне приехал, обьявил: что ему за приближением к нему до дву тысячь злодейской толпы с малою командою устоять не можно, — в присылке ни отъкуду козаков; из тамошних Медвецких станиц козаки стали каждой спасать живот свой, то и он от такой растройки оттуда уехал; а город де Дмитриевск Пугачевым совсем разорен, и к Царицыну пошел. И по сим уведомлениям еще получил я рапорт от двух козацких полковников, Мексима Якова[1] и Андрея Вуколова, которые были от походнаго атамана командированы на помощ показанному старшине Укалову, что они, не имея за неспособностию надежности в людях, вдаль иттить усумнились; а из верьховых Медвецких станиц не только никакаго вспоможения, но и по требованию людей им не давали. Также наряженных их в команду ни одного человека не выслали и, к немалому сумнению и опасности, ту злодейскую толпу принимают встречею с хлебом и солью, и знаменами; да из других мест козаки высылали[с]ь с крайнею медлительностию.

По которым важным опасностям я ж уже более месяца одержим жестокою лихорадкою, зачем, препоруча к предохранению отечеству присланному для того от войска Донскаго походному атаману Луковкину, отехал из дому своего под защищение Хоперской крепости и сего числа в Михайловскую

[1] Надо читать, очевидно: „Максима Янова".

станицу прибыл. Того ради вашего высогородия покорнейше прошу, в случае надобности, дозволить мне с фамилиею моею приехать во оную крепость. А каковое мною вчерашнего дни в ночи получено от господина полковника и царицынскаго коменданта сообщение, с того к сведению вашему высокородию прилагаю копию.

(Центрархив, „Пугачевщина“, том II, стр. 232—233)

РАПОРТ ЛУКОВКИНА

Высокородному и высокопревосходительному господину генерал-маиору и орденов: Росийскаго — светаго Георгия и Голштинского, и святыя Анны ковалеру Мансурову Донскаго войска походнаго атамана Абросима Луковкина

Покорный рапорт

В силу сообщения его высокопревосходителства, господина генерал-порутчика, ковалера и Воронежской губернии губернатора, Николая Лаврентьевича Шетнева, командирован я от войска Донскаго в полутоpотысячную команду, с полковниками Яновым и Вуколовым для прикрытия наших, Донскаго войска, Хоперских, Медведицких и Бузулуцких жилищь от толпов известнаго государственнаго злодея и варвара Пугачева. И прибыв на реку Медведицу почтою, по несобрании всей каманды, с малым числом казаками и с теми полковниками Яновым, Вуколовым и с находившим в Медведицких станицах Кулбаковым, вступившею в Медведицкие, от Березовской до Етеревской, шесть станиц злодейскую толпу, коей было более трехсот, при называющем злодейском полковнике Якове Андрееве, из беглых салдат, кой, будучи во оных Станицах, вешал знатных людей и чинил немалые грабительствы и раззорении, 18-го минувшаго августа в той Етеревской станицы при помощи божеской разбил в прах, причем злодеев сот до двух поколано в смерть, а немалое число живых и раненых взято в плен и две харунги отбито. Полковник же их злодейской, разсыпавшись, с малым числом сволочью чрез реку Медведицу бежал в леса. Те же злодеи были разного звания, в том числе и калонисты.

После чего вскоре получил я известие, что и другая злодейская толпа, при называющем злодейском полковнике Василье Иванове, в числе петисот, вступя от Березовской в Малодельскую станицы, находитца, которуя я, с камандою и с вышеписанными полковниками пошед, 19-го числа того ж месяца за Малоделскою станицаю, нагнав, разбил; и более сту человек злодеев казаками в смерть побито и переранено немалое число, и в леса разбежались; а с нашей стороны казаков побито шесть, ранено пять. Оставшие ж злодеи от разбитой толпы бежали к Волге, имея у себя нетомленных по две и по три лошадей заводных, в соединение к толпе злодея Пугачева, находившиго на Волге.

И очистя все те Медведицкие станицы, и я с камандою на преследование тех злодеев и к соединению при Царицыне с войсками ея и. в. пошел, оставя для закрытия Медведицких станиц при есауле надежную команду. 25-го к Царицынской линии пришел и за онаю линиею от Мечетной, как господин полковник Иловайской за злодейскою толпою погнал, в тот час и я с казаками, а за мною и помянутыя полковники, со всяким по долгу усердием и ревностию, в подкрепление успехом, гнали; коя толпа, по дастижению при Волге, ниже Царицына разбив забрата числом более ста человек и представлена в Царицын к господину полковнику и коменданту Цыплетеву.

По разбитии ж известнаго государственнаго злодея и тирана Пугачева с ево сволочью преследовавшим за ним господином полковником Михелсоном, 27, в силу ордера имянованного господина полковника и каменданта Цыплетева, за взятьем у меня ис команды по войсковому повелению вышеобъявленным господином полковником Иловайским самих лутчих и доброконных казаков четырех сот петидесят человек, которой от Царицына за Волгу пошел, я со оставшими служилыми, отставными неспособными казаками, также и малолетными выростками и с полковниками Яновым, Вуколовым и Кулбаковым пошел обратно на свои, определенные от войска Донскаго, места для закрытия Хоперских, Медведицких и Бузулуцких жилишь и для ж поисков находившейся в верхах рек Хопра и Вороны злодейской, в двухтысячах, толпы. И, прибыв на верхи Бузулука, отправил в слободы: Красавку, Тростянку [sic], и Мелик разъездную партию, которая сего сентября 9-го в слободе Красавке из бывших во оной шеснадцати злодеев, за побегом десяти, поймав, представила ко мне шесть человек. Чрез которых уверился я, что называющей злодейской полковник Иван Михайлов Каменской, с набранными злодеями более тысячи человек и пять самых малых пушачек, намерен был итти, по их объявлению, с села Тростянки на село Кросавку; с села же Аркадаку посланы оне в селы Пещанку и Трех-Островы для набору людей и заготовления провианту и фуража от него вперед. Почему я, отправя тех злодеев пойманных за караулом Хоперской крепости к господину бригадиру и коменданту Аршеневскому, пошел с командою для поиску той злодейской толпы на слободы Красавку и Трех-Островянскую, а со оной, по известиям, Пензенскаго уезду на Баландинской городок. Где я того злодейскаго полковника Каменскаго с толпою, нагнав, 12-го сего сентебря на разсвете, призвав всевыщшаго бога в помощь, команды моей с полковником Вуколовым и казаками и с преследовавшими за сими злодеями господами полковником же Лащилиным и Чугуевскаго казацкого полку порутчиком Пасмуровым, у коего было в команде: казаков Чугуевских—не более пятидесят, новокрепских(?)—тритцети человек, в прах всю разбил; и более трех сот злодеев в смерть побито, а в плен взято более ж ста человек разного звания, которые отправлены в значущею ж крепость Новохоперскую [го]сподину бригадиру Аршеневскому. Да, сверх того,

отбил у злодеев шесть малых пушак, ис коих три чугинные [sic), а три медные, кои показанным зладеем взяты Пензенскаго уезду в селе Свищевки у помещика Басалова; тож не малое число ружей и дротиков отбито и один барабан. Бывшей же в той зладейской толпе злодейской предводитель, называющей полковник Каменской, житель города Астрогожска, бросясь в речку Баланду, утопился, которой 13-го числа из той речки посланными от меня казаками по глубокости привалокою вытащен и всеми пленными злодеями, также и того городка обывателями, признан. Прочие ж злодеи поразбежались по лесам, но и там казаками ловлены, а другие потанули в предреченной речки Боланде. Пленные уверили, что той толпы было тогда всем числом до семи сот, а прочие ж до сего разбития от толпы поразбежались. И ныне уже по здешним местам, по разбитии сей, иных толпов нет.

По сем благополучии, произшедшим разбитием злодеев отдав всевышщему богу благодарение за его излиянные щедроты, ис того городка Баландинскаго помаршировал я к верхам рек, Хопра, на селы: Алшанку, Колека(?), Голицыно и Ключи, и, дошед до онаго, посылал полковника Вуколова с командою за Хопер до села Макарова; но нигде злодейских толпов не нашол и слухов об них уже не получил. И в тех местах пред приходом моим находился господин полковник Бибиков с пехотою, гусарами и казаками, кои и помаршировал вверх по Хопру к Пензи. Я ж, при следовании трактом, поймал разбежавшихся от разбития мною вышеписанной толпы злодеев более пятидесят человек, которых также имею отправить по способности в Хоперскую крепость.

Из села ж Ключей пришед, я, сего числа в село Аркадак, где известился, что выше высокопревосходителство изволите обретатца с корпусом в городе Саратове, то потому и я вашему высокопревосходителству о себе с командою и о всем вышеписанном произшествии за должное нахожу донести и покорнейше проше о сем и его графскому сиятелству, главкомандующему, господину генерал-аншефу и разных ординов ковалеру графу Петру Ивановичу Панину представить. Я ж отсюды с командою имею следовать, за худостию и крайнейшею устолью казачьих лошадей на селы от Хопра: Мелик, Пещанку, Трех-Острова и Елань, которая лежит к рекам Бузулуку и Медведицы и остановитца во оных навремянно.

Абросим Луковкин

18 сентября 1774 году,
(„Пугачевщина", том III, стр. 75—78)

РАПОРТ МИХЕЛЬСОНА гр. П. ПАНИНУ от 22 АВГУСТА

Вверху надпись: „Получен 29 августа 1774 года".

Рапортом моим от 19-го вашему сиятельству имел честь доносить о полученных дурных известиях первой легкой полевой команды. Сия несчастная выкомандировка сделала не только

что вся сия команда с их маиором Дицом без остатку погибла, артилерия попалась в злодейские руки, но и город Царицын, ежели б я не поспел, был в крайнейшей опасности, а легкомысленные Калмыки, называемые Дербетевские, все передались к злодею, числом 3000 человек, равномерно ж не малое число Донских казаков, Дундуковские же Калмыки с их князем убежали. Злодей, будучи ободрен своим счастием, пошел в Дубовку, забравши и там до двухсот человек казаков; вчерашняго числа по полудни подступил к Царицыну, где было набрано с линии и Дону не малое число Донских казаков, из коих некоторые делали долг свой, а многие передались в злодейскую толпу; однако храбростию здешняго коменданта г. полковника Цыплетева от городу был удержан с уроном. Я, между тем, не уважая сил злодейских, изнуренную мою по большей части от недостатка корму конницу, следуя повелениям вашего сиятельства, употреблял всевозможные силы к достижению варваров; вчерашнего числа поутру прибыл в Дубовку, где имел удачу схватить человек до 40 злодейской толпы казаков, а сего числа поутру надеялся застать и всю толпу под Царицыном; однако сии варвары, как скоро узнали о моем приближении, не дождав меня, оставя свое намерение атаковать Царицын с слабейшей стороны от берегу Волги, с крайним поспешением пошли вниз по Волге. Сим случаем не оставил пользоваться здешний г. комендант и доброжелательные старшины с их казаками, которые, напав на злодейския оставшия партии, и обоз оных отбили и пленили. Я, не будучи в состоянии сего числа далее итти, остановился, и набрав себе всех найденных здесь Донскаго войска старшин и казаков, о коих представляю рапорт при имянном списке о старшинах, — с полуночи оставя своих больных в Царицыне, пойду в след изменников; равномерно ж я взял к себе посланнаго сюда корпуса г. генерал-маиора князя Багратиона, Московскаго легиона ротмистра Савельева с 96 Малороссийскими казаками, а он г. генерал-маиор князь Багратион с Московским карабинерным полком и 300-ми Малороссийскими казаками, три дня тому назад, находился позади реки Дону, чрез которую уже и были переправлены два эскадрона разстоянием отселе в 80-ти верстах. Я к нему представил, не соблаговолит ли держаться к реке Дону; а о Пугачеве считаю, что наверное, ежели не пойдет за Волгу, побежит Некрасовским путем; слышно и то, что имеет намерение итти к Астрахани и отталь бежать на судах; я не оставлю, пока сил и возможностей моих будет, онаго достигать и тем сделаться достойным милости вашего сиятельства. Теперь у меня происходит драка на Волге, на которой находится два судна с деньгами, и 400 злодеев с двумя пушками; ежели мне ночь не помешает, то надеюсь оных поймать, о чем вашему сиятельству покорнейше доношу.

Полковник Иван Михельсон.

Августа 22 дня 1774 года. В лагере под Царицыном.

(Материалы для истории Пугачевского бунта Я. К. Грота. Приложение к XXV тому Записок имп. Академии Наук, № 4, стр. 24—25)

ДОНЕСЕНИЕ ЦЫПЛЕТЕВА ИМПЕРАТРИЦЕ ОТ 25 АВГУСТА

Всемилостивейшей державнейшей Великой Государыне Императрице Екатерине Алексеевне, Самодержице Всероссийской Государыне Всемилостивейшей

От полковника и царицынскаго коменданта Цыплетева Всеподданнейшее подношение

Разливающееся злодейство от изверга, государственнаго возмутителя Пугачева узнав июля в 27 день, что уже есть в Казане, а потом 3 августа о переходе чрез Волгу, тот же день начал производить свои переписки к войскам Вашего Императорского Величества, дабы оному чудовищу, государственному злодею учинить отражение: писал на Дон в станицы и в их войсковую канцелярию, к находящемуся при закрытии с кубанской стороны донских границ г. генерал-маиору князю Багратиону, а здешнюю сторону полковнику князю Дундукову, у котораго его Калмыки с полком Донских казаков в собрании были, к Астраханскому г. губернатору о наряде других калмыцких владельцов, и видя, что Донские казаки начали сбирать свои силы, г. Багратион оборотил деташамент свой к Царицыну. Умножил я переписки к ним; давая знать где злодейство происходит, требуя от них споспешествования за отечество.

А между тем распорядя укрепление крепости и для очищения берега над близкими к стенам дифилеями назнача батареи с полисадником и рогатками, а притом узнав злодейский ход и водою, то и на судах четыре орудия поставил. Началась поспешная работа и во всем укреплении, заботясь недостаточную команду разделить, дабы все места обнять можно, употребя на помощь вооруженных купечество и обывателей, притом чтоб и работа с успехом кончилась, уговаривая дабы все бодрствовали, но примечать начал противное, что приписные к городу живущие по разным селениям от работ отказались; слух носился о их намерении передаться к злодею, да и в городе уведано, кто усердствует, а кто толкует развратное: то дабы в сем неистовстве не постигло зло, принялся за способы: первое, в приказе отдал до получения известия что с Турком мир заключен, но оные оказали себя невероятными; а как получил от г. Багратиона подлинное о мире, тотчас в церкви публиковано в команды, и к Донским полковникам, чтоб ободряли людей своих разослано; с царицынской линии, как она против сего малолюдна, забрав в крепость артиллерию и Донских казаков, дабы их злодей к себе не получил, а притом удобнее вводить и в них единомыслие, сие первое несколько помогло, но маиор Гревс поймал идущаго бомбандира (sic), который проговаривал о работах, что производятся напрасно и все оное не поможет, называя злодея отцом: как он придет, то все к нему пойдут и служить может все укрепление во вред командирам; принуждено взяв его под караул прочим прибавить ласки, обещевая (опасаясь, по

примеру саратовских солдат и артилеристов, что изменили) высочайшим Вашего Императорскаго Величества именем милость и награждение деньгами, состояние их поправить, притом уговаривал и увещевал, дав наставления баталионным командирам, дабы с ротными командиры и прочими офицеры солдат увещевали ж, которое и продолжилось, выведя зарань порядочно к стенам в лагерь, где и были солдаты, и от них начальники денно и нощно неотлучны: толковано им о злодее подробно, что изменник и разбойник, только делает смертныя убивствы и разорении, а притом командиры ласкали и довольствовали из своего кошту, как-то и маиор Тимашев содержал за неделю на довольствии до 70 человек, а воеводский товарищ маиор Фатьянов с своей стороны для обывателей простирал подобные увещания, ночуя на батарее неотступно к их одобрению, чем приведены и стали в единодушии.

Но как злодей был при разорении Петровска, потом в Саратове подтверждая в войски, мои требовали дабы шли как наискорее Багратиону с Дундуковым навстречу, а Донским с их тракту на злодея в бок, из которых князь Дундуков, имея уже от г. губернатора наставление, пришел с Калмыками, с Донским полком ранее; у него было более 3000 человек, а потому первая легкая полевая команда с ним от г. губернатора отряжена, и пошли как уже злодей был в Дмитриевске, что на Камышенке, чтоб придерживать его движение, идучи Волжским войском оное сохранить, но оказалось в войске от большой части измена, занял он Антиповскую и Караваинскую и знать не дали, а как Балыклеевскую станицу надлежало нашим отрядным от деташамента занять, то их от станицы отбили живущие тут казаки из пушек, и злодейскую партию при них встретили и ввели в станицу, из которой отряд схватил Яицкаго казака Ивана Тулина и допрашивал его маиор Куткин накрепко, который всенародно признавал самозванца ложным, что он Донской казак, и они ведая чинят для прельщения народа об нем уверение, будто государь, да и сам он, Емелька, просит их Яицких, чтоб ему в сей мечте помогали, то он Куткин в казачьем кругу перед Донскими Кутейникова полку казаками велел ему все заблуждение изъяснить, который таким же образом с клятвою казаков уверил, так сей благоразумный Куткина поступок оказал действие, что здесь стали признавать злодея самозванцем и с Дону по известию от возвратившихся казаков, на него тронулись с охотою. Уничтожили пронырства и письменныя его вора приласкания; но как к той Балыклеевской станице злодей близко усмотрен, в то время князь Дундуков отошел в способное место ночевать при речке Пролейке, а поутру часу в 9-м, 16 августа он, Дундуков, и атакован превеликим фронтом, тысяч до шести разной сволочи, большая половина черни. Началось сражение чрез наших казаков под предводительством маиора Куткина и Донскаго полковника Федора Кутейникова, который отлично поступал, и с ними царицынского гарнизона поручик Иван Климов, совокупясь с драгунскою командою при поручи-

ке Денисьеве, меньше 400 человек, напали на злодеев и более 2000 крыло отбили, истребя до 400 человек до смерти, но по усиливанию множества их хотя и три раза сбивали и в последнее прогнали даже за пушки, так что брать их злодейские батареи следовало, но притом Калмыцкое войско, устрашась пушечных выстрелов, все побежали и нигде не останавливались, и так свободное злодейское крыло обошед полевую команду их, казаков, начали одних всеми силами окружать и от полевой команды совсем отрезали и преодолели, то они и принуждены ретироваться, окружены будучи злодеями, не могши примкнуть к полевой команде, которая на месте и взята в плен; полевой командир и офицеры поколоты, а нижних чинов и одного больнаго прапорщика Лаптева соблюли; князь Дундуков, собирая Калмык, еще остановился и стоял в ожидании войск, и по причине нападения на их улусы Дербетевых Калмык, принужден возвратиться для защищения себя от оных соседних злодеев.

После сего в Дубовке, где Волжскаго войска правление, принуждены увидя у себя внутренних изменников войсковой атаман Василий Персицков с старшиною и несколькими казаками уходить в Царицын, где и находятся, а без них злодею встреча была с церковною церемониею, с образами и с звоном и с войсковыми знаменами; главные при встрече Волжские старшины, депутат Венеровской да Поляков, и депутат Астраханских казаков сотник Василий Горской; сей присоединился в толпу, а Венеровской, учиня присягу, предоставлен начальником над войском.

Взятый в плен легкой полевой команды прапорщик Лаптев и команда около Царицына начали сыскивая способ уходить, и явилось унтер-офицеров драгун, солдат и егерей до 200 человек, о чем Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше доношу, повергая в высочайшую матернюю милость и благоволение оказавших в вышеписанное сражение искуство, маиора Куткина, а особливо храбраго и мужественнаго Донскаго войска полковника Федора Кутейникова.

Вашего Императорскаго Величества Всемилостивейшей Государыни

Всеподаннейший и нижайший раб полковник и Царицынский комендант Иоан Цыплетев.

25 августа 1774 года.

Царицын.

(Материалы для истории Пугачевского бунта Я. К. Грота Приложение к XXV тому Записок имп. Академии Наук, № 4, стр 33—37)

РАПОРТ МИХЕЛЬСОНА ГР. П. ПАНИНУ ОТ 25 АВГУСТА

Повеление вашего сиятельства отчасти помощию божиею имел счастие исполнить, злодея Пугачева сего числа на разсвете атаковал и с небольшим уроном с нашей стороны, о коем за невозвратом всех команд точно донести не могу, совершенно разбил; все пушки, числом 19, единорогов 4, мортир пудовую 1 и весь обоз отнял; на месте побитых более 2000, живых взято тысяч шесть, в числе коих вся Саратовская и оставшая легкой полевой команды. Обо всех прочих обстоятельствах отправленный с сим маиор Дуве, коего осмеливаюсь как храбраго штаб-офицера препоручить в милость вашего сиятельства, словесно донести может; злодей с малым числом бежит; вся моя конница онаго преследует, о чем вашему сиятельству покорнейше донеся, не замедлю представить обстоятельный рапорт.

Полковник Иван Михельсон.

Августа 25 дня 1774 года.
В степи во сте верстах от Царицына.

(Материалы для истории Пугачевского бунта Я. К. Грота. Приложение к XXV тому Записок имп. Академии. Наук, № 4, стр. 26).

РАПОРТ МИХЕЛЬСОНА ГР. ПАНИНУ ОТ 29 АВГУСТА.

По отправлении моих пленных злодейской толпы, 24-го числа продолжая марш мой, по полудни в 5-м часу получил рапорт от своей передовой команды, что показывается злодейская партия от меня верстах в 10, которая, как видно, умножается. Я приказал моим передовым, ежели способно будет, на оную ударить, а сам поспешал в подкрепление оным. Отошед верст 5, меня вторично рапортовали, что сия партия человеках в 1000 остановилась за буераком, позади коего великая пыль; с полчаса спустя стали показываться великие огни, из чего я довольно мог заключить, что там вся злодейская толпа, и взял намерение на рассвете оную остановить, а чтоб злодеи о моем прибытии или месте, где я остановился, не могли узнать, запретил раскладывать огни. Злодеи, между тем узнав о преследовании их, еще с вечера построились к бою и ожидали меня, имев и то намерение ночью на меня сделать нападение; однако, не знав места моего расположения, сие оставили. Разстояние мое от злодейской толпы хотя и не было более 6 или 7 верст, однако, будучи принужденным обходить великий буерак неподалеку злодейскаго места, который меня мог привести в разстройку, я поднялся с полуночи и на самой заре стал на пушечный выстрел противу злодейской толпы, ожидающей меня во всякой готовности. Я, приметя намерение варваров, надеющихся на свое многолюдство меня окружить, разделился на три колонны; укрепя

фланговые колонны своею конницею, приказал маиорам Харину и графу Меллину ударить на злодейской левой фланг, а сам пошел на средину, имев с собою 100 человек конницы. Первые три выстрела были сделаны с нашей стороны, на которые нам отвечено было со всех пушек, бывших у злодея. Я между тем приближался к злодейской толпе, не дав им времени долго думать; по продолжении огня не более получаса, как скоро мои боковые колонны поравнялись против их флангов, со всею кавалериею ударился на варварскую толпу. Злодеи, сколько не усиливались и старались удерживаться при своих пушках, коих по всем местам имели, однако помощию божиею были опрокинуты в бег; пешие ж между тем злодеи еще и тут старались нам вредить из пушек, в числе коих себя отличила Саратовская артилерийская команда; однако храбростию и расторопностию гг. пехотных штаб-офицеров, полковника Муфеля и маиора графа Меллина, коим я при сем случае должен отдать справедливость, подоспев тот же час с своею пехотою, принудили их к сдаче. Злодей Пугачев между тем неоднократно с своими конными сколь ни старался останавливаясь усиливаться, однако всякий раз был опрокинут и напоследок прогнат позади его обозу, где рассыпался во все стороны; более 2000 человек кинулись в буераки и займищи возле Волги, куда мною тот же час отряжен был маиор граф Меллин с его колонною, а злодей человеках в 1000 побежал нагорною стороною, коего преследовала вся моя конница с маиором Хариным; бывшие же в злодейской толпе Калмыки, при начале сражения потеряв несколько человек, ударились в степь. Злодей Пугачев, отскакав верст до 40, вновь остановился противу преследующих его; но видя свои неуспехи, отскакал еще до 40 верст, не имев у себя более двух сот человек, ударился на Волгу, где, нашед лодок с 5, кинувшись на оныя с своими ближними, стал переправляться; прочие ударились вплавь, и по большей части, будучи окружены богатством, все перетонули, а сам варвар человеках в 30 имел счастие попасть на остров, с коего уже пошел вплавь чрез Волгу на другую сторону берега.

Маиор Харин, не имея никаких лодок, и утомленные кони не позволили ему за ним броситься в реку; бывшие на здешней стороне по их упорству злодеи поколоты, человек с полтораста, разбежавшие в том месте по островам и по берегу, взяты живые и отправлены в Черный Яр, и получена совершенная победа над злодеями, коих на месте сражения, в догонку и в лесу над Волгою побито и потоплено до 2000 человек или более, в числе коих 4 из первых злодейских сообщников; живых взято более 6000, в числе коих и двое маленьких девок Пугачевы дочери, мать же их с лучшим богатством, несколько часов перед сраженьем будучи отправлена вперед, скрылась или успела ускакать; орудиев взято 24, в том числе мортира пудовая 1, единоротов 4, ящиков и сундуков с снарядами и без снарядов 22; с нашей стороны убитых 24-й легкой полевой команды прапорщик Федор Небольсин, разных команд унтер-офицеров и рядовых 15,

ранено казацкаго полуэскадрона прапорщик Зверинской, прочих команд нижних чинов 73 человека, лошадей убитых 39, раненых 40, а каких полков и команд и какая утрачена амуниция, при сем представляю ведомость. При сем же случае я имел приятнейшее удовольствие освободить из рук варварских 41 человек, несчастливых дворянских девиц 14.

Полковник Иван Михельсон.

Августа 29 дня 1774 года.

В степи в 25 верстах от Чернаго Яру.

(Материалы для истории Пугачевского бунта Я. К. Грота Приложении к XXV тому Записок имп. Академии Наук, № 4, стр. 26-33).

РАПОРТ МАНСУРОВА гр. ПАНИНУ от 29 августа

Вверху надпись: „Получен сентября 5 дня 1774 году".

При отправлении с деташаментом моим от 16 августа от г. генерал-маиора и кавалера князя Голицына из стороны Сызрана перешел я до Царицына 650 верст в 13 дней, и на марше моем истреблено, поймано и разсеяно злодейских шаек в разных местах до 2000 человек. Как же скоро уведомился я, что корпуса моего г. Полковник Михельсон разбил злодея, тотчас переправил я в луговую сторону 100 яицких казаков для примечания оборотов злодея и поимки бегущих от разбитой толпы, также и от здешняго храброго коменданта г. полковника Цыплетева. До прибытия моего в ту ж сторону через Волгу переправлен Донской полковник Иловайской с его полком, от котораго, как скоро вступил я при Царицыне в лагерь, получен рапорт, что пойман им мальчик, который объявил, что он из шайки, состоящей во сте человеках, где будто и сам варвар Пугачев 28-го числа над вечер, быв сия шайка в одном новом селении, называемом Заплавном, для взятья хлеба от Царицына прямо в луговой стороне верстах в сорока пошел в степь, склоняя побег свой по видимому к Камыш—Самаре или к Узеням, и потому тотчас отрядил я маиора, яицкаго старшину Бородина еще со ста человек яицких же казаков и приказал ему, взяв прежде отправленных 100, соединясь с полковником Иловайским, взять или поразить сего злодея.

Павел Мансуров.

Лагерь при городе Царицыне.

Августа 29 дня 1774 года

(Материалы для истории Пугачевского бунта Я. К. Грота.

Приложение к XXV тому записок имп. Академии Наук, № 4, стр. 39).

РАПОРТ ГОЛИЦЫНА

Его сиятельству...[1] графу Петру Ивановичу Панину, от генерала-маиора и кавалера князя Голицына.

Репорт

Получа, я, сей момент от передовых корпусов известии, спешу вашему сиятельству донести, что самозванец и варвар Пугачев покушался схватить Царицын, но храбрым и достойным тамошним комендантом с большим уроном отбит. Содержание же оных, полученных мною, известий есть следующее:

Господин генерал—майор Мансуров, поспешая к соединению с преследующими злодея деташементами, присланным ко мне репортом из Камышенки от 25 сего августа уведомляет, что он немедленно оттуда выступит в дальнейшей путь, сколько дозволит возможность изнуренных людей и лошадей, не имея переменных обывательских подвод, которыя без остатку варваром захвачены, а при всем том, однако ж, надеется 28 числа до Царицына достигнуть.

Чрез посредство сего генерала-маиора доставлен во мне репорт и от полковника Михельсона, отправленной от 22 сего ж августа из Царицына, которым он доносит, что по случаю приближения к тамошней стороне нечестиваго самозванца с его сонмищем, отряженная из Царицына для возпрепятствования ему первая лехкая полевая команда с маиором Дицом вся без остатку погибла и артилерия досталась в злодейския руки. А хотя об сей команде и не изъяснено, сколь далеко от города оная была выслана, но по партикулярным, ко мне дошедшим, сведениям должен я полагать, что по неосторожности командира находилась уже по сю сторону Дубовки.

Лехкомысленныя Дербетевы калмыки, числом три тысячи человек и немалое число донских казаков предались к варвару, которой, будучи сим ободрен, устремился к Дубовке, захватя там до двухсот человек. 21 числа подступил к Царицыну, где было предварительно собрано с линии и Дону немалое число тамошних казаков, из коих некоторые должность свою исправляли порядочно, а многия прилепились к изменнической толпе. Но при всем том храбростью коменданта, полковника Цыплетева, в город не допущен, а отогнан с великим уроном. Как, между тем, и полковник Михельсон, чтоб подать с своей стороны, помощ тамошнему достохвальному гарнизону, со всею твердостию оборонявшемуся, приумножил в марше своем поспешности и, не уважая злодейской многочисленной силы, всю возможность употреблял с изнуренною своею, по большой части — от недостатку корму, конницею к достижению варваров, прибыв означенного 21 числа в Дубовку, где имел удачу схватить человек до сорока оставших из злодейской толпы казаков; а 22 числа надеялся застать и всю оную толпу под

---

[1] Опускаются детали титула

Царицыным. Однако, варвары, коль скоро о его приближении уведомились, оставя свое намерение более атаковать город с крайним поспешением бросились въниз по Волге. Сим случаем не оставил возпользоваться помянутой комендант и доброжелательныя старшины с их казаками, которые, напав на злодейския оставшия партии и обозы оных пленили. Полковник же Михельсон, не будучи в состоянии сего числа далее итти, остановился в Царицыне и, набрав к себе всех найденных там Донскаго войска старшин и казаков, а больных своих оставя в оном городе, положил выступить оттуда в ночь на 23 число въслед за злодеями, взяв притом к себе ж присланного туда из корпуса господина генерала-маиора князя Багратиона Московского легиона ротмистра Савельева с девяносто шестью малороссийскими казаками. А оной генерал маиор с Ростовским карабинерным полком и тремястами малороссийскими ж казаками за три дни перед тем находился позади реки Дона, чрез которую уже и были переправлены два эскадрона, разстоянием от Царицына осмидесяти верстах.

Что же касается до означенного стремления от сего города самозванца Пугачева, то помянутой полковник Михельсон разсуждает, что если он не переправится через Волгу в таком случае предприимет свое бегство Некрасовским путем. А слышно и то, что имеет намерение итти к Астрахани и оттуда бежать на судах. Но он, Михельсон, не оставит сколько силы и возможности будет, его достигать, упражняясь между тем, в драке на Волне с двумя судами, на которых четыреста злодеев с двумя пушками и с похищенною ими казною, коих и надеется поймать.

Я, покорнейше вашему сиятельству о сем донеся, не оставлю немедленно изтребовать от царицынскаго коменданта обстоятельнейшаго о всем, бывшем там с злодейями, произшествии известия, по получении которого не премину оное и к вашему сиятельству по свое время доставить.

А, между тем, имею честь уведомить, что, по полученному мною от господина генерала-маиора Мансурова сведению в городе Камышенке злодеями несколько обывательских домов разорено, крепость с осмнадцатью чугунными пушками осталась цела, пороху до семидесяти пуд захвачено; а денежная казна, до двадцати тысячь рублев, и магазин, в котором находилось до тысячи кулей хлеба, разграблены обывателями и дворцовой Золотовской волости крестьянами. Сколько же при сем нещастном произшествии варварами побито разных чинов людей, и сколько ж прилепилось к изменнической их толпе, об оном для известия вашего сиятельства представляется присем копия с поданного помянутому генералу-маиору от порутчика Волкова репорта.

Равным образом, имею честь вашему сиятельству донести и о том, что первые мои по настоящим новым оборотам дел положении были, чтобы господину генералу-маиору Мансурову предложить о поспешном следовании во все те места, куда бегство тирана простираться будет, уведомя при том сего гене-

рала-маиора и о принятии такой предосторожности, что, как теперь злодей уклоняется в'низ по реке Волге степными местами, то бы не оставил он приложить своего старания к доставлению войскам в пути пропитания; а на первой случай найти он может в Царицынском магазине, из котораго, нагрузя на суда, и отправить по Волге.

Здесь дерзость и буйность прастаго народа до самого вышняго градуса превзошла, и я, по генеральному возмущению черни, непрестанные получаю уведомлении о продолжаемых оною в окружностях Пензы, Синбирска и Корсуна, а также и по другим местам злодействах, для пресечения которых отправлены от меня в разныя стороны деташементы, о успехах коих с часу на час и ожидаю известий. А равномерно и в другом краю разбои и грабительства киргис-кайсацкие день от дня умножаются и становится важнее, простираясь пролазы их уже внутрь Оренбургской губернии, — о чем ежедневно доходят ко мне сведении, как из Казани и Оренбурга, так и от других тамошних начальников, — поступая, оныя варвары, на такую предприимчивость наипаче потому, что на Самарской и Нижней Яицкой линиях совсем войск нет, которыя бы могли им какую преграду зделать.

Повелений от вашего сиятельства я в получении более не имею кроме, что от 14 сего августа. И, хотя надеюсь, что присудствие ваше должно быть уже в Щацке, но как коммуникация от бунтующей черни пресечена, то и не оставил я предложить подполковнику Бедряге, чтобы он, начиная свои обороты теперь от самой Пензы, укрощал возмутителей и доставил бы в немедленном времяни чрез свои лехкия партии безопасной проезд к пределам Щацкой провинции.

Генераль-майор князь Петр Голицын.

(Центархив, „Пугачевщина" том 3, стр. 304—307).

РАПОРТ Н. ШЕТНЕВА.

Сиятельнейшему графу...[1]

Петру Ивановичу Панину

Рапорт.

...Я не могу оставить отдать достойную похвалу за оказанную ревность к службе ея и. в. и Донскаго войска, прибывшим ко мне в Царицыне, начальникам: во-первых, линейному походному атаману Василью Перфилову и полковнику Варламу Денисову, как и протчим полковникам — Михайле и Карпу Денисовым, Василию Майкову, Григорью Паздееву, Василью Грекову и есаулу Петру Фомину, которой, не имев у себя более

[1] Опускаются детали титула.

пяти человек верных людей, с протчими злодеями в Саратове не сообщался и, потеряв все, от них укрывался; а как скоро я в Саратов прибыл, ко мне явился и со мной не только пошел, но и оказывал при сражении отменное мужество. В чем себя отличили и Волскаго войска старшина Осип Терской, как и Донскаго войска есауллы [sic]: Тихан и Александр Денисовы; Донскаго войска полковник Попов, хотя и не поспел к сражению, аднако, давольна показал свое усердие к службе ея и. в.: получа на Дону мое сообщение, собрав пятьдесят человек, со оными скакал часов с тритцать около ста тритцети верст, — подоспел разсыпанных зладеев догонять.

Служащих со мною столь долгое время с отменным усердием старшин: во-первых, башкирскаго — Валишу Шарыпова и мещеряцкого — Мендена Муслюмова равномерно ж препоручаю и милость вашего сиятельства...

Я ж, в разсуждении того, что по здешним пустым местам и тех войск, кои здесь находятся и остаются, достаточно быть может, возвращаюсь к Царицыну, для примечания тамошней околичности. И не допущу колебатца Дону и Дербетевским калмыкам, о коих, где ныне с их князем Ценденом находятца, точнаго сведения не имею, а думаю, что еще околу Дону, где делали, по объявлению мне от старшин, великия грабительства.

Высокородный и превосходительный господин генерал-майор и ковалер! Милостивой государь мой!

Сего числа в 9-м часу пополуночи получил я от Хоперского каменданата брегадира Аршеневского, одно за одним, два репорта, которыми, по доставленным к нему войска Донскаго от походного есаула Озерина и от полковника Себрякова известиям, уведомляет: 1-ое, что государьственного изменника Пугачова талпа, до тысечи пятисот человек, идет вниз по реке Медведице и в верховье оной Березовскую станицу заняла, и что выступившие против ее донския, в числе четырехсот казаки противитца не могли и отступили. 2-е, против самого ево, изменника, калмыки, не выдержав и первого огня, разбежались, а князь Дундуков с нескольким числом калмык прибежал в Царицын; и что изменник заступил в Дубовку и идет к Царицыну. Во многих же войска Донскаго станицах толпу ево, зладея, стречают не только с хлебом и солью, но и знаменами.

А посему он, Аршеневской, сумневается, что и на Хоперскую крепость стремления своего не оставит, и, как он малолюден, просит споможения. Сие самое требует поспешного вашего превосходителства з деташаментом прибытия к Танбову, отъкуда Хоперская крепость и другия здешния места, требующия споможения и защиты, не в далном разстоянии; также способ будет и ко отражению зладея от внутренности войска Донскаго. К приведению ж черни к спокойствию и должному повиновению доволно оставить один эскодрон, которой может соединитца с отправленным от меня Сибирского караби-

нерного полку маиором Калычовым, находящимся теперь в Керенском или Верхоламовском уездах,—на сие имею ожидать я от вашего превосходителства непродолъжителного уведомления.

Пребывая с истинным почтением, вашего превосходителства, милостивого государя моего, покорный слуга

Н. Шетнев.

Августа 22-го дня 1774 году. Воронеж.

(Центрархив, „Пугачевщина" том II, стр. 237—238.)

ИЗ ЗАПИСКИ КАПИТАНА СВЕРБЕЕВА О ВЗЯТИИ САРАТОВА [1].

... Медленность и нерешимость начальников обещала дурные плоды тем, кои усердно себя готовили на отражение злодейских сил, однакож при всем оном неустройствии, не потеряв храбрости и не изменя усердию еще бодрствовали духом и усильно просили, чтоб на чем нибудь основаться и дать знать, кто начальствовать будет войсками. В сем настоял больше господин порутчик гвардии Державин, и 29-го учрежден был воинской совет, куда допущены все штаб и обер афицеры и положили обще, несмотря на упорство каменданта, и окончать начатой вне города близ казенных магазейн ретрашамент, определя на защищение оного пристойную команду и избрав командира, снабдя городскими пушками; протчим же войскам по приближении злодея к городу итьти на встречу и атаковать, где позволит место. Купцы вторично обязались с своей стороны помогать работникам до 1000 человек, в то же время и присудственной каморе господин Лодыженской, как командир, уже по общему приговору требовал от каменданта репорта о числе ево подкомандующих и кем начать распоряжения. 30-го числа работники к ретрашаменту из города до 1000 человек присланы были и тот день упражнялись в работе. 1-е августа паки работники не бывали, а купцы объявили, что обывателям запрещено от полиции итти на работу, почему полицемейстер и был в присудствие призван и спрашиван, подлинноль им запрещение было зделано, на что он признался, что действительно по приказанию господина каменданта, дн десяцким велел объявить только пахотным салдатам бобылям и цеховым, что камендант наряжать не велел, а оставляет каждому на волю, кто хочет, тот пускай и работает, а принуждения нет. Сей день кончился без пользы и для того господин Лодыженской послал меня к коменданту спросить, для чего он делает такой разврат между городскими жителями, а притом, чтоб и сам был к статскому советнику Лодыженскому, куда явясь ответствовал, что в делании ретрашамента он несогласен и для того он сего учинить не позволяет и не запрещает. 3-е и 4-е числа были работники

[1]. Без даты, повидимому 1774 г.



Пугачев в клетке. С гравюры неизвестного художника по рисунку Петерсена.

только весма немного. Объясняя следствия, каковы происходили в Саратове по 4-е число августа, донести я должен, что и прежде того, не имев точного сведения о злодейской толпе, 28 июля господин Лодыженской посылал офицера своего в Пензу разведать, а ежели будет можно, то и далее, которой 29 возвратясь, уведомил, что по прибытии в Пензу тамошних начальников никово уже не застал, а нашол одного регистратора, которого и спросил, нет ли какова слуха о злодее, которой ему и представил посыланных из города двух человек, купца и пахотного салдата, чрез которых посланной офицер узнал, что злодей находится в селе Безсоновке, состоящем в 12 верстах от города. А о предприятиях его ничаго не известно. Уведав сие господин Лодыженской дал указ команды своей ассесору Пайкулю, что он будучи поблизости к Пензе, определил в пристойных местах из имеющихся в команде своей казаков разъезд, и почасту о движениях злодейских репортовал. Сия диспозиция какой успех имела, о том не будучи я известен вашему сиятельству ничего донести не могу. Теперь возвращаюсь описывать последние произшествия, остановясь на 4-м числе августа. Сей день господин порутчик Державин, получа от Петровского воеводы Зимнинскова, что городские жители взбунтовались, прибили его офицера и его держат под караулом, желая отдать в руки Пугачеву. Чтоб наказать преступников, освободить воеводу и взять имеющиеся тамо пушки и порох, истребовав 100 казаков, отправился в Петровск, а с ним польской службы отставной маиор Гогель. Прибыв к городу, увидели на другой стороне оного толпы злодейские и для того господин Державин остановился верстах в двух, а Гогель и есаул Фамин, взяв с собою четырех человек казаков, поехали в Форштат с тем, чтоб поимать из Пугачевской толпы кого-нибудь. Чего ради внутрь города и послали 4-х казаков, а сами остановились ожидать их возвращения. Чрез несколько минут из 4-х возвратились только двое, которые уведомили, что товарищи их оставлены Пугачевым, да и всей команде злодей приказал чрез них примкнуть к себе. Неожидаемой сей случай произвел страх, однако ж, не взирая на сие, есаул приказал команде своей следовать за собою в Саратов, которая, показав ясно свою измену, требовала, чтоб и он туда ж итти согласился; и, поставя против него пики, ждали его ответа. Сей несчастливой, но весьма верной сын отечества вздумал обманом и хитростью сохранить свою жизнь, дав слово, что всюду с ними готов итти, только б отпустили примать приехавших с ним офицеров. Воспользуясь таким уговором, имел он удачу указать, с двумя при нем казаками. Державин, видет ужасное нещастие, спешил спасти так же свой живот и, приехав ночью против 5-го числа по полуночи в первом часу, сообщил Лодыженскому о измене казаков; а сего и довольно было к поколебанию всех, ибо ни от кого верности ожидать уже было не возможно, для того что между черню показался вид почти явной к возмущению, что и принудило каждого спасать жизнь свою, почему я с господином коллежским советником Жуковым

и переправился за Волгу, и тою стороной прибыли в Царицын к моему месту. Сие зделать я принужден был тем паче что еще ничего предпринятого окончать не успели... Однакож господин Лодыженской и все ево команды оставались 5-е число, а 6-го поутру, дав ордер артилерии маиору Семанжу состоять в команде у камендаиrа, которой к нему и примкнул, сам же господин Лодыженской упражнялся между тем в погружении на суда ведомства ево денежной казны и дел для отправления всего того к спасению в Царицын, которое точно и отправлено во время начатой уже от злодейской толпы кананады, а напоследок и сам он господин Лодыженской будучи от фронта отхвачен принужден был отправится в Царицын же на шлюбке. Нападение на город началось прежде тем, что стоявшей на пикете в 4-х верстах от города войска Вольскаго есаул Таранин, имея у себя в команде 70 или 80 человек казаков, увидя наглое и стремительное злодеев наступление, за нужное почел ретироватся ко фронту. Сколь скоро подкомандующим приказал он следовать за собою, то во множество голосов ответствовано ему было, что они хатят служить изменнику, при чем и бросились было ево схватить или заколоть, но он отражая удары их, заколол двух своих подкомандующих и успел к нашему фронту, котораго числом было около 400 человек регулярных [ко фронту] которой был поставлен господином комендантом за тем самым валом, которой незадолго перед нашествием зделал камендант против общего мнения. Злодей, возгордясь новым успехом, весьма смело окружил город и в те места, коих обнять было некем, вошел в город безпрепятственно и со всех сторон отаковал оной. Сие привело наших в крайнее замешательство, а в тож время и купцы отправили от себя в злодейскую толпу купца Кобякова, по котором артилерии маиор Семанж и хотел ис пушек палить, но во многие голоса купцы закричали, чтоб он сего чинить не дерзал, оказывая ему многие грубости, что он сам мне господин Семанж с прискорбием сказывал.

А как Кобяков, побыв в толпе, возвратился назад, то вручил каменданту от Пугачева пакет, сказывая, что сие есть повеление; но комендант, взяв оный с великим сердцем и не читая, в ту же минуту его изодрал в мелкие куски, а Кобякова приказал арестовать...

Капитан Николай Свербеев

(Центрархив, „Пугачевщина“ том 3, стр. 464—466).

РАПОРТ ГАЛИЦЫНА

Его сиятелству высокопревосходительному господину генералу-аншефу, сенатору и разных орденов кавалеру, графу Петру Ивановичу Панину от генерал-майора и ковалера князя Галицына

Репорт.

Последним моим репортом от 12 сего августа я имел честь вашему сиятельству донести, что зладей Пугачев овладел Сара-

товам. Первыя мои распоряжении были те, чтобы не допустить его, как в больших силах находящягося, зделать покушение во вред нашим, преследующим его, небольшим командам; почему со всех сторон и приказал приумножить поспешности в марше. А сам я, будучи с частью войск, которые при мне находятца, назади, успел в два дни зделать болея ста шестидесяти верст, дабы соединиться с господином генералом-майором Мансуровым. Равным образом и полковник Михельсон, будучи от меня предупрежден, старался скарея из Пензы подкрепить деташаменты подполковника Муфеля и секунд—майора графа Мелина. Главной в сем случае предъмет мой клонился к тому, чтобы чрез оное движение атнять у зладея все способы пробраться обратно в здешния места, но скорым бы маим поспешением застать его в Саратове и атаковать с обеих сторон, то-есть со здешней дороги и от Петровской крепости. Но варвар, о приближении моем будучи уведомлен и не мешкав нимало потом в сем городе, 10-го числа сего месяца собрал там всю сваю дружину и побежал из онаго, в числе не менее десети тысечь...[1] я для предупреждения столь распространяющагося зла предложил господину генералу-майору Мансурову, чтобы он по следам сего злодея зделал сильное последование, взяв в команду свою деташаменты полковника Михельсона, подполковника Муфеля и секунд-маиора графа Мелина и, разделя оныя для лучшей удобности на две части, отправился бы с первою сам по самым изменническим стопам, а другую под командою полковника Михельсона послал бы по реке Медведице, как для прикрытия донских станиц, так еще наиболее и для того, чтоб сим движением можно было делать примечании и на московскую сторону.

Из сего настоящих дел произшествия, ваше сиятельство, изволите усмотреть, что главное злодейство яд свой распускает между рек Дона и Волги. Я, не зная точно, в каком положении при сих обстоятельствах находиться будут нравы донских казаков, имею предварительно довольныя причины об них сумневаться, по их всегдашней привязанности к прежним обычаям и суеверствам, и потому более предполагаю, что генерально на всех их положиться нельзя, а надобно думать, что часть из них присоединится к злодею, разве не будут ли они от того предупрежаны заключенным ныне миром. Но при всех сих моих предразсуждениях не оставил я уведомить донских начальников о приближении к ним зла, утверждая их в верности, как должностию, так и званием, к соблюдению того их обязывающими; а между тем коснулся я и до того что по возстановлении с турками покоя большая часть обращена полков на пресечение сего внутренняго возмущения, как еще, сверьх того, и другие полки из Москвы следованием своим к здешним пределам предуспевают. Сверьх же сего, с отряженными войсками с господином генералом-маиром Мансуровым отправил я туда

---

[1] Опускается часть рапорта, где сообщается о движении отрядов Меллина и Муффеля.

и донского войска полковника Денисьева, которой по долговремянной его службе, будучи всегда отличным и в Прускую войну, наконец при всех на Дону замешательствах доказал непоколебимую свою верность, и не может ли он своим прибытием удержать в должном повиновении своих однородцов...[1]

Развращение в здешних делах столь велико, что я не знаю, к чему теперь мне наибольшую свою поспешность обратить.[2]

Синбирскаго и Пензенскаго уездов чернь вся заразою дышет, утверждая по своей глупости и по обольщению самозванца, что он—самой покойной государь Петр третей,—збирается в немалые скопищи, истребляет дворянство и, одним словом, делает превеличайшие раззорении и неустройство в земли...[3]

Я обязанным себя по должности моей нахожу вашему сиятельству донести, сколь нужно и надобно, чтобы для предупреждения сего зла начальники войск, из разных мест следующих, возмогли скорым своим прибытием оградить здешния места безопасностию от приумножающихся возмущений и ежечасно открывающихся новых неприятных следствий. А поелику мне известно нынешнее в здешнем зараженном краю положение дел, то я вашему сиятельству с покорностью моею и представляю, что к следованию оным войскам нахожу я с своей стороны три нужнейшия и главнейшия пункта, а имянно: 1-е чтоб обращена была часть к самым тем местам, где ныне злость самозванца пребывает, чем удобно будет и донских казаков воздержать в надлежащем повиновении. 2-е, к Яицкому городку переправить довольное количество чрезь Волгу, под Самарою или под Сызраном, и чрезь то не допустить киргис-касак далее свои грабительствы производить. И наконец 3-е, к—Синбирску и, перешед под самым оным городом чрезь Волгу, следовать прямо к называемой Новой Московской дороге, вступая на оную между Кичуевского и фелдшанца и Бугульмы; обороты же сему войску по переменяющимся абстоятельствам дел располагать в тех местах, где кагда балшая в них нужда предусмотрится: к стороне ли Оренбурга или Казани; а при таких своих движениях равномерно могут итти по востребованию надобности в средину Башъкирии, что все, однако ж, предоставляю я собственному вашего сиятельства разсмотрению.

КОПИЯ СООБЩЕНИЯ

господина полковника князя Дундукова

По отправлении последняго к вашему высокоблагородию сообщения, я, следуя к городу Дмитревску, вчерашнего числа известился, что сей город еще третьяго дня занет зладейскою партиею; а потому оставалось мне сохранить Волъжского войска

[1] Опускается часть рапорта Голицына в связи со взятием Саратова Пугачевым.

[2] Часть рапорта опускается.

[3] Опускается общая оценка К. И. Галицыным положения в Заволжьи.

селении. Но сего числа, имея марш к Балыклеевской станице, пополудни в пять часов, разстоянием от оной верст с пять, как посланныя вперед и по сторонам партии, так и я со всеми войски, усмотрели по ту сторону станицы пыль, от множества конского топоту подымающуюся; которую признав быть от зладейской толпы, отправил ко изследованию истинны нарочных, а, как от оных получил сведение, что зладеи к станице показыватца уже начали, то, желая освободить из их рук, по крайней мере, сию станицу, откомандировал к ней при порутчике Климове казаков и калмык до 400 человек. Но вместо того, чтоб их принять охотно, жители той станицы, постановя на яру, в коем примкнуто обиталище, имеющияся у них четыре пушки, начали по них палить; каковую сущую видя измену, принуждены казаки и калмыки отступить, а, между тем, зладейские толпы стали вбиратся в станицу, чего и предудержать способна не осталось, потому что наступала ночь, а лехкая полевая каманда с артилериею находилась позади верстах в петнатцати. Ближе станицы лагирь занять мне было никак не можно, ибо, хотя и есть по Балыклейке вода, однако ж, с таким топким местом, что и близ берегу подехать способу нет; а станицу атаковать, как за темнатою ночи, так и по открытности ко оной степи, опасно по той притчине, что состоит на пригорке.

Затем, не вдаваясь в сию опасность, принужден со всем войском ретироватца к речке Пролейке и, перешед на другую сторону, расположился при оной на самой проезжей дороге; разставя по всем во окружности местам, также и к станице, караулы, буду ожидать утра и, смотря по обстоятелствам, постараюсь к пресечениям зладейскаго предъприятия надлежащия принять меры; а, между тем, заблагоразсудил о сем в кратких терминах дать вашему высокоблагородию знать.

Но показанным же порутчикам Климовым захвачен от зладейской партии войска Яицкого казак Иван Тумин, которой, между протчим, на вопрос показал: Что изменник Пугачов, по переправе с луговой на нагорную реки Волги сторону выше Казани при городе Цывилске, не более, как в 400-х человеках, идет на Низ, раззоряя города и протчия жилища и противящихся ему умерщвляя, — намерение имеет пробратца к Терсу и далее в горы. Водяным путем следуют два его судна с хлебным запасом, а з денежною казною таковаго ж яко бы перенять не могли, а уплыло вниз. Войска зладейскаго, к военным действиям исправленного, состоит с лишним шесть тысячь, в том числе: яицкие, взятые из Саратова и из Дмитриевска, тамошние, и царицынские, бывшие в Дмитриевску, казаки, ставропольские калмыки и деревенские мужики, орудей дватцать семь. В бытност де их в Саратове, приезъжали к Пугачову из Дубовки два казака с ызвестием о следовании в здешние места против ево российских и калмыцких войск, коих казаков он, Тумин, после уже не видал; да назат тому четвертой день прибыл и еще с таким же уведомлением дубовской же казак, которой изяснил к тому, что все Волжское войско охотно ево, Пугачова,

ожидают; и сей де посъледней казак и доныне в зладейской талпе остался. Протчие ж станицы добровольно к нему, Пугачову, склонились.

А, понеже из находящихся теперь при мне того Волжского и Донскаго войск казаков, кроме походного полковника Кутейникова и некоторых старшин, многие в их к ея и. в. верности оказываютца сумнительны, как-то человек до десяти в сию ночь, скрывшись, передались к варварскому собранию, для чего покорно ваше высокоблагородие прошу обещанными войски меня постаратца, как наискорее, подкрепить, ибо я кроме регулярной каманды и калмык на казаков совсем надежды не палагаю, а опасаюсь, дабы в самом з зладеем действии не зделать чрез таких вероломцов интересу ея и. в. вящего предосуждения, и о сем его превосходителству господину Астраханскому губернатору прошу от себя данесть, а я за краткостию времяни особъливого рапорта написать не успел. Затем с достодолжным почтением имею честь пребыть

У подлинного подписано тако:

Вашего высокоблагородия, милостивого государя моего, покорной слуга, полковник князь Алексей Дондуков.

От 15 августа 1774 году.

(Центрархив, „Пугачевщина", том II, стр. 281—283).

ПИСЬМО П. КРЕЧЕТНИКОВА

Сиятельнейши граф, высокородный и высокопревосходителны господин генерал-аншеф и разных ординов ковалер!

Милостивый государь
Петр Ивановичь!

Сего августа 19-го дня получен мною ея и. в. указ из Государственной Военной Коллегии от 30-го июля, коим дано знать, что по имянному ея и. в. высочайшему повелению пресечение бунта и возстановление внутреннего порядка, и состоящия в Оренбургской, Казанской и Нижегородской губерниях и в здешнем краю войски поручены в главную команду вашего сиятелства, почему я о сей высочайшей доверенности весма и радуюсь. Вследствие чего, хотя о Астраханской губернии ничего в указе не упомянуто, но как в нем сказано о воисках тамошняго края, то я за должность имею вашему сиятелству с почтением моим донесть...[1]

Волское войско, три верхние станицы, поступили доброволно в злодейскую сторону; и, хотя на поражение их командирован

---

[1] Опускается часть письма П. Н. Кречетникова с сообщением о взятии Пугачевым Саратова и Камышина.

с калмыцким войском и казаками полковник князь Дондуков с приданною в подкрепление их ис Царицына легкою полевою командою и со орудиями, но токмо никакой помощи городу Дмитриевску зделать не мог; которой и встречен злодейскою толпою выше Дубовки, у Балыклеевской станицы, и тут остоновлен; а комендант полковник Меллин до приходу злодеев из города уехал в Царицын. Дондуков же, видя волских казаков, с ними сообщенных, и некоторых из своих казаков же, туда побегших, писал к Царицынскому коменданту, а сей 19 доносил ко мне, что он на находящихся в команде ево казаков совсем надежды не полагает и опасается, дабы в самом действии з злодеем не зделать чрез таких вероломцов интересу ея и. в. вящаго предосуждения, и просил скорейшаго подкрепления себе войсками. Каковыми, по неимению у меня, ничего вспоможения зделать ему не возможно: и всего здесь собрано с казачьих станиц конных казаков с полтараста человек, но и тех послать весма опасно преданности их в совокупление к злодеем, да и толикое малое число никаковой помощи учинить и поспешить туда не могут; калмык же хотя еще по приказу моему несколко сбираетца, токмо их бес подкрепления российскаго войска в командировку употребить нимало не надежно, и пехота к Царицыну ниже не успеет.

А как по прежним известиям и по ево, Царицынскаго коменданта, репортам явствует, что злодейское стремление склоняетца вниз по Волге-реке, следователно, к недопущению оного наисилнейше должно старатца: в наипервых, у Царицына и по лини их, злодеев, преследовать и искоренить, а, во-вторых, и здесь, в Астрахани, на отражение их и на защищение города и кочующаго народа взять предохранительные меры, кои уже и точно восприняты; и теперь происходит укрепление города и собрание войск, для чего те казаки и калмыки, да и легкая полевая команда и гарнизон на то самое и приуготовлены. И, сверх оного, и к генерал-порутчику и ковалеру де-Медему писано и решително от него требовано, дабы, видя таковую бедъственную всем здешним местам от внутреннего врага напасть, на преграждение и искоренение ево уделить ис корпуса своего воинских сил, регулярных и казаков, достаточное число, такъже и командированных к нему калмык тысечу пятьсот человек отъпустить в Астрахань, оставя толко при себе на единъственное спасение тамошнего края от набега с противной стороны, дабы я, совокупя малейшия мои команды, в состоянии был тех внутренних злодеев поразить и здешние места от них защитить; почему и может он, генерал-порутчик, подвиги свои и нападении в неприятелския жилища на некоторое время или до обращения отсюда войск удержать. А кочующих здесь калмык, спасая их от раззорения, паче же от соединения с злодейскою толпою, велено ныне всех с их скотом удалить к морю в мачаги, а иных перевесть в близость к Астрахани на луговую сторону и расположить кочевьем по островам, ибо злодейское намерение есть итти сюда и на Яик, на Терек и в Горские места.

По сей притчине и принужденным нахожусь оставатца в Астрахани с малым числом военных людей для сохранения здешняго города, особливо ж и удержания от могущаго быть по тому усилившемуся злодейству волнования и смятения в народе, где неистовых збродных бурлак да и азиатцов, живущих и приезжих людей разных родов, такъже и в содержании колодников состоит немалое число, за коими и должно иметь по нынешнему опасному времению наикрепчайшее пре[до]стережение, о чем о всем и Правителствующему Сенату неоднократно от меня донесено.

Касательно ж до Царицынской крепости, тамо комендантом все принадлежащие ко обороне разпоряжении, о коих и мною доволные подтверждении ему учинены, чтоб старатца, укрепившись по военному обряду, тех злодеев до раззорения себя отънюдь не допустить и полковнику князю Дондукову наикрепчайше велеть обще с легкою командою на них нападать и истребить, и поскоряе командировать ис Царицына на способных лодках пристойную команду, человек сто с пушками с надежным обер-афицером, и идущия по Волге-реке злодейские два судна с правиантом и экипажем отбить или по крайней мере их сжечь или же затопить, чтоб они целыми отнюдь оставатся не могли...[1]

Покорнейше прошу, по крайнему здесь недостатку, воинскими силами меня снабдить, ибо я не сомневаюсь, что на преследование их, злодеев, от Казани и от Оренбурга войски посланы, но толко ни малейшаго сведения об них, где они находятца, не имею. Впрочем же, с совершеннейшим высокопочитанием к вам пребываю

Вашего сиятелства, милостиваго государя, всепокорнейши слуга Петр Кречетников.

20 августа 1774 года.
(Центрархив, „Пугачевщина“, том II, стр. 283—285).

РАПОРТ ГАЛАХОВА ГР. ПАНИНУ ОТ 1 СЕНТЯБРЯ

Вверху надпись: „Получен сентября 7 дня 1774 году“.

Его сиятельству, г. генерал-аншефу и разных орденов кавалеру графу Петру Ивановичу Панину

От лейб-гвардии Преображенскаго полку капитана Галахова

Рапорт

Отправясь 20 числа минувшаго августа из города Шацка, старался со всевозможною торопливостию г. полковника Михельсона с деташаментом нагнать, который уже злодея Пугачева

[1] Опускается последняя часть письма П. Н. Кречетникова, где в частности, передается содержание еще одного рапорта от Бошняка, полученного в Астрахани вечером 19-го же августа.

иногда верстах во сто и меньше преследовал. Я употреблял все меры с оным соединиться; однакож за чрезвычайною отдаленностию и за неимением по дороге почтовых лошадей, а больше по причине бунтующих жителей, никак не мог успеть его настигнуть. Между тем г. полковник Михельсон, столкнувшись с вышепомянутым варваром, атаковал его и разсыпал в разныя стороны, и разогнав всю его толпу, иные скитаясь по степи ищут убежища, коих однакож повседневно кучами казацкия партии приводят, другие бросились за Волгу, куды, как г. полковник Михельсон уведомляет, и сам злодей с малою толпою Яицких казаков переплыл и ищет спасения укрыться в широких и необитаемых степях. Теперь осмеливаюсь вашему сиятельству донести, что после разбития злодея никто точнаго сведения не имеет, куды действительно он путь свой устремил и где соберется опять с зловредными своими сообщниками. Его превосходительство г. генерал-маиор и кавалер Павел Дмитриевич Мансуров, по приезде моем в Царицын, дал мне знать, что имеет известие, только не весьма обстоятельное, от прибежавшаго из-за Волги мужика, который объявил, что он был в партии самого злодея, и утверждает якобы злодей с самым малым числом прямо от Царицына пустился в широту степи, куды с тем же беглецом его превосходительство Донскаго войска г. полковника Галаванскаго [1] с надежнейшими казаками, а другую партию вверх по Волге, состоящую из Яицких казаков, отправил. Г-н же полковник Михельсон по той же стороне Волги г. маиора графа Меллина послал злодея искать, а сам обратно к Царицыну следует. Я честь имею вашему сиятельству донести, что я в Царицыне и ожидаю от вышепомянутаго г. маиора графа Меллина и г. полковника Галаванскаго точнаго о варваре известия, а между тем осмеливаюсь требовать от вашего сиятельства наиполезнейшаго наставления.

Капитан Александр Галахов.

Сентября 1 дня 1774 году.

Город Царицын.

(Материалы для истории Пугачевского бунта Я. К. Грота. Приложение к XXV тому Записок имп. Академии Наук, № 4, стр 46-47).

РАПОРТ МАНСУРОВА гр. ПАНИНУ ОТ 1 СЕНТЯБРЯ

Вверху надпись: „Получен сентября 7 дня 1774 году".

Сейчас рапортует мне г. полковник Михельсон от 31 августа, что злодей Пугачев, будучи всею его конницею преследован до самой реки Волги, в 5-ти там нашедших лодках с своими ближними стал переправляться, но попав на остров, с онаго пошел вплавь; а другие из самаго берега кидались переплыть реку, но почти все потонули, переправленные же его г. полковника

[1] Т. е. Иловайского.

рапортовали, что нашли след к стороне Царицына; один же из пойманных воров уверял, что злодей имел намерение скрываться в каких-то камышах, где хотел питаться зверями и пробыть неделю, имев с собою только 50 человек, в числе коих не более 20 вооруженных, и потому он, г. Михельсон, переправил в след маиора графа Меллина с его деташаментом, придав ему 200 человек донских казаков, а подполковника и кавалера Муфеля с его легкою командою и стольким же числом казаков отправил в Черной Яр для примечания злодейских оборотов; а сам с достальным войском следует к Царицыну.

Пред прибытием сего ж курьера получил я от жителей Заплавного городка известие, что в той сволочи, у них бывших для взятья хлеба, о которых вашему графскому сиятельству прошедшаго августа от 29 числа рапортовать честь имел, что им указывано было между прочими на две хари, из которых одну называли Петром Федоровичем, а другую Емельяном Пугачевым, из чего я заключаю, что не действительно ли самозванец в той шайке находится и чрез посланную от меня к достижению их и истреблению партию полковника Иловайскаго и маиора Бородина, которым наистрожайше предписано его поймать или истребить, не взирая на все препятства! Надеюсь получить желаннаго успеха, тем более что в то же время получил другое сведение, что та злодейская шайка, состоящая по примечанию около двух сот человек, тянулась луговою стороною реки Волги из степи к Дубовской станице, но видя себе преграду от идущих от меня трех партий вверх оной реки нагорной, ударились против оной Дубовки в степь в луговыя ж стороны.

Тем трем помянутым партиям предписаны места для наблюдения перелазов злодейских на сию сторону, а именно: в Камышинские гвардии поручик Мельгунов с его Казанскими уланами и Мещеряками, состоящих в 150 человек, придав ему роту 22-й легкой полевой команды драгун, в станицах Балыклейской ротмистр Нолькен, в Дубовской поручик Потулов с каждым по эскадрону Архангелогородских карабинер и по 50 человек Донских казаков; равно и г. генерал-маиора и кавалера князя Голицына просил я, чтоб к удержанию злодейскаго на сию сторону перелаза и связи тех помянутых трех мест, отдеташировал и он команду в село Золотово, лежащее по нагорной стороне на берегу Волги ж между Саратовом и Камышенкою, что совершенною преградою бунтовщикам служить будет, также и способность от Саратова к Иргизу требует большого внимания.

Не имев я сам теперь ни одного человека конницы, остался с одною пехотою в Царицыне для распоряжения присланных сюда и здесь пойманных пленных, которых простирается более 7000 человек.

Павел Мансуров

Город Царицын
Сентября 1 дня 1774 году.

(Материалы для истории Пугачевского бунта Я. К. Грота. Приложение к XXV тому Записок имп. Академии Наук, № 4, ст. 40—42).

РАПОРТ СУВОРОВА гр. ПАНИНУ ОТ 3 СЕНТЯБРЯ

Его сиятельству

высокопревосходительному г. генерал-аншефу, главному повелителю войск, отряженных на истребление внутренняго смятения, и трех российских орденов кавалеру графу Петру Ивановичу Панину

Рапорт

По всходе моем в город Царицын обвестили мне здесь гг. генерал-маиор и кавалер Мансуров и полковник Михельсон о поражении всеобщаго возмутителя, разбойника и государственнаго изменника, всей его сволочи и что он успел сам с сообщниками своими убежать за Волгу вверх, для чего к иследованию [sic] его истребить или же заключить от всех мест в таковой зев, котораго б не мог миновать, предположено от меня первоначально вступающему сего числа сюда с деташаментом г. полковнику Михельсону следовать завтра за реку Волгу, настигая по следам укрывательство злодея, при коем и я отправлю себя: г. генералу-маиору и кавалеру князю Голицыну дано от меня знать об отряде моем сем, и чтоб он переносился тож за реку с своей стороны, не допустить внутрь иметь ему убежище и распространение злодейства. Г. генерал-маиор и кавалер Мансуров по тому ж расположится в Дмитровске, простирая пост свой к Саратову. Г. же генерал-маиор князь Багратион по сообщению моему уставить должен себя в Царицыне, располагая 7 эскадронов гусарских при нем находящихся около Голубинской станицы и сообщаясь постами к Дмитриевску и Чернояру, где г. подполковнику и кавалеру Муфелю [sic] повелено остаться и делать примечания о сем злодее, коего по способности и поражать. И как уже партии от г. Михельсона при г. графе Меллине с деташаментом в прибавок к оному 200 казаков посланы 31 августа прошедшаго месяца, но в то время не мог он по недостатку судов переправиться как только и то что мог при Черном Яру. Да от г. генерал-маиора Мансурова отряженны отсюда Донской полковник Иловайской с 300 казаков и старшина Яицкой Бородин с 200 казаками Яицкими, 29 августа, Пугачева изменника преследовать по той стороне реки, однако досель нет известия, а каковы получены будут, не упущу донесть вашему сиятельству. Между тем же по тому моему распоряжению приуготовит всякая часть к установлению себя, что все к апробации вашему сиятельству подношу. При отправлении сего здешних шелковых заводов офицер Рычков, прибыв сего числа донес, что он был для провожания посланной к истреблению самозванца и его шайки с Яицким старшиною маиором Бородиным, которой своею командою злодеев отрезывает от Елтонскаго озера к Узеням и вчера надлежало ему быть против Дмитревска.

Сентября 3 дня 1774 года. Генерал-порутчик
Г. Царицын. Александр Суворов

(Материалы для истории Пугачевского бунта Я. К. Грота. Приложение к XXV тому Записок имп. Академии Наук, № 4, стр. 43—44).

РАПОРТ СУВОРОВА гр. ПАНИНУ ОТ (?) СЕНТЯБРЯ

Уверяемое известие одно по другому утверждало мнение преследовать побег разбойника Пугачева после разбития его за Царицыном, к рекам Узеням, куда он бежал (как о том из Саратова от г. генерал-авдитора лейтенанта Савельева извещаемо было), о чем и вашему сиятельству донесено и от меня; что ж и пойманные 3 человека от Узень к Волге следующие а в его шайке находящиеся то ж уверяют, что он по прибытии к Узеням в 30 человек находился, как о том богомольцы шатающиеся по реке объвили им, что часа за три уехал пред ними дней тому от ныне 8 или 9, а куда именно, не знают. Не сделав диспозицию расположа войски вверенные мне в нагорном берегу Волги к охранению берега поручил г. генерал-маиору и кавалеру Мансурову и г. генерал-маиору князю Багратиону, следую сам с деташаментом г. маиора графа Меллина делать поиск над помянутым разбойником, оставя позади себя г. полковника Михельсона деташамент и достичь сей день реки первый Узень учинил учреждение: деташаменту на 4 части разделясь, двум следовать по обоим сторонам реки первой Узень к устью ея до озера; а двум последним частям к большой Узени, где и я присутствовать имею, обняв по обое [sic] стороны ея каждой частью жечь камыш, укрывающий разбойника: но буде бы и там еще не отыскался, так по следам его настигать постараюсь, превозмогая во всем усталость, даже и самого города Ейска. И как г. генерал-маиор князь Голицын уведомляет меня, что он следовать будет на Иргиз, к тому ж и вся луговая сторона Волги препоручена ему для поиску злодея, где бы он не оказался: то прорезываюсь не к Сызрану, степью предприемлю марш; когда другаго мне дела не будет и обстоятельства не переменят, ожидать буду инако предварительнаго повеления.

При окончании сего встретили меня рапорты к г. генерал-маиору Мансурову от Донскаго полковника Иловайскаго и Яицкаго старшины Бородина. Надежда блистает. Сейчас со всем деташаментом г. Меллина иду к другому или большому Узеню. Как оба рапорты что до того в одной силе, то влагаю вашему сиятельству один оригинальной. Г. Михельсону то ж подтвердил следовать за мною весьма поспешно.

Генерал-порутчик Александр Суворов. Ч. (число?) сентября 774 года. Река Узень малой.

(Материалы для истории Пугачевского бунта Я. К. Грота. Приложение к XXV тому Записок имп. Академии Наук, № 4, стр. 45-46).

РАПОРТ КНЯЗЯ П. М. ГОЛИЦЫНА гр. ПАНИНУ

от 10 сентября

Вверху надпись: „Получен 14 сентября 1774 году".

Его сиятельству высокопревосходительному г. генералу аншефу, сенатору и разных орденов кавалеру графу Петру Ивановичу Панину

От генерал-маиора и кавалера князя Голицына

Репорт.

Из предыдущаго моего репорта от 7 сего сентября ваше сиятельство известны быть изволите о переправе предводимаго мною деташемента на луговую сторону Волги. А чрез сие имею честь донести, что вчерашняго числа переправился и я на сей берег, и отрядя тотчас для нужных примечаний по Иргизу партии, продолжаю и сам вверх сей реки путь свой, перешед уже по отправлении сего до пятидесяти верст.

При сем препровождаю к сведению вашего сиятельства присланную ко мне от г. генерала-маиора Потемкина копию с допроса, учиненнаго вышедшему из киргиз-кайсацкаго плену астраханскому жителю Беляеву, из которой усмотреть изволите, по каким побуждениям варвары Киргиз-кайсаки производят в здешних местах грабительства и злодейства.

Между тем получил я репорт от Донскаго полковника Иловайскаго, от 16 сего сентября, которым уведомил меня, что прибыл он того числа из Царицына с Яицким старшиною маиором Бородиным в Покровскую слободу, лежащую на луговом против Саратова берегу, поймав в следование свое сею дорогою отставших от злодейской толпы 24 человека, которые объявили, что нечестивой самозванец, по поражении за Царицыным полковником Михельсоном, вознамерился снискать себе укрываться на речках Узенях, имея в шайке своей только до 200 человек. В следствие чего помянутые полковник Иловайский и маиор Бородин того ж дня и положили отправиться со своими командами из той слободы для достижения онаго изверга. Я не оставил сим казацким начальникам наипрележнейше подтвердить, чтобы они всевозможные силы к тому употребили и преследовали бы его во всех местах, куда он варварское свое стремление ни обратил, а притом и я с своей стороны способствовать им могу, потому что движения мои по Иргизу клонятся к сему ж единственному предмету.

Оканчивая сие, имею честь донести, что ордер вашего сиятельства от 3 сего сентября верно мною получен. И я по приложенному при оном предположению, в котором назначены правила к возстановлению прежняго спокойствия и тишины и к изысканию и наказанию главных возмутителей и их последователей, не премину надлежащаго при встречающихся случаях чинить исполнения, наиточнейше о том же предписав всем деташементным начальникам, под командою моею состоящим.

По изготовлении сего моего репорта возвратился ко мне адъютант мой Ершов, произведенный вашим сиятельством в порутчики, чрез котораго получа я ваш ордер от 5 сего месяца, приношу вашему сиятельству покорнейшую мою благодарность за то, что ваше сиятельство, приняв во внимание учиненное от меня в пользу сего офицера одобрение, изволили его настоящим новым чином осчастливить, котораго по предписанию вашему приказав я привесть к присяге, не замедлю определить по моему разсмотрению и в полк.

Генерал-маиор князь Петр Голицын.

10 сентября 1774.
Деревня Криволуцко
на реке Иргизе.

(Материалы для истории Пугачевского бунта Я. К. Грота. Приложение к XXV тому Записок имп. Академии Наук, № 4, стр. 53-56).

РАПОРТ ГАЛАХОВА гр. ПАНИНУ ОТ 12 СЕНТЯБРЯ

На отправленной мною 1 сентября рапорт с отменным ожиданием желал от вашего сиятельства попользоваться наставлением, которое 11 числа честь имел получить.

Ваше сиятельство, изливая мне самой полезнейший совет, указывать мне оным изволите направить свои следы соединясь, держаться его превосходительства г. генерал-порутчика и разных орденов кавалера Александр Васильевича Суворова, которой начальствует над передовыми вашего сиятельства произведениями. Осмеливаюсь теперь донесть, что я как будто предчувствовал, моим расположением трафил действительно на мысль вашего сиятельства и из Царицына переправился вместе с его превосходительством чрез Волгу; стремили свои предприятия к селу Николаевскому, которое прямо против города Дмитриевска указывается; во оном за нужное почел я открыть вверенному мне человеку,[1] что путь наш лежит к Узеням и Яику, где действительно укрывательство злодея Пугачева все полагают, что то же мнение и его превосходительство поставляет. Поверенная мне особа, на которую уже и Ея Императорское Величество всемилостивейшая Государыня предположить изволила свое уверение, удержал оставить след к Узеням и Яику его превосходительству, мне же свой совет подал, уверяя притом, что самозванец Пугачев единственно для того уклоняется к Узеням и Яику, чтоб отвесть наши войски вправо, дабы между тем очистить себе путь влево к Башкирцам и Татарам, где его с вернейшими своими сообщниками и весьма малою толпою порознь под защищение примут и скрываться дозволят до времени, в которое он усмотрит удобной случай в тех краях опять разбросать зловредной жар и мерзкое обольщение в простонародное

[1] Мнимому Астафию Трифонову.

невежество. Наконец заключил свой совет предложением, чтоб из Саратова непременно его отпустить, уверяя, что злодея Пугачева скорее всех он сыщет и доставит в город Изранск [sic][1] чрез весьма малое время. Я осмеливаюсь вашему сиятельству донесть, что он меня уверял и обнадежил якобы самозванец никак от его рук не скроется, ибо ему все следы, по которым варвар спасения с самым малым числом своих сотоварищей искать будет, и точные его плута пристанища и в которых его местах возстановители и кто ему действительно преданы, столько же и ему известны как и самому плуту Пугачеву. Я не знал на что решиться и что начать при столь разсыпанных обстоятельствах, разсуждал последовать ли моему предложителю, или держаться его превосходительства: наконец сообразил, что если злодей действительно стремится к Узеням и Яику, то осмеливаюсь обнадежить и вашего сиятельства, что его превосходительство Александр Васильевич непременно самозванца настигнет и по малой с оным злодеем шайке разсыплет остаток его толпы, или, если бог благословит и самого плута Пугачева поймать, надежда уверяет.

Капитан Александр Галахов

Сентября 12 дня 1774 года.
Город Саратов.

(Материалы для истории Пугачевского бунта Я. К. Грота. Приложение к XXV тому Записок имп. Академии Наук, № 4, стр. 58-60).

РАПОРТ КАНЦЕЛЯРИИ ОПЕКУНСТВ

В Правительствующий сенат из Канцелярии Опекунства Иностранных.

Репорт[2]

Получены в Канцелярию Опекунства Иностранных следующия известии.

1-е, сентября от 11 дня, из Канторы, находившейся тогда в Астрахане, — что денежной казны ведомства Канторы Опекунства Иностранных действительно спасено дватцать шесть тысяч семьсот восемдесят четыре рубли. Разграблено ж пятнадцать тысяч рублей, отправленных на одном судне, дворцовой Золотовской волости крестьянами, до оставших в Саратове в кладовых, которых на отправляемые суда погрузить не успели, медною монетою, дватцать пять тысяч семьсот восемдесят девять рублей три четверти копейки, а всего сорок тысяч семьсот восемдесят девять рублей. Так же из письменных канторских дел спасены только приходные и росходные книги с принадлежащими к тому документами, а протчия все пропали на

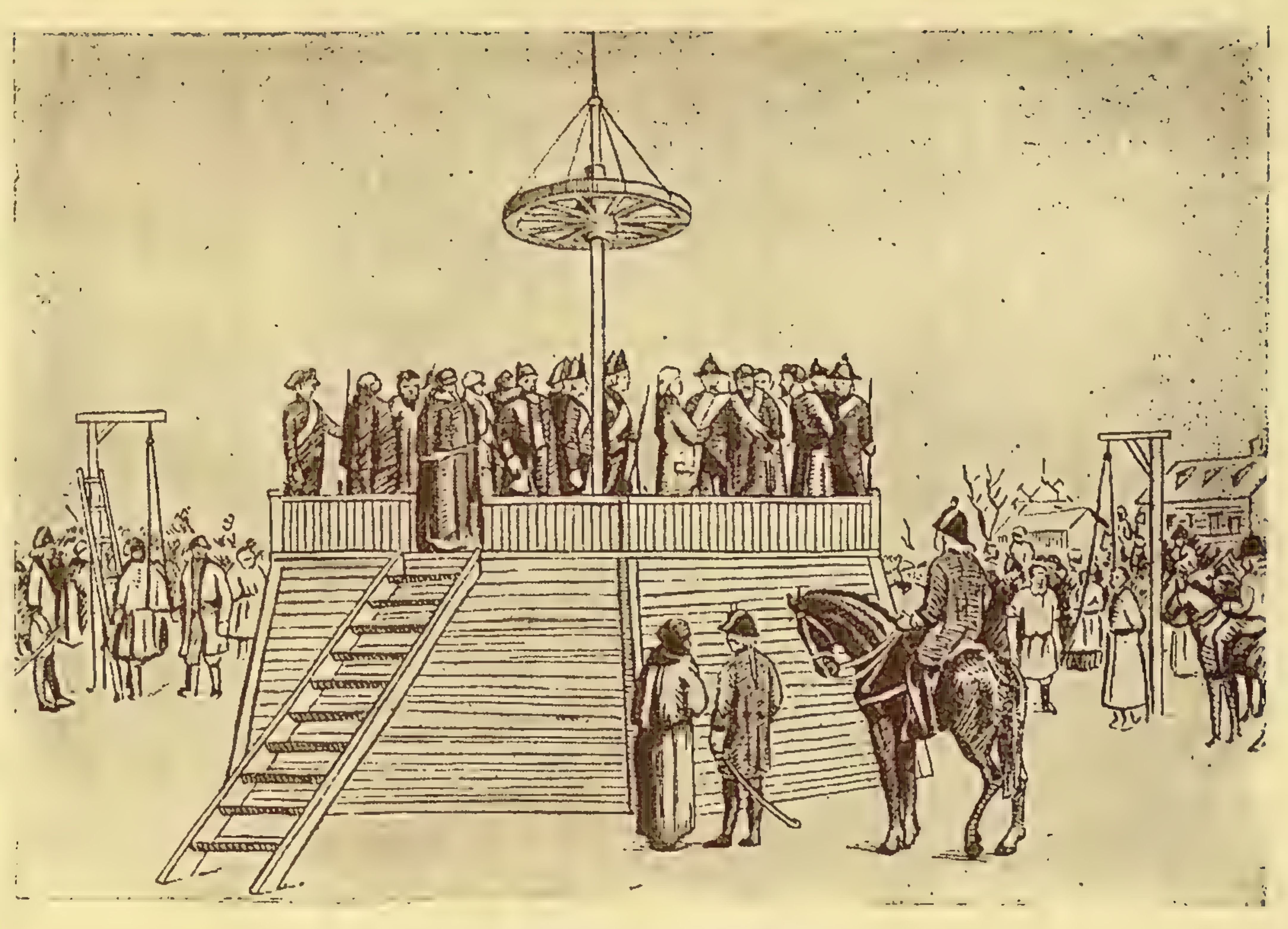
---

[1] читай Сызрань
[2] Начало „репорта" опускается.

вышепомянутом же разграбленном судне. И что о отъискании всего онаго писано из той канторы, как к господину полковнику Михельсону, так и к находящемуся в тех местах господину генерал-маиору и кавалеру Мансурову, но на то де известия от них никакого еще не получено. Что в саратовских магазейнах до разбития злодеями состояло закупленной для колонистов, муки более дватцати тысяч четвертей и немалое число овса, не щитая учрежденных в других местах магазейнов, в которых таковая ж гибель последовала, но о количестве пропалаго сведениев еще не получено. А после разграбления из разбросанной по берегу реки Волги саратовскими жителями собрано августа по 18 число, как то от вышепомянутаго Низовой Соляной Канторы члена господина Савельева Канторе знать дано, только муки шестьсот сорок пять, овса сто семьдесят кулей. Что злодеи разными толпами были и в колониях по нагорной и по луговой сторонам, и, как де сообщением от астраханскаго господина губернатора с допросов пойманных злодеев знать дано, когда они шли из Саратова к Дмитриевску, то из состоящих по тракту колоний многие иностранцы добровольно приставали в злодейскую толпу и в ней оставались до самаго ее разбития. По разбитии же взято оных обратно и отдано для доставления в Саратов и в тамошние колонии мужеска и женска пола четыреста тридцать два человека, да из бывшей в Саратове для салвогвардии команды перваго артилерийскаго фузелернаго полку трех рот унтер-офицеров, капралов и рядовых, и протчих нижних служителей триста пятьдесят два человека казаков: саратовских при одном пятидесятнике шестьдесят четыре, донских при одном есауле семдесят. Что из находящихся в ведомстве канторском людей щитается погибшими от злодейских рук и безизвестно пропавшими: смотритель над межевщиками кольлежской ассессор Пайкуль, порутчик один, подпорутчик один, карнет один, прапорщик один, протоколист один, канцеляристов шесть, подканцеляристов тринадцать, копиистов семь, Саратовскаго батальона салдат три, сержант один, каптенармус один, за вахмистра иностранец один, сторож один магазейн-вахтер один, аптекарь один, аптекарской гезель один, цирюльников четыре, работников из колонистов четыре, всего всех чинов пятьдесят три человека...[1]

2-е, сентября от 14 дня, от находящагося в саратовских колониях члена Канторы Опекунства Иностранных надворнаго советника фон-Тилинга, которому от Канторы до прибытия ея — в Саратов правление над колонистами препоручено, — что денежная казна, которую разграбили Золотовской волости дворцовые крестьяне, должна по большой части состоять у них еще налицо, но мало де старания о сыскании, оной прилагается; а он фон-Тилинг, не имея в своей команде ни одного человека, исполнить того не в состоянии. Колонисты ж, за неимением хлеба, претерпевают крайнюю нужду. Что сверх вышеписанных

[1] Опускается часть „репорта"



Казнь Пугачева. Рисунок XVIII в.

злодеев, учинено было еще нападение на селении иностранническия, лежащие на луговой стороне по реке Караману, от киргисцов, кои при сем нападении увезли было всех людей, в которых состояло мужеска и женска пола тысяча пятьсот семдесят три человека, равным образом лошадей и протчей скот, одним словом, не оставляя ничего, что тут найтить могли, причиня раззорение построенным домам; но, однако же лейб-гвардии порутчиком Державиным с командою будучи в степи достижены и разбиты, и возвращено взятых колонистов восемьсот одинатцать душ, также и несколько скота, а оставшие затем, где девались, неизвестно.

А как Кантора Опекунства Иностранных при уведомлении о сем вышепрописанном представляет свое мнение как на фузелерную команду, кроме майора Семанжа и капитанов Никифорова и Елчина, так и на донских и волжских казаков, кроме двух есаулов: Татарина и Фомина, что они, зделав уже измену, остаются вовсе безнадежными и впредь к подобным сему злодейским поступкам подозрительными; да хотя б сии команды и подозрения не заслуживали, то б по малости их, как выше значит, смотрение за колонистами надлежащим образом иметь и в востановлении между ими, так, как уже в великую разстройку пришедшими людьми, желаемаго порядка предуспеть было б невозможно, — то, в разсуждении сего, Кантора и просит Канцелярию Опекунства Иностранных о доставлении в Саратов вновь достаточной команды, таковое требование и Канцелярия Опекунства Иностранных, находя основательным и необходимо нужным, предоставляет Правительствующему Сенату, повторяя и с своей стороны покорнейшую прозьбу, не повелит ли Правительствующий Сенат на первой случай определить из находящихся в тех местах команд с пренадлежащим числом штаб и обер-офицер, рядовых до шестисот, да казаков, которые необходимо нужными почитаются для учреждения разъездов, доколе все иностранцы от прошедшего замешательства в порядок приведены быть могут, до ста человек.

На подлинно[м] подписано: Князь Г. Орлов Иван Резанов. Афонасий Балла. По листам секретарь Иван Ананьевской.

(Центрархив, „Пугачевщина", том 3, стр. 203—206).

КОПИЯ С РАПОРТА,

присланнаго к войску Донскому от походного атамана Абросима Луковкина, от 13 сентября 1774 года

Вчерашнего числа, на разсвете я, с господами полковниками Лащилиным и Вуколовым и Чугуевскаго казацкого полку порутчиком Пасмуровым, команды моей с донскими и малой части

чугуевскими и новокрепскими казаками, призвав [sic] всевышняго бога в помощ, толпу злодейскую, ту, которая волочилась в числе дву тысячи человек, при называющемся злодейском полковнике Каменском, которой родом житель города Острогожска, по речкам Вороне и Хопру по разным селам, и чинил немалыя раззорения, вешал дворян и разных чинов людей, Пензенскаго уезду в слободе Баланде впрах разбил, без всякого с нашей стороны урону. И более трех'сот злодеев в смерт побито, а в плен взято девяноста сем человек, разнаго звания; а кто оные имены и каких званей — прилогаетца при сем опис, какова от мене при рапорте, а пленные за надлежащим конвоем при подорожной, по способности посланы Новохоперской крепости к господину брегадиру и коменданту Аршеневскому. Да, сверх того, отбил у злодеев: шест малых пушак, ис коих три чугинные [sic], а три медные, кои показанным злодеем взяты Пензенскаго уезду в селе Свищевке у помещика Масалова; тож немалое число ружей и дротиков, кои казакам розданы, и один барабан отбит. А бывшей в той толпе злодейской предводител, полковник Каменской, бросяв[1] в предреченную речку Баланду, утопился, которой сего числа ис той речки из воды посланными от меня казаками, по глубокости речки — приволокою, вытощен и всеми обывателми признан. Протчие ж, сволочи ево, злодеи бежали чрез ту ж речку, которая под самым жилом той слободы; и многое число потануло, а другие по лесам разбежалис, но и там казаками многие половлены. Пленные уверяют, что ныне было здес той всей толпы числом до семисот, а протчие до сего разбития от толпы разбежалис.

И ныне уже по здешним местам, по разбитии сей, толпов нигде нет. Однак, из них, пленных, чрез одного дворянина, Николая Чевкина, также и жену злодея Каменскаго Варвару я сведал, что за рекою Хопром [?] выше Аркадаку, и от села Ключей в три версты в слободе Хрущовки у расколнического попа Евсея кроитца злодейской полковник Иван Иванов з братом ево, ис простых людей, а каких — не знают; и будто бы он всею обявленною толпою повелевает, и приезжал в сию толпу, назад тому будет, з две или три недели, и, пригнав мужиков, отдал сему Каменскому, злодею, а сколько числом — не знают же; а от него ис толпы взял тридцать человек лутчих людей и поворотился, а куды — тож не знают же; только соглашалис соединитца с самым злодеем Пугачевым. Почему я, за отправлением сего, с одною моею донскою командою и пошел туда для посику того злодея. И, что происходит будет, рапортовать вашему высокоблагородию и войску Донскому долженствую.

(„Пугачевщина", том 3, стр. 69—70).

---

[1] Искаженное „бросясь".

РАПОРТ СИМОНОВА П. С. ПОТЕМКИНУ ОТ 14 СЕНТЯБРЯ

Высокородному и превосходительному г. генерал-маиору, двора Ея Императорскаго Величества камер-юнкеру и кавалеру Павлу Сергеевичу Потемкину

полковника Симанова
Покорный рапорт.

Во исполнение вашего превосходительства повеления командированной от меня для преследования воровских Киргиз-Кайсак на Иргиз и вниз реки Волги, в числе 100 человек, здешних Калмык начальник Рычков при рапорте доставил сюда пойманных им по речке Деркулу и при Камышлацких вершинах из первых известнаго злодея Пугачева предводителей, казака Афанасья Перфильева с товарищи, 37 человек, которые де взяты из за производимой с ним оружейной стрельбы и показывают здесь, что по совершенном их войсками Ея Величества ниже Царицына поражении и по перелазе Волги реки злодей был в числе собравшихся к нему здешних казаков 150-ти человек и других посторонних некоторой малой части мужиков, и намерение имел ехать вверх по Волге сперва на Камышенку, а потом, доставши там, на перемену усталых своих лошадей, свежих и способных, и получа в запас хлеба, котораго при них совсем ничего не было, на Елтонскую соль, а оттоль на Узени, с Узеней же де или на здешние Яицкие форпосты, а с оных забрав казаков, на морския ватаги, или, не занимая уже те форпосты, прямо в море и из числа де их 6 человек, едучи с ним Пугачевым к Волге в намерении на Камышенку, усмотря по обоим сторонам оной реки Волги огнища, по разбитии их, в первую ночь от него отстали, а куда де уже он в самом деле пойдет, не знают, а другие 21 человек будто бы по переправе чрез Волгу, не соединяясь с ним, раскаявшись ехали прямо сюда в Яицкой город.

Сентября 14 дня 1774 года.
Яицкой город.

(Материалы для истории Пугачевского бунта Я. К, Грота. Приложение к XXV тому Записок имп. Академии Наук, № 4 стр. 61—62).

ПРОМЕМОРИЯ

Изъастраханской губернской канцелярии вастраханскую духовную консисторию, сего октября 9 числа присланным в губернскую канцелярию его превосходительство господин генерал порутчик оренбургской губернатор и ковалер реинсдорп сообщением дал знать, что указом Ея Императорскаго величества из государственной военной коллегии от 14 числа минувшаго августа присланныя наипрележно рекомендовано ему господину оренъбургскому губернатору беглаго из казани испод

караула сбывшим начасах салдатом воиска данскаго казака расколника емельяна пугачева во всех вверенной его превосходительства губернии селениях, особливо вжилищах воиска яицкаго чрез надежных разным секретным образом сыскивать, как скоро сыскан будет, то их заковав вкрепкие кандалы заособливым конвоем отправить вказань к тамошнему губернатору, ипоисполнении вколлегию репортовать, но прежде нежели он господин оренбугской губернатор осем наяик втамошнюю коменданскую канцелярию предложил, подполковник Симанов управляющей теперь войском яицким репортовал кнему господину оренбургскому губернатору: что он пугачев в жилищех воиска яицкаго появился, ивтакое некоторых яицких казаков бывших пред сим в мятяже привел возмущение, что пристав к нему многолюдно делает великие пакости и смертные убивства: ипонятно что они напоследок побуждаемы страхом отправленных отнего господина оренбургского губернатора команд икакотчаянъным злодеем своиственно пробиратца будут внутрь российских жилищь делая пакости, ихотя он господин оренбургской губернатор всеми силами старается надними поиск делать исборище их разрушить однако впредварение всякого непредвидимаго обстоятельства разсудил он господин оренбугской губернатор вздешнюю губернскую канцелярию сообщить, чтоб по оной губернии, иособливо вближаиших къ яику жилищах принять надлежащую предосторожность, очем от него ихказанскому губернатору сообщено; того ради по Ея императорского величества указу и по резолюции астраханской губернской канцелярии велено опоимке означенного злодея по принятии от него крайней предосторожности здешней губернии вгородовые канцелярии послать указ, авастраханский магистрат сообщить и требовать, чтоб благоволено было обоном поведомъству своему куда следует учинить подтверждение, ивсем купцам имеющим у себя кяику рыболовные ватаги истан секретно о“явить, дабы иони взяли равномерную предосторожность, ибуде оной злодей где иногда тамо окажется наиприлежнеише старались ево поимать, акогда он ссобравшеюся сним вомноголюдстве партиею ближае къздешним местам пробираца станет, то как скоро возможно дали знать вмагистрат, аонному губернскую канцелярию уведомить, очем ивздешнюю духовную консисторию сообщитьже, для чего обоном сия консистория иблаговолит учинить по ея императорскаго величества указом, авпротчие места указ исообщение послан октября 10 дня 1773 года[1]

Михайла Арапов
Секретарь иван Зайцев
Подканцелярист михалка горбунов.

(„Труды Саратовской уч. Арх. Ком.“, т. II в 2,71890 г., стр. 327).

---

[1]. Сравн. Н. Ф. Дубровина—„Пугачов и его сообщники“ т. 1, стр. 171—172

РАПОРТ И. АРАПОВА

В государственную военную походную Коллегию от походного атамана и верного раба Ильи Арапова

Покорнейший рапорт.

Сего декабря 25-го числа со всею ввереннoю мне командою в под город Самару подошол, ис коего города все жители, вышед ко мне навстречу, со всем освященным собором, со святыми образами, с молением встретили, и без всякого бою и пролития крови ево императорскому величеству покорились, и всем собором в соборной церкве по прочтении манифеста молебное о здравии его императорского величества пение произвели.

Еще ж и то реченной Государственной Военной Коллегии донесть не преминую. Сего ж течения, пришед ко мне содержащейся в городе Самаре под караулом поселенной Семен Никитин сын Володимерцов об“явил: когда де он, Володимерцов, с протчими поселенными отъправлен был в город Казань, и, не доехав до онаго, возвратили их обратно из деревни татарской Елшанки в город Самару. И, будучи де в той деревне Елшанке, слышал он, Володимерцов, яко б следует двенадцать полков, а куда де оные следуют, о том не известно, а Томской де полк при них пришол в город Синбирск и был де оной в том городе Синбирску только одне сутки и пошел по ту сторону реки Волги, а куда—неизвестно ж. И оное все вышеписанное объявил ему Володимерцову, будучи в селе Ключищах, следующей де из Оренбурга в Санктпитербург куръир, а как его зовут, о имени своем ему, Володимерцову, не об“явил. Оных же поселян от него Володимерцова. в команду мою принято триста семдесят человек, в том числе годных к службе его величества сто три человека[1].

Да прибывшей в город Самару из Белагорода от компании повереннаго питейных сборов поверенной же купец Иван Иванов, сын Фомин, объянил, что в город Синбирск идут команды, а, сколько числом, того не показал; которой выслушав ее им. вели. манифест, в ночи того же декабря противу 26 чи[сла] бежал. Да находящейся де в городе Самаре для писема при капитане Балахонцове бывшего гарнизона Ставропольскаго баталиона сержант Степан Стрыкин об“явил же, что в городе Сызране команды состоит Бахмуцкаго и Гусарскаго полков два эскадрона в числе трех сот семидесяти человеках, да легкой первой полевой команды в числе пятистах пятидесяти семи человеках, да Волских Саратовских казаков триста человек; и как оное об“явя, потому ж и он, Стрекин, с выписанным купцом Фоминым бежал же. Капитан же Балахонцев с бывшими в городе Самаре дворянами и с состоящею при нем волских казаков командою 24 числа декабря в ночи бежал, после котораго осталось коман-

---

1. Зачеркнуто „Триста„

ды Ставропольскаго баталиона солдат пятнадцеть человекъ. При оном же городе Самаре взято мною артиллери: пушек — шесть, пороху и денежной казны не отыскалось, ибо оную казну и порох вышеписанной злодей капитан Балахонцов увес с собою. К после онаго приезжал от казанскаго губернатора капитан с. командою, который приказывал правиант — комиссару Колеватову из имеющагося казеннаго правианта заготовлять на злодейскую партию сухари; однако всего того ему, злодею, не удалось. Когда ж я с командою подехал в ночи в пригород Алексеевску, то из вышеписанных злодеев. которые состояли при капитане Балахонцове, дубовские и саратовские казаки в числе пятидесяти человеках, искав того пригорода Алексеев[с]ка стоящей к реке Самаре караул[1] трех человек увезли с собою, а и (?) команду мою орудием своим стреляли, однако никакого вреда не учинили, и, возвратясь паки в город Самару бежали[2] Блис же города Самары окольные села и деревни жители всев подданство покорились его величества от которых частые розъездными меня уведомляли, что еще не приятельской силы следуют в город Самару гусаров в числе шестисот человек и при них орудия двенадцать пушек, для чего я принужденным нашелся ныне для охранения города Самары иметь станцыю, пока оных злодеев. Отпущеннные ж из армии его величества Бозулуцкой и Борской крепостей казаки в домы, а ныне по малоимению при мне команды, а паче по известным от злодеев экстренным обстоятельствам, состоят в команде моей. Для ж наилутчего утверждения тех верноподданных, кои ныне к его величеству покоряются, прислать присяжной лист и полное наставление. На обороте второго листа какая-то дворянская фамильная печать.

(„Пугачевщина", I, стр. 86—87)

ГЛАВНЫЕ ДАТЫ ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ ЕМ. ПУГАЧЕВА 1774 год.

Февраля	6.	Сожжение правительством дома Пугачева в Зимовейской станице.
Июля	18.	Переход Пугачевым Волги. Появление его у селения Нерадова. Первый манифест Пугачева в Поволжье.
Августа	6.	Занятие Пугачевым Саратова.
„	9.	Уход Пугачева из Саратова вниз по Волге.
„	11.	Занятие Пугачевым Камышина (Дмитриевска).
„	23.	Занятие Пугачевым Сарепты.
„	24.	Поражение Пугачева под Сальниковским заводом и бегство его за Волгу.

---

[1] Зачеркнуто „шесть"
[2] Зачеркуто „ИА"

Сентября 14. Измена группы казаков революционному делу и выдача ими Пугачева.

„ 15. Привод арестованного Пугачева в Яицкий городок и первый допрос Ем. Пугачева.

Октября 2—5. Допрос Пугачева в Симбирске.

Декабря 29. Начало суда над Пугачевым.

1775 год

Января 10. Казнь Пугачева в Москве на Болоте.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор *К. Нефедов* Техред *М. Парасочко*
Корректор *Р. Моряхина* Обложка *П. Быкова*

Сталинградское Книгоиздательство, издание № 28. Сдано в набор 26/VIII-1936 г. Подписано к печати 25/II-1937 г. Формат бум. 60×92 1/16. Бумажных листов 4,25. печатных листов 8,5. Учетно-авторских листов 9,25. Тираж 6000 экземпляров. Знаков в бум. листе 94 тысячи Уполномоченный обллита Ш/1108. Цена 3 р. 25к. Переплет 75 к.

Саратов, Типография Саратовского Облместпрома

ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует*
5	7 сверху	1760	1766
6	20 „	измученным	измученными
53	4 снизу	нооднократно	неоднократно
100	19 „	выше	ваше
112	12 „	дн десяцким	да десяцким

„Пугачев в Нижнем Поволжье"

Цена 4 руб.

